

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА ИЗ КРЕПОСТЕЙ И ССЫЛКИ (1829—1846)

ПИСЬМА К. Э. Ф. БРЕЙТКОПФ, М. Н. ВОЛКОНСКОЙ, А. Г., Б. Г., НАТ. Г., НИК. Г.,
Ю. Г. И Ю. К. ГЛИНКАМ, Н. И. ГРЕЧУ, В. А. КАЗАДАЕВУ, Ю. К. И Ю. Я. КЮХЕЛЬБЕКЕР,
Н. А. ПОЛЕВОМУ, И. И. ПУШИНУ, П. Н. СВИСТУНОВУ, С. П. ТРУБЕЦКОМУ

Предисловие и комментарии В. Н. Орлова

Настоящая публикация существенно пополняет эпистолярный фонд Кюхельбекера, доступный исследователю и читателю. До недавнего времени в печати было известно всего 57 писем этого выдающегося представителя декабристской литературы*. В 1951 г. в сборнике «Декабристы и их время», подготовленном Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии Наук СССР, было опубликовано еще 28 писем Кюхельбекера периода тюрьмы и ссылки (по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Института русской литературы) **.

В результате разысканий, предпринятых редакцией «Литературного наследства», в связи с подготовкой к печати настоящего тома, выявлено 67 неизвестных писем Кюхельбекера (1829—1846 гг.) в различных архивохранилищах и частных собраниях. Из них здесь печатается 51 письмо, 2 приписки и 3 отрывка ***. Приводим сведения о местонахождении подлинников публикуемых писем:

Гос. Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей: письмо № 40.

Гос. Исторический музей. Отдел письменных источников:

- 1) ф. № 282, ед. хр. 283—письма №№ 1—7, 13, 15—19, 21, 23, 25, 27, 29, 30, 32, 34;
- 2) собрание П. И. Щукина — письма №№ 9, 11, 41, 42, 49, 50.

Центральный гос. литературный архив: ф. № 256, оп. 2, ед. хр. 2—5 — письма №№ 14, 22, 28, 31, 33, 35, 39.

Гос. Публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей:

- 1) собрание отдельных поступлений 1946 г., № 7 — письма №№ 20 и 24;
- 2) архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 161/5 — письмо № 36.

Центральный гос. исторический архив:

1) архив III Отделения, 1-я экспедиция, ф. № 109, д. 61, ч. 14 — письма №№ 37, 38; ч. 52 — № 10;

- 2) ф. № 1152, оп. 1, ед. хр. 48 — письма №№ 43—45;
- 3) ф. № 1143, оп. 1, ед. хр. 58 — письмо № 47;
- 4) ф. № 48, ед. хр. 8 — письмо № 48.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР. Отдел рукописей: письма №№ 12 и 46.

* См. библиографическую справку в сб. «Декабристы и их время», 1951, стр. 27.

** Кроме того, в 1952 г. было опубликовано еще одно письмо Кюхельбекера к А. Г. Глинке от 13 ноября 1834 г. («Лит. наследство», т. 58, стр. 1008—1010).

*** Кроме того, см. письмо Кюхельбекера к сестре Ю. К. Глинке от 20 января 1823 г. на стр. 517—518 настоящего тома.

Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов) — письмо № 8.

Собрание А. Г. Миронова (Москва) — письмо № 26.

Двенадцать писем Кюхельбекера из собрания Гос. Исторического музея (ф. № 282, ед. хр. 283) исключены из публикации как не представляющие ни общественно-исторического, ни биографического интереса. Это — одно письмо к Ю. К. Кюхельбекер (от 21 августа <1831 г.>), восемь писем к матери (от 22 мая, 10 июня, 19 июля, 28 августа, 17 сентября, 25 сентября, 17 декабря и 31 декабря 1834 г.), одно письмо к Ю. К. Глинке (от 31 декабря 1834 г.) и два письма к Нат. Григ. Глинке (от 3 февраля 1830 г. и 9 октября 1841 г.). Исключены также одно письмо к Нат. Григ. Глинке от 13 ноября 1834 г. (ЦГЛА, ф. № 256, оп. 2, ед. хр. 3) и одно письмо к матери от 14 апреля <1831 г.> (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., д. 61, ч. 52, 1826, лл. 14 а—в), задержанное в III Отделении очевидно потому, что в нем Кюхельбекер сообщал о переводе его из Динабургской крепости в Ревельскую (на стр. 398 и 409 настоящего тома приведены цитаты из писем от 14 апреля, 21 августа 1831 г. и 10 июня 1834 г.). Кроме того, по тем же основаниям, в некоторых случаях нами сделаны купюры в письмах (№№ 1, 3, 5—7, 13, 19, 21—23, 27, 29, 30, 35). Купюры отмечены в тексте тремя точками в ломаных скобках — <...>.

Письма, написанные по-французски и по-немецки, публикуются в переводе на русский язык. Перевод выполнен М. Г. Ашукиной.

Текст писем воспроизводится с соблюдением принятых ныне правил орфографии и пунктуации, но без ущерба для тех особенностей подлинников, которые имеют произносительное либо историко-лингвистическое значение. В некоторых случаях текст писем дополнительно разбит на абзацы, которые в автографах Кюхельбекера часто заменяются знаком тире.

Даты писем и названия мест, откуда они были посланы, заключенные в угловые скобки, установлены нами. Во всех случаях эти сведения унифицированы и вынесены в начало письма (независимо от того, где они находятся в подлиннике).

* * *

Напомним вкратце основные факты и обстоятельства жизни Кюхельбекера в тот период, к которому относятся публикуемые письма.

После вынесения Кюхельбекеру приговора (15 лет каторги, замененной одиночным тюремным заключением) он был переведен из Шлиссельбургской крепости в крепость Динабург (Двинск, ныне Даугавпилс Латвийской ССР), где содержался с середины октября 1827 г. по 15 апреля 1831 г. Условия заключения в Динабургской крепости были несколько смягчены, благодаря помощи служившего там генерала Е. Криштофовича — родственника смоленских помещиков Криштофовичей, дружески связанных с семьей Кюхельбекера и с ним самим. В частности, по ходатайству генерала Криштофовича крепостное начальство разрешило Кюхельбекеру читать и писать, получать книги, прогуливаться по плацу и т. д. Кюхельбекер даже тайно виделся на квартире Криштофовича с матерью, специально приезжавшей для этого в Динабург.

В 1828 г. Кюхельбекеру разрешили переписываться с ближайшими родственниками — с матерью и сестрами. Касаться в письмах можно было лишь семейных дел и отвлеченных тем. Кюхельбекер постепенно расширил круг своих корреспондентов, самовольно включив в их число, кроме матери и сестер, своих племянников и племянниц. Сверх того, он нашел способ нелегально, через верных людей (П. Манасеина и поэта А. А. Шишкова, служивших в крепости, а может быть и через того же генерала Криштофовича) пересылать письма как родным, так и близким друзьям — Пушкину, Грибоедову, Дельвигу (см. подробнее: В. Н. Орлов. В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 39—40).

Одно письмо, адресованное Пушкину и Грибоедову, Кюхельбекер вручил князю С. С. Оболенскому — разжалованному офицеру, который находился в Динабургской крепости под арестом и в апреле 1828 г. был отправлен оттуда на Кавказ рядовым. Случайно это письмо было обнаружено у Оболенского, вследствие чего возник розыск. Дело дошло до царя, который приказал «поставить на вид» динабургскому коменданту,

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Гравюра И. И. Матюшина, 1880-е гг.

Литературный музей, Москва

что Кюхельбекеру «не должно было давать писать». В результате в феврале 1829 г. Кюхельбекера лишили права переписываться с кем бы то ни было. Однако вскоре — в августе того же 1829 г. — Николай I отменил это ограничение, согласившись с «представлением» Бенкендорфа, к которому обратились родные узника.

В середине апреля 1831 г., в связи с польским восстанием и тем обстоятельством, что Динабург оказался поблизости от театра военных действий, Кюхельбекера срочно переправили в Ревель (ныне Таллин), где посадили в Вышгородский замок. Накануне отъезда из Динабурга, 14 апреля 1831 г., он писал матери: «Я пишу вам только несколько слов — не потому, что у меня нет времени на большее, но потому, что слишком много чувств бушует меня; я покидаю Динабург; меня переводят завтра в Ревель <...> Динабург я покидаю с чувством горести; хотя это и была моя тюрьма, но я здесь уже почти 4 года, и всякая перемена страшит меня более, чем возбуждает радостных надежд» (неизд. письмо. — ЦГИА, ф. III Отд., 1 экзп., д. 61, ч. 52, л. 14). На новом месте Кюхельбекер, действительно, очутился в гораздо более тяжелых условиях, нежели в Динабурге: там уже не было расположенных к нему людей и все пути нелегальной связи с внешним миром были отрезаны.

В Ревеле Кюхельбекер пробыл недолго: 7 октября 1831 г. его вывезли в крепость Свеаборг (в Финляндии), где он содержался в течение четырех с лишним лет — с 14 октября 1831 г. по 14 декабря 1835 г. К свеаборгскому периоду, преимущественно к 1834 г., и относится большая часть публикуемых нами писем.

В конце 1835 г. Кюхельбекер был досрочно выпущен из крепости и «обращен на поселение» в глухом углу Восточной Сибири — в заштатном городке Баргузине, где в 1831 г. уже был поселен его брат — Михаил Карлович. К месту ссылки Кюхельбекер был доставлен 20 января 1836 г. Здесь он провел четыре крайне тяжелых для него года — до середины января 1840 г., когда перебрался в крепость Акша Нерчинского округа.

Начиная с 1842 г., болезненный и быстро дряхлевший Кюхельбекер настойчиво, но безуспешно ходатайствовал о переводе его в Иркутск или в окрестности Иркутска (где было поселено довольно много декабристов), либо в Яхту (б. Троицко-Савск), где он мог рассчитывать на лучшие условия существования. В январе 1844 г. Кюхельбекер подал прошение о переводе в Западную Сибирь — в Курган. На этот раз за него деятельно хлопотал влиятельный родственник В. А. Глинка (главный начальник Уральских казенных заводов). По докладу шефа жандармов А. Ф. Орлова, Николай I в июне 1844 г. разрешил перевести Кюхельбекера в Смоленскую слободу под Курганом.

Кюхельбекер покинул Акшу 2 сентября 1844 г., несколько месяцев провел у брата в Баргузине, около месяца — в Иркутске, останавливался по дороге в Красноярске и в Ялуторовске (у И. И. Пущина) и 22 марта 1845 г. прибыл в Курган. После того как ему было отказано в разрешении остаться в самом городке, в сентябре 1845 г. он обосновался в пригородной Смоленской слободе.

Развивающаяся чахотка и быстро прогрессирующая болезнь глаз заставили Кюхельбекера проситься в Тобольск, где он мог бы пользоваться медицинской помощью. В конце января 1846 г. Кюхельбекер получил разрешение на временное проживание в этом губернском городе.

Через месяц Кюхельбекер оставил Курган. По пути он заехал в Ялуторовск к своему лицейскому товарищу И. И. Пущину и, очевидно, уже чувствуя приближение конца, продиктовал ему свое литературное завещание. И. И. Пущин 2 февраля 1846 г. писал декабристу М. А. Фонвизину: «Бедный Вильгельм очень слаб, к тому же и мнителен, но я надеюсь, что в Тобольске его восстановят и даже возвратят зрение, которого в одном глазу уже нет. Недавнее бельмо, вероятно, можно будет истребить. Между тем уже я прослушал несколько стихов, с обещанием слушать все, что ему за благорассудит мне декламировать. Подымаю инвалидную свою ногу и с стоическим терпением выдерживаю нападения метромании, которая теперь не без пользы, потому что она утешает больного. Пожалуйста, сообщите мне, что скажут медики об его состоянии...» (неизд. письмо. — ЛБ, Фв. 3/37, лл. 2—3).

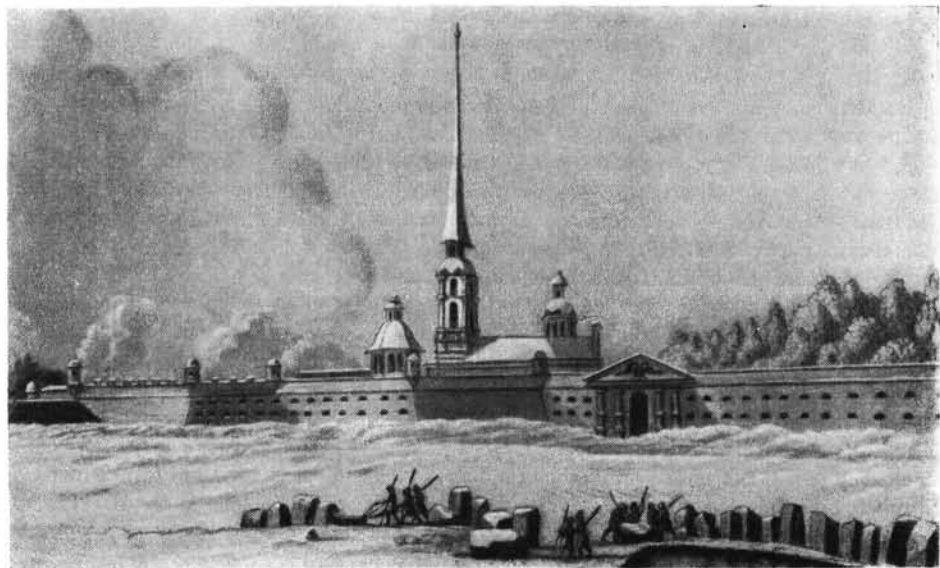
Кюхельбекер приехал в Тобольск (7 марта 1846 г.) в тяжелом состоянии, однако вскоре ему стало несколько легче. М. А. Фонвизин сообщал И. Д. Якушкину из То-

больска 26 марта 1846 г.: «Когда я в первый раз увидел приехавшего сюда Вильгельма Карловича, то с горестным чувством подумал, что он совсем безнадежен. Однако теперь ему гораздо лучше — лихорадка его оставила, и В<ольф> надеется возвратить зрение одному глазу» (неизд. письмо. — ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 101, л. 13).

Но дни Кюхельбекера уже были сочтены. Через пять месяцев после приезда в Тобольск, 11 августа 1846 г., он скончался. ▴

* * *

Подавляющее большинство публикуемых нами писем Кюхельбекера адресовано его родным. Приведем здесь необходимые краткие сведения об этих корреспондентах Кюхельбекера.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Гравюра, 1800-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Мать — Юстина Яковлевна (1757—1841), урожденная фон Ломен, вдова Карла Кюхельбекера (1748—1809), воспитанника Лейпцигского университета, агронома, поселившегося в России в 1770-х годах. В 1832 г. Кюхельбекер писал матери:

О лучший друг мой! о моя родная!
Ты, коей имя на моих устах,
Ты, коей память, вечно мне драгая,
В душе моей...

Юлия Карловна Кюхельбекер (Юлия, Julie, Юленька, Ульяна Карловна) — младшая сестра Кюхельбекера, служила классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц, позже — гувернанткой в доме кн. В. С. Долгоруковой, затем лектрисой в богатых домах. Кюхельбекер относился к младшей сестре с чувством глубокой любви, постоянно отмечал ее высокие нравственные достоинства. В стихотворении «Закуп» (1823) он посвятил ей следующие строки:

В образе доброй сестры мне посланный ангел-хранитель,
Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг?
В скорбях не ты ль утешаешь меня; мои бури смиряешь?

Юстина Карловна Глинка (1789?—1871) — старшая сестра и всегдашняя попечительница Кюхельбекера, которую он называл своей «второй матерью», вдова Г. А. Глинка (см. о нем стр. 482 настоящего тома). После 14 декабря она помогла Кюхельбекеру скрыться (он хотел бежать за границу), а впоследствии поддерживала его самым деятельным образом в течение всех лет его тюремной и ссыльной жизни. После смерти Кюхельбекера Ю. К. Глинка взяла на воспитание его сына и дочь.

У Ю. К. Глинка было шестеро детей — три сына и три дочери. В одном из стиховений конца тридцатых годов Кюхельбекер писал о своей старшей сестре:

Вижу дочерей пригожих,
На нее во всем похожих,
Вижу резвых сыновей;
Правит мать толпой их шумной
Взглядом ласковых очей
Или речию разумной...

Кюхельбекер принимал участие в воспитании племянников и племянниц. В последекабрьские годы все они деятельно переписывались с Кюхельбекером. Из них:

Дмитрий Григорьевич Глинка (1808—1883) служил по дипломатической части; в тридцатые годы — в составе русского посольства в Копенгагене, впоследствии — в качестве посланника в Бразилии и Португалии; автор философских и юридических работ. В 1880 г. при содействии Д. Г. Глинка за границей был издан первый сборник избранных стихотворений Кюхельбекера.

Борис Григорьевич Глинка (1810—1895) — офицер, впоследствии крупный военный деятель (генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Военного совета). В годы заточения Кюхельбекера Б. Г. Глинка оказывал ему материальную помощь, снабжал книгами, служил посредником между ним и его литературными друзьями (Дельвигом, Пушкиным, В. Ф. Одоевским), принимал активное участие в издании произведений Кюхельбекера (без обозначения его имени). После смерти Кюхельбекера Б. Г. Глинка участвовал в обсуждении проекта издания его сочинений. Об этом есть данные в неизданных письмах М. К. Кюхельбекера к И. И. Пущину (ЛБ.— Письма к И. И. Пущину, переплет М/7583, 1847, лл. 132 и 190): «От племянника Борися я получил недавно письмо, он уведомляет меня, что письмо мое к В. А. Жуковскому дошло! Но почтенного В<асилия> А<ндреевича> нету в России! При том племянник сомневается, будет ли полезно издание сочинений покойного брата? Во всяком случае, я твердо на тебя надеюсь, что ты сохранишь рукопись и <с> сестрой <Ю. К. Глинкой> посоветуешься ко всему лучшему как друг и брат!» (письмо от 20 марта 1847 г.). В тех же письмах находятся сведения и о других рукописях Кюхельбекера: «...У горного исправника я видел рукопись брата „Итальянец“, потому прошу тебя прислать мне список (регестор) рукописей брата, жаль, если что потернется, и у себя отыскал две тетради; сестра Ульяна Карловна пишет мне, что письмо мое отдано Жуковскому и что Василий Андреевич принял живое участие в моей к нему просьбе; поэтому не худо собрать манускрипты покойного! Авось бог даст, что выйдут в свет!» (письмо от 25 сентября 1847 г.).

Николай Григорьевич Глинка (1811—1839) — офицер, капитан Генерального штаба; с 1836 г. служил в Отдельном кавказском корпусе, 1 мая 1839 г. умер в Тифлисе от ран, полученных в бою. Кюхельбекер особенно высоко ценил дарования Н. Г. Глинка, охотно делился с ним своими мыслями и творческими замыслами, называл его (в стихах) «мой питомец» и «сын души моей», а после его смерти писал в дневнике, что «если бы не роковая пуля», Николай Глинка «был бы великим человеком» («Дневник Кюхельбекера», стр. 255). По завещанию Кюхельбекера, его похоронили в рубашке, принадлежавшей Николаю Глинке.

Наталия Григорьевна Глинка (в письмах Наташа), впоследствии Одынец; ум. в 1864 г. — любимая племянница Кюхельбекера, которая была ему особенно предана и вела с ним интенсивную переписку. В письме к сестре Юлии Карловне от 30 сентября 1838 г. Кюхельбекер следующим образом охарактеризовал эту свою

племянницу: «Наташа, право, редкая девушка: с каждого письма я более и более к ней привязываюсь. В ней, по моему мнению, все женские достоинства: и ум, и в высшей степени рассудительность, и доброе, горячее сердце, и образованность, и даже воображение (что всего реже дается вам, женщинам). Может быть, нет у нее талантов сестер ее, но таланты дело уж второстепенное» («Летописи», стр. 177). Сама Н. Г. Глинка писала Кюхельбекеру 24 апреля 1843 г.: «...все, что Вы говорите о счастье, которое доставляет Вам моя горячая дружба, — мне принадлежит потому, что я, точно, люблю Вас от всей души и Вы доставляете мне сердечную радость, когда говорите мне, что привязанность моя к Вам хоть немного улаживает Вашу горькую участь» (неизд. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4Б 61, л. 61). В августе 1847 г. Н. Г. Глинка приезжала вместе с матерью в Сибирь (в Ялutorовск) за детьми Кюхельбекера.

А л е к с а н д р а Г р и г о р ь е в н а Г л и н к а (в письмах С а ш а, С а ш е н ь к а) — в начале 1870-х годов, вместе с дочерью Кюхельбекера Юстиной Вильгельмовной Косовой, собрала и привела в порядок его рукописи и письма, сохранившиеся в семейном архиве, и приняла участие в составлении его первой биографии (см. «Русская старина», 1875, № 7, стр. 334, 336—337).

Ю с т и н а Г р и г о р ь е в н а Г л и н к а (в письмах Т и н е н ь к а) — очевидно, более других сестер была наделена литературным вкусом; по просьбе Кюхельбекера она неоднократно высказывалась о его произведениях и даже «перематривала» их, внося кое-какие поправки.

Об остальных адресатах Кюхельбекера — см. в примечаниях.

* * *

Следует учесть, что публикуемые письма Кюхельбекера просматривались крепостным начальством, либо сибирскими властями, а сверх того — в III Отделении, где иногда и задерживались (как, например, письма к Н. И. Гречу, Н. А. Полевому, матери). Этим объясняются как сдержанность Кюхельбекера в суждениях и оценках, так и — в ряде случаев — нарочитые, из тактических соображений подчеркнутые в письмах комплименты по адресу начальства, членов царской семьи (имп. Марии Федоровны, в. к. Михаила Павловича) и Бенкендорфа (письмо № 36). Все это писалось в расчете на прочтение в III Отделении.

В публикуемых письмах отразились религиозно-моралистические настроения Кюхельбекера, особенно сильно овладевшие им в тяжелых условиях одиночного крепостного заключения, когда он был наглухо отгорожен от живой жизни и всецело предоставлен самому себе. После того как Кюхельбекера перевели в Свеаборг, он лишился даже тех крайне ограниченных возможностей общения со свободными людьми, которые, очевидно, имелись у него в Динабурге. В Свеаборгской крепости допускались только редкие свидания заключенного с пастором, который усердно снабжал его сочинениями лютеранских проповедников. Эта церковно-проповедническая литература, безусловно, оказывала на Кюхельбекера отрицательное влияние. Он вообще был верующим человеком и в минуты упадка душевных сил искал утешения в религии, в частности — в сочинении стихов на темы и мотивы священного писания. Следует отметить, однако, что по выходе Кюхельбекера из тюрьмы его религиозные настроения в значительной мере ослабели и, во всяком случае, явно отошли на задний план, снова, как и в годы юности, уступая место напряженным общественным и литературным интересам. Об этом свидетельствует творчество Кюхельбекера в последнее десятилетие его жизни; это видно и из публикуемых нами писем сибирского периода.

* * *

В настоящей публикации участвовали:

Л. И. А н о х и н а — письмо № 8 и комментарии к нему;

М. Ю. Б а р а н о в с к а я — письма №№ 9, 11, 40—42, 49, 50;

Р. Б. З а б о р о в а — письмо № 36;

В. И. Н е й ш т а д т — письмо № 26;

Е. П. Ф е д о с е е в а — письма №№ 20, 24 и комментарии к ним.

Выявление и публикация остальных писем принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

<Динабург.> 2 октября <1829 г.>

Милая, добрая Юлия,

Последнее письмо, которое я имел счастье получить от тебя, было от 16 августа; вот уже, стало быть, шесть недель, что я не имею никаких известий обо всем, что мне дорого.

Периоды, когда я дольше, чем обычно, лишен самого большого утешения, которое я имею в моем печальном положении, походят на глухую и мучительную пытку: душа моя не обладает более той беспечностью и силой, которые она имела в молодости; утешения, ниспосылаемые мне божественным милосердием и испытанные мною именно с некоторого времени, поистине очень сладостный бальзам; однако беспокойство мое на ваш счет делает меня неспособным принять их со всею благодарностью, которую я должен был бы испытывать к богу и ко всем, чье сердце он тронул. И тем не менее, добрая сестрица, нежный друг мой, было бы непростительно с моей стороны умолчать о великом благодеянии, только что мне дарованном: мне теперь официально разрешено предаваться моим любимым занятиям¹. Итак я питаю сладостную надежду, что я смогу работать для литературы моей отчизны. Быть может, через десять, через двадцать лет или когда меня уже не будет, мои рукописи будут напечатаны; я не желаю, чтобы мое имя им было присвоено. Даю тебе слово, что не желание славы мною двигает, авторское тщеславие умерло в моем сердце. Ведь имя человека — не сам человек, не лучшая часть его существования. Если, стало быть, это разрешение кажется мне великим счастьем, то происходит это от внутреннего убеждения, что я действительно мог бы быть полезен русскому языку, что мои мысли, мои чувства действительно могли бы благотворно действовать на души, которые их когда-нибудь прочтут.

Но самым большим наслаждением представляется мне, что я теперь, может быть, смогу говорить вам в письмах о своих занятиях<...>

Представляю себе, добрая Юлия, что новость, которую я тебе только что написал, будет тебе приятна. Ты знаешь, до какой степени я люблю наш язык, с каким пылом я изучал все его богатство, все средства, которые он предоставляет лирической поэзии. Я приложу старание, чтобы сделать мои псалмы² достойными языка, на котором я буду писать, но, вместе с тем, простыми и естественными, чтобы они были легким чтением для простых и мало поэтических душ. Геллерт³ будет в гораздо большей степени моим образцом, нежели Жан-Батист Руссо⁴.

Вот, дорогая, мой замысел; я слишком распространился о нем, если он не будет иметь никакого успеха, но ты знаешь немецкую поговорку: *Wovon das Herz voll ist, davon geht der Mund über* *. И притом, не другу ли, не доброй ли и нежной сестре пишу я? Она улыбается, но она не будет смеяться над замыслами своего брата, над законченностью, которую он хочет придать произведению, которое еще предстоит создать.

Обнимаю тебя, друг мой. Пиши мне. Сообщи мне что-нибудь о Михaille⁵. Последние известия, которые я о нем имел, были от февраля месяца. Еще раз прости.

Твой брат и друг В и л ь г е л ь м

Адресую тебе письмо для маменьки, предполагая, что наша семья уже больше не в деревне, и не зная их нового адреса.

* От избытка сердца глаголют уста (нем.).

Датируется на основании упоминания в опушенной части письма о смерти «вдовствующей императрицы» Марии Федоровны (12 ноября 1828 г.).

¹ Неофициально литературные занятия были разрешены Кюхельбекеру в 1828 г., благодаря ходатайству служившего в Динабурге генерала Е. Криштофовича (см. стр. 396).

² В опушенной части письма говорится о сочинении псалмов и желании Кюхельбекера издать их отдельным сборником.

³ Христиан Геллерт (1715—1769) — немецкий поэт-моралист. Переводы Кюхельбекера из Геллерта («Блаженство» и «Благодать господня») — см. в Полн. собр. стих. В. Кюхельбекера. М., 1908, стр. 74 и 89.

⁴ Жан-Батист Руссо (1670—1741) — французский поэт-классик, автор «философических» од, кантат на мифологические темы и эпиграмм.

⁵ Михаил Карлович — брат Кюхельбекера (ум. в 1859 г.), морской офицер, член Северного общества. После отбывания каторжных работ в Нерчинских рудниках, в июле 1831 г. был поселен в заштатном городке Баргузине, Иркутской губ. Здесь он усердно занялся сельским хозяйством; кроме отведенной ему земли, расчистил и обработал еще большой участок. По свидетельству современника, «М. Кюхельбекер пользовался любовью и уважением местных жителей, в особенности тунгусов и бурят, с которыми вел дружбу, был даровым советником во всех житейских делах и, кроме того, доктором, разумеется даровым» (П. И. Першин-Каракский. Воспоминания о декабристах. — «Исторический вестник», 1908, № 11, стр. 567). Декабрист Н. В. Басаргин также писал, что М. К. Кюхельбекер «отличался неимоверною добротою» и в Баргузине «был всеми любим и при материальных недостатках своих находил возможность помогать немущим и делиться с ними последним» («Каторга и ссылка», 1925, № 5, стр. 167—168).

В конце 1831 г. В. К. Кюхельбекер получил право переписываться с братом, первое письмо от него он получил 8 декабря 1831 г. Из их переписки сохранилось значительное количество писем Михаила Карловича за 1840—1845 гг. (ИРЛИ. См. о них стр. 499 настоящего тома).

2. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Динабург. Октябрь? 1829 г.⟩

Дорогая Юлия,

не могу не написать тебе, когда всем пишу, хотя это уже шестое письмо и следовательно я изрядно утомлен.

Все, что мне хотелось сказать о своих делах, сказано; остается сказать лишь идущее из сердца, а тебе знакомо это сердце, и ты знаешь, как ты дорога ему, — это были бы, значит, только повторения.

Единственное, что я прошу тебя потребовать от маменьки, это не заказывать мне шинели, если дела мои будут плохи ¹. *Я этого от тебя, мой друг, требую: этим поступком ты докажешь мне свою дружбу.

Поцелуй от меня Наташу, Сашу, Тиненьку. — Будь здорова! Не забывай меня *.

Обнимаю тебя.

Твой брат Вильгельм

Передай Дельвигу, что я ему пришло предисловие к «Ричарду» со временем; теперь это для меня совершенно невозможно. NB в рукописи указывают варианты; ему остается лишь выбирать ².

Датируется на основании упоминания о переводе трагедии Шекспира «Ричард II». Перевод был закончен Кюхельбекером в сентябре 1829 г. (см. письмо его к Ю. К. Глинке от 22 сентября 1829 г. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 34).

¹ Кюхельбекер опасался, что ему не удастся получить литературный гонорар за свои произведения и перевод «Ричарда II». К этой теме он возвращается в своих письмах неоднократно.

² Очевидно, Кюхельбекер нашел способ переслать А. А. Дельвигу рукопись перевода «Ричарда II», как и некоторых своих сочинений. В 1829 г. Дельвиг напечатал

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

29 Авг. 1881

ГЛАВН. ШТАБЪ

Его Императорскому Высочайшему

Величеству

Из Кашея

Полковнику Генерал-майору

В. С. Кашея

№ 29

№ 29

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

№ 29

Секрет. 9

Генерал-майору

В. С. Кашея

№ 29

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

№ 29

Секрет. 10

Генерал-майору

В. С. Кашея

№ 29

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

Ваше Императорское Высочайшее

Величество

анонимно в «Северных цветах» и «Подснежнике» шесть стихотворений Кюхельбекера и отрывки из драматической мистерии «Ижорский» Предисловие Кюхельбекера к «Ричарду II», как и самый перевод, до нас не дошли.

3. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Динабург. Конец 1829 г.⟩

Моя добрая Юлия,

...Прочитай, друг мой, моего «Ижорского»: скажи мне, если предстанится возможность, что ты о нем думаешь.

Попроси Дмитрия взять на себя Зуева и альбом госпожи Войно-Куриной¹.

Что поделявают наши маленькие?² И Борис и Николай?

Передай им сердечный поклон от меня. Комендант³ написал вот уже несколько месяцев назад в Петербург, чтобы испросить мне разрешение посылать туда мои работы. До сих пор никакого ответа.

Вы, повидимому, уже вернулись из деревни. Надеюсь, что Саша вернулась немножко потолстевшей. Кончаю, добрый друг; я хочу еще написать Юстине⁴ и чувствую себя немного утомленным. Прости!

Твой брат и друг

Вильгельм-Людвиг Кюхельбекер

Датируется на основании упоминания об «Ижорском», рукопись первой части которого была послана Кюхельбекером в Петербург при письме к Дельвигу от 18 ноября 1829 г. («Русский архив», 1881, № 1, стр. 146. Отнесение здесь этого письма к 1830 г. ошибочно).

¹ Сведениями о Зуеве и Войно-Куриной мы не располагаем.

² Племянницы Кюхельбекера: Наталья Григорьевна, Александра Григорьевна и Юстина Григорьевна Глинки.

³ Комендантом Динабургской крепости был генерал-майор Гельвиг.

⁴ Юстина Карловна Глинка.

4. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

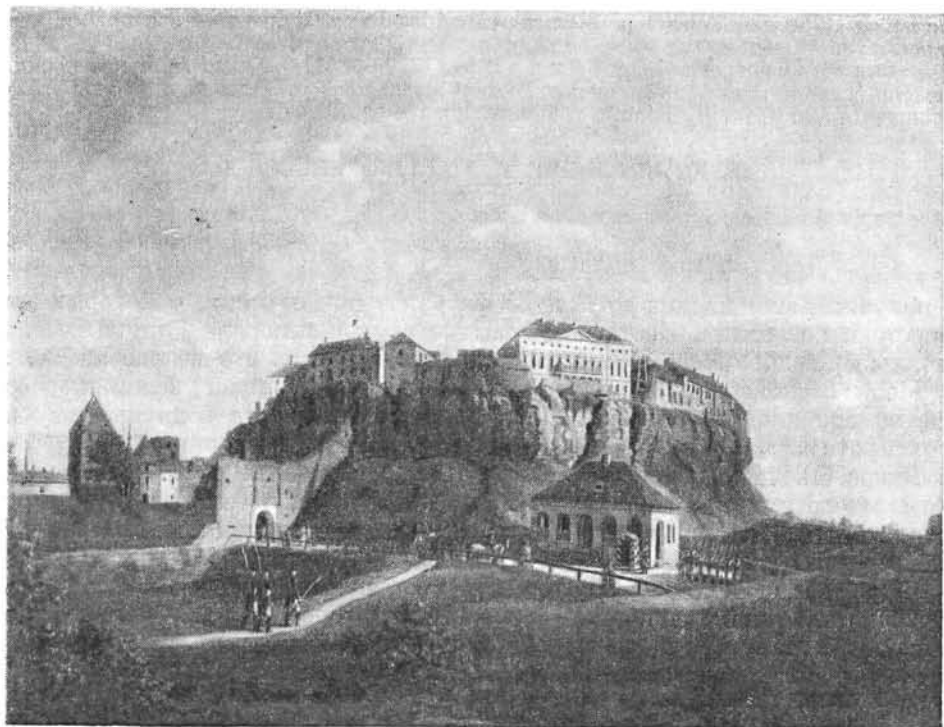
Перевод с французского.

⟨Динабург.⟩ 26 июня ⟨1830 г.⟩

Моя добрая Юлия,

с тех пор, как мне разрешено писать вам, мне кажется, что я всегда помню день твоего рождения, тогда как маменькин и юстинин иногда ускользают из моей памяти. Происходит это оттого, что твой приходится на начало года, когда все чувства, волновавшие сердце на новый год, еще не утратили своей свежести. Таково волшебство этого дня, когда год, так сказать, вступает в новое существование. Поэтому из глубины сердца желаю тебе ко дню рождения, дорогой друг, радости и довольства, мира и душевного покоя! Оставайся всегда, какою ты была — опорой и утешением нашей бедной матери. Судя по ее портрету, она очень постарела. Состарили ее несчастные сыновья, удел же дочерей — пытаться облегчить ей бремя гнетущих ее огорчений. Вы, добрые сестры мои, Юстина и ты, изо всех сил старались не дать мне этого заметить: виноват в этом, дескать, бедный Борис, обладающий даром безобразить и старить черты людей преклонного возраста¹. Но, говоря откровенно, я ничему этому не верю.

В письме моем к Юстине ты прочтешь, что я считаю несколько моих писем пропавшими. Приходится, стало быть, сообщить тебе самое существенное из их содержания.

РЕВЕЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Здесь в 1831 г. содержался Кюхельбекер

Картина маслом неизвестного художника, 1800-е гг.

Исторический музей, Москва

1 — благодарность маменьке за шинель, которую она была так добра прислать мне, и Дмитрию за «Лалла-Рук»²; 2 — ответ Дмитрию и Николаю — кое-что об Экштейне³, который, как кажется, любимый писатель этих господ, и о немецких и английских поэтах; 3 — затем письмо Борису и одно сестре Юстине; 4 — еще одно письмо Юстине, маменьке и тебе уже после нового года. — Итак, ты видишь, что небрежным я не был.

То, что ты пишешь о нашей бедной Эмилии⁴, очень грустно. Она была так уверена, так крепко убеждена, что я еще буду иметь счастье с ней свидеться, — и вот мои лучшие надежды разбиты навсегда!

Кончаю, милый друг, ибо, захоти я высказать тебе все, что у меня на сердце, ты бы получила целый том вместо письма.

Несчетное число раз целую руки маменьки и обнимаю тебя от всего сердца. Шлю поклон Дмитрию и барышням.

Твой брат и друг В и л ь г е л ь м

Год установлен на основании упоминания о полученном Кюхельбекером портрете матери. В неопубликованном письме к Нат. Г. Глинке от 3 февраля 1830 г. Кюхельбекер благодарит ее за обещанный ему портрет матери.

¹ Портрет матери, полученный Кюхельбекером, был, очевидно, работы его племянника, Б. Г. Глинки.

² Имеется в виду, вероятно, поэма Томаса Мура (1779—1852) «Lalla-Rookh».

³ Фердинанд Экштейн (1790—1861) — французский публицист и критик, воинствующий католик. Poleмические замечания Кюхельбекера по поводу статьи

Экштейна «О драме в Англии до Шекспира и о Шекспировой драме» — см. в его «Дневнике», стр. 181—182.

⁴ Эмилия Федоровна Брейткопф (1790—1851) — близкая приятельница Кюхельбекера и его сестер. См. письмо Кюхельбекера к ней от 28 декабря 1843 г. (№ 42), а также письмо к Нат. Г. Глинке от 11 октября 1845 г. (№ 49).

5. Ю. К. ГЛИНКЕ И Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Динабург.⟩ 16 марта ⟨1831 г.⟩

Дорогие мои родные,

я получил ваши письма от 7 и 25 февраля, но без книг, о которых вы пишете в последнем. Вести, сообщаемые вами о генерале Глинке, очень печальны; надо, однако, благодарить бога, что рана его не опасна ¹⟨...⟩

Меня бесконечно тронуло, что мой дорогой Дельвиг вспомнил обо мне во время своей болезни. Да сохранит господь его бедную вдову и его сиротку! ²

Вчера был день рождения нашего брата. Вы можете себе представить, что я много думал о нем. Скоро маменьке исполнится семьдесят четыре года ³. Желая ей лишь одного — свидеться со своим младшим сыном ⁴ или, по крайней мере, иметь возможность получать от него письма ⟨...⟩

Возвращаясь к книгам, которых я не получил, прошу вас сообщить мне, почему так случилось. Эта посылка интересует меня не сама по себе, а как память о моем покойном друге ⁵⟨...⟩

Ваш брат и друг В и л ь г е л ь м

По поводу портрета маменьки! Ты ошибаешься, дорогая Юлия, полагая, что он мне удовольствия не доставил: напротив, он меня бесконечно тронул; то, что было горького в чувстве, с которым я глядел на эти дорогие черты, должно быть отнесено единственно к моей совести. Сознание всего горя, причиненного мною бедной моей матери, не может изгладиться, и не должно желать, чтобы оно могло изгладиться.

Датируется на основании сохранившихся на письме следов дезинфекции, применявшейся в почтовом ведомстве во время холерной эпидемии, и упоминания о возрасте матери Кюхельбекера.

¹ Владимир Андреевич Г л и н к а (1790—1862) — брат Г. А. Глинки, мужа Юстины Карловны Кюхельбекер. В молодости член Союза Благоденствия, В. А. Глинка сделал успешную военно-административную карьеру. В 1831 г., во время польской кампании, он был уже в чине генерал-майора и занимал должность начальника штаба артиллерии действующей армии; 13 февраля 1831 г. он был ранен в сражении под Гроховым. Впоследствии В. А. Глинка состоял главным начальником горных заводов на Урале. Он оказывал Кюхельбекеру существенную поддержку: в годы крепостного заключения снабжал его книгами (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 29), позже — в годы ссылки — прислал ему денег на постройку дома. Кюхельбекер называл В. А. Глинка своим «лучшим, испытанным в счастье и несчастье другом» («Русский архив», 1872, № 5, стб. 1008), из чего следует, что они были дружески связаны еще в годы молодости.

² А. А. Дельвиг умер 14 января 1831 г.

³ Мать Кюхельбекера, Юстина Яковлевна, родилась 20 марта 1757 г.

⁴ М. К. Кюхельбекером.

⁵ Речь идет, несомненно, о Дельвиге и его альманахах.

6. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Ревель.⟩ 10 июня ⟨1831 г.⟩

Моя милая, добрая Юлия,

на этот раз адресую тебе свои письма. Как и под новый год, пишу вам всем троим и сожалею только, что не могу к моим трем письмам добавить четвертое к Михаилу. До сих пор я не получил ответа на свое пер-

вое письмо и больше не решаюсь рисковать писать ему, прежде чем дождусь ответа¹. Мысли мои, тем не менее, сегодня утром были с ним: я беседовал с ним душа в душу. Чувства безропотности и терпения, которые я нашел в его письмах, и слова утешения, с которыми он в них подчас ко мне обращается², навевали мне стихи, которые вы ниже прочтете. Я знаю, что он не большой любитель стихов, и я также отдал бы охотно все стихи в мире, чтобы иметь возможность обратиться к нему с простым письмом в прозе; но так как это невозможно, я переписываю их здесь и воображаю себе вместе с тем, что в день моего рождения я написал всем, кто мне дорог — маменьке, сестрам и моему доброму Михаилу³ <...>

Что слышно о Натали и Эмили? ⁴ Думаю, что они уже приехали на воды. Скажи мне чистосердечно, добрая Юлия, приятно ли тебе, что я посылаю тебе лоскутья своих стихов? Я очень бы хотел без этого обойтись, но о чем в конце концов стану я с тобой говорить, если я лишу себя права беседовать с тобой обо всем, что мне сколько-нибудь приятно? Прости меня, поэтому, друг мой, если я буду иногда корчить Триссотена или Вадюса⁵. Довольно простительно стать метроманом, если одна только эта мания нам не запрещена. Обнимаю тебя, дорогая сестрица, и остаюсь твой друг и брат

В и л ь г е л ь м

Датируется по сопоставлению с другими письмами: «Как и под новый год, пишу вам всем троим и сожалею только, что не могу к моим трем письмам добавить четвертое к Михаилу...» Ср. в опущенном нами письме к матери от 10 июня 1834 г.: «В прошлом году и в 1832 я писал 10 июня Вам, обоим сестрицам и брату...» (перевод с немецкого. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 12), — следовательно, данное письмо было написано до 1832 г. 10 и ю н я — день рождения Кюхельбекера.

¹ Право переписываться с братом Кюхельбекер получил в конце 1831 г. Имеются в виду письма М. К. Кюхельбекера к его родным (Глинкам), которые потом сообщались в копиях В. К. Кюхельбекеру (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 29). В неопубликованной записи в дневнике от 11 апреля 1832 г. Кюхельбекер отметил, что перечитывает «копии с братниных <писем> к матушке и сестрам и с писем княгини Трубецкой о нем и — одно его руки ко мне» (ГИМ, ф. № 74279, А 1 1/24, А 753).

² Далее вписано стихотворение «Брату» («Повсюду вижу бога моего!...»), датированное 1831 г. (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 122—123).

³ Сестры Брейткопф, близкие приятельницы Кюхельбеков и Глинок. Об Эмили Федоровне см. прим. 4 к письму № 4. Сестра ее Наталья Федоровна (ум. в 1838 г.) была замужем за Дириным; ее пасынок С. Н. Дирин служил одним из посредников в переписке между Кюхельбекером и Пушкиным (через Глинок). — В опущенном нами письме к сестре Юлии Карловне от 21 августа 1831 г. Кюхельбекер писал: «Ты сообщила мне очень грустные новости о здоровье Натали и Эмили: со времени твоих последних писем я часто о них думаю. Стану ли я желать им долгой жизни? Право, не знаю. Единственное, в чем я внутренне убежден, что это существа, слишком совершенные для нашей земли. Без сомнения, надо было бы, чтобы личности, подобные им, пребывали здесь, чтобы служить образцом нашему брату. Но счастливыми они никогда не будут среди стольких несовершенств и пороков» (перевод с французского. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 65). В 1833 г. Кюхельбекер, получив письмо от Э. Ф. Брейткопф, писал матери: «Я считаю Эмилию и Натали такими же сестрами, как Юстину и Юлию» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. L). В дальнейших письмах Э. Ф. и Н. Ф. Брейткопф упоминаются неоднократно.

⁵ Т р и с с о т е н (Tris-sot-in — «трижды дурак») и В а д ю с — персонажи комедии Мольера «Ученые женщины», в лице которых осмеяны поэтическая бездарность и псевдоученое невежество. Имена Триссотена и Вадюса стали нарицательными, в частности — в русской сатирической литературе XVIII — начала XIX в.

7. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

<Ревель.> 10 августа <1831 г.>

Моя добрая Юлия,

наконец-то, получил я твои письма до 2-го июня. Все они проделали живописное и сентиментальное путешествие в Двинск, но в конце концов

добрались до меня. То, что ты мне пишешь о своих учениках¹, меня очень заинтересовало; обнимаю тебя за твое желание обучить их родному языку. Ты глубоко права, что стыдно князьям Долгоруким не говорить на своем языке! Ты пишешь, что заставляешь их читать стихи; это непременно должно делаться вслух. Но мне хочется спросить — какие стихи? Для молодых особ, так мало знакомых с языком, наши старики: Ломоносов, Державин, даже Озеров и Дмитриев — будут слишком трудны и мало занимательны; остается, стало быть, только Жуковский и немного (по другой причине) из Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Дельвига и наших поэтов из альманахов. Однако не забудь Крылова и несколько сцен, — ты их выберешь лучше меня, — из «Горя от ума»².

Будь твои ученицы моложе, например, от шести до восьми лет, я бы доставил себе удовольствие послать тебе программу занятий, которая была бы, может быть, несколько оригинальна, но которую, надеюсь, ты бы одобрила. С маленькими детьми я начал бы, прежде даже, чем учить их читать, с географии, которую называют математической, и которую я бы назвал астрономической. Эта наука словно создана для того, чтобы заинтересовать и привязать юные и нежные умы. Вместе с тем она показывает им вселенную во всей ее необъятности и ничтожество нашего шарика грязи <...>

После этих предварительных занятий, я начал бы с того, чтобы заставить их выучить наизусть то, что есть истинно прекрасного и великого на их родном языке; они, быть может, не поняли бы этого до конца, но понимание пришло бы потом. Богатства языка и образы, по крайней мере, с самого начала запечатлелись бы в их памяти. Чтение бы последовало за всем этим лишь по их собственной просьбе, с тем, чтобы не стать для них бременем, а как нечто любопытное, как ключ, который открыл бы им до конца храм наук. Что скажешь ты, дорогая моя, о таком начале?

Твое дружеское предложение посылать мне иногда книги очень меня тронуло и я принимаю его без ложной деликатности с величайшей признательностью. Попрошу тебя, в частности, время от времени присылать мне новинки нашей литературы, что будет наиболее замечательного. Не надо Булгарина, но если Пушкин выпустит что-либо новое, это будет мне истинным наслаждением.

Обнимаю тебя.

Твой брат и друг В и л ь г е л ь м

Датируется по содержанию: 15 апреля 1831 г. Кюхельбекер был вывезен из Динабурга (Двинска) в Ревель, где пробыл до 7 октября 1831 г.

¹ Ю. К. Кюхельбекер была воспитательницей дочерей кн. В. С. Долгоруковой (1793—1833).

² Отношение Кюхельбекера к Крылову отчетливо характеризуется записью его в дневнике (1845 г.): «Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России <...>. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова <...> Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, точно обязаны своим *словом* Крылову, но слог только форма, роды же, в которых мы писали, все же гораздо выше басни, а это не безделица» («Дневник Кюхельбекера», стр. 303—304).

8. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг. Конец июля — начало августа 1832 г.>

Милый друг Наташенька.

Матушка твоя сообщила мне самые утешительные известия о твоём здоровье: пишу к тебе, чтоб уверить тебя, сколь живое принимаю участие в этой радостной весте. Горько мне было думать, что в твоих летах и с таким любезным нравом ты здоровья слабого и расстроенного.

Слава богу, мои опасения оказались напрасными: прошлогодичные твои болезни были временными. Не сомневаюсь, что ваше пребывание

в Павловском много содействует к укреплению твоего, столь драгоценного всем нам здоровья и что ты возвратишься в Петербург со всею своею закупскою ¹ свежестью и крепостью.

Жалею очень, милый друг, что перед днем твоего рождения я опять мучился своим несносным сплином и потому не мог тебя поздравить так, как бы мне того хотелось. Надеюсь, что ты мне это простишь и не гневаешься на меня. Постараюсь оплошность свою исправить при другом случае.

Я теперь прилежно читаю поэмы Вальтера Скотта, которые мне прислала ваша тетушка, и часто жалею, что не могу с вами разделить удовольствия, какое они мне доставляют. Скотт, без сомнения, один из величайших поэтов нашего времени: полагаю даже, что мало найдется и у Байрона и Гёте, что бы могло сравниться с четвертою песнею его «Рокеби». Особенно прелестны его вступления — первые строфы, с которых начинается каждая песнь.

Тебе, может быть, известно, какой я не охотник переводить: но некоторые стансы «Lay of the last Minstrel» * и «Rokeyby» — сильно искушают меня перевести их. В обеих поэмах, точно как и в романах его, рассказ — почти постороннее дело, а главное — описания и поэзия элегическая. Должно же быть, что дарование поэта велико, очень велико, когда меня, решительного противника этих двух родов, он совершенно очаровал ². Но должно вместе признать, что описания Скотта совершенно не то, что встречаешь обыкновенно, встречаешь у Делиля ³ и его последователей; а элегическая часть оживлена такими новыми чувствами, такими истинными и глубокими мыслями, такими открытиями в области сердца человеческого, что едва ли не составляет совершенно особенного рода.

Я к тебе, любезная Наташенька, писал 17 июля, в то же время, когда писал к твоей маменьке. Не знаю, получила ли ты мое письмо? Пока погода хороша, не прошу ответа: мне бы совестно было отрывать тебя от прогулок и пользования хорошим временем и здоровым воздухом. Но в дождливый денек, когда тебе нечего будет делать, вспомни, прошу тебя, старика дядю и обрадуй меня строчкою: я что-то давно не получал от тебя писем, а они мне очень, очень дороги.

Прошу тебя, любезная Наташа, кланяться от меня обоим твоим тетушкам ⁴, Ульяне Гавриловне ⁵ (s'il faut absolument qu'elle se nomme Ульяна) ** и Марии Семеновне ⁶; также дядюшке Владимиру Андреевичу ⁷.

Целую твои ручки и оканчиваю письмо, потому что мне должно еще отвечать на письма сестриц твоих, Сашеньки и Тиненьки.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

Датируется на основании сопоставления отзывов Кюхельбекера о поэмах Вальтера Скотта с записями в его дневнике (см. ниже).

¹ Закуп — поместье Ю. К. Глинка в Духовщинском уезде Смоленской губ. Кюхельбекер последний раз гостил в Закупе в январе—марте 1825 г. О попытке Кюхельбекера после декабрьского восстания скрыться в Закупе — см. ниже сообщение Г. М. Дейча (стр. 341—342).

² В июле 1832 г. Кюхельбекер читал названные им поэмы Вальтера Скотта и следующим образом изложил в дневнике свои впечатления: «Не читал я, а, скорее сказать, лакочился стихотворениями Скотта; пробежал только начало первой его поэмы — „The Lay of the last Minstrel“, каждый стих — капля нектара для человека, который так давно не читал ничего нового, хорошего» (запись от 21 июля); «Кончил „Рокеби“. Читаю жизнь Вальтера Скотта и отчет о его произведениях; тут, между прочим, сказано, что публика приняла „Рокеби“ довольно холодно: c'est l'histoire d'Athalie ***; я предпочитаю эту поэму его первой, хотя и очень понимаю, каким образом „The Lay

* «Песнь последнего менестреля» (англ.).

** если так необходимо, чтобы она звалась Ульяна (франц.).

*** Это история Аталлии (франц.). — Кюхельбекер имеет в виду неуспех трагедии Расина «Аталлия».

of the last Minstrel" мог возбудить столь общий восторг» (запись от 30 июля). В неопубликованной части дневника под 3 августа 1832 г. записано: «Из всех творений Вальтера Скотта, мне известных, не знаю ничего превосходнее чудесной четвертой песни его „Rokeby“: тут столько красот, что сердце тает и голова кружится <...> Если бы Скотт знал, как я его люблю, как ему удивляюсь, какое счастье он доставляет поэту же (да! поэту же, ибо то, что я чувствовал, читая эту дивную четвертую песнь, может чувствовать только поэт), какое счастье доставил он узнику, разделенному с ним морями, — я уверен, что это было бы ему приятно» (ИРЛИ. Р. I, оп. 12, № 336).

³ Ж а к Д е л и л ь (1738—1813) — французский поэт-классик, автор знаменитой в свое время описательной поэмы «Сады». Кюхельбекер относился к Делилю осудительно, отмечая многословие и водянистость его описаний природы (см., например, статью Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариным» в «Мнемозине», ч. IV, 1825).

⁴ Имеются в виду тетки Н. Г. Глинка со стороны отца. Всех их было четверо: Екатерина Андреевна, Надежда Андреевна, Софья Андреевна и Анна Андреевна.

⁵ Знакомая Глинок (фамилия ее не установлена); Кюхельбекер в письмах к племянникам именовал ее Юлией Гавриловной (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 33).

⁶ Лицо неустановленное.

⁷ В. А. Глинка (см. о нем прим. 1 к письму № 5).

9. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

<Свеаборг.> 14 ноября 1832 г.

Пишу, мой милый друг, тебе сегодня по-русски, раз — потому, что хочу писать о многом и много, а на французском мне трудно разговориться; во-вторых, потому, что даже боюсь на последнем языке иногда сказать вовсе не то, что сказать бы желал.

Не могу описать тебе удовольствия, которое почувствовал я, когда получил ваши письма: признаюсь, я несколько начал беспокоиться; вчера — я только что хотел приняться за свои воскресные занятия — прочесть несколько духовных песен и несколько страниц в Библии, как вдруг двери мои отворяются и приносят мне посылку, в которой меня всего более обрадовал портрет матушки, и пять писем: — и письма-то все самые приятные, самые милые! Полагаю, что и другой после того прервал бы свои обыкновенные упражнения: я не был в состоянии продолжать своего прежнего чтения; — но, быть может, я это воскресение лучше и усерднее молился, чем в многие другие, хотя и без слов.

Поздравь меня, любезный друг, с окончанием моего перевода: он уже отдан ¹. Теперь занимаюсь я собственным сочинением, которого предметом — основание Отроча монастыря ². Дело идет хорошо: ты счастливая пророчица. Моя поэмочка, конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского ³, каким бывают поэмы Скотта различных времен старинной Шотландии; надеюсь однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, чтоб не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпнуть из одной памяти; у меня ровно нет никаких источников.

Но, милая сестра, ни слова сегодня о том, чего нельзя переменить: я себя чувствую очень и очень счастливым. Слава богу, мое воображение еще не совсем иссякло, еще я поэт: это, друг мой, такое наслаждение, которого не отдам ни за какие земные блага. В доказательство, что живо чувствую такое благодаяние божие, вот тебе несколько слов из моего дневника:

«11 ноября. Я бы желал на коленях и со слезами благодарить моего милосердного отца небесного! Нет, то, чего я так боялся, еще не постигло меня: утешительный огонь поэзии еще не угас в моей груди! Благодарю, мой господи, мой боже! Не молю тебя, да не потухнет он никогда; но если ему уж потухнуть, даруй мне другую утешительницу, лучшую, надежнейшую, нежели поэзия! Ты эту утешительницу знаешь: говорю о вере, ибо чувствую, сколь она еще во мне немощна и холодна».

Вчера я эти же чувства выразил несколько пространнее в стихах, которые здесь следуют ⁴ <...>

[illegible][illegible]

1342.

Вот тебе, друг мой милый, после большого промежутка опять стихи. Желаю, чтоб они заставили вас забыть пьесу, которую в июле месяце прислал я Наташе⁵.

Твое истинно сестринское предложение насчет пособий в моем содержании принимаю с благодарностию и без отговорок, но только с тем условием, чтоб они никогда не превышали того, что нужно будет на дополнение 400 рублей в год, которые мне очень для моего продовольствия достаточны, но которых мне, быть может, матушка не в силах присылать.

Ты знаешь, милая сестра, что я горд и не полагаю, чтоб гордость в несчастии была пороком самым предосудительным. Но иное дело принимать оскорбительные благодеяния от кого-нибудь, кто бы ко мне не имел ни уважения, ни доверенности, ни даже, быть может, истинного сострадания, а благодетель был бы мне так — по капризу или даже чтоб унижить меня — и иное дело принимать благодеяния от тебя, в любви и — смею сказать — в уважении коей я уверен. Но, мой друг, вспомни две дюжины бордо Жан-Жака: вот тебе этот анекдот: он был знаком с графом Жанлисом (мужем писательницы), раз обедал у него и похвалил бордо, которое пили за столом. Граф вызвался прислать ему этого вина; Руссо согласился принять две бутылки, — а граф на другой день прислал ему две дюжины бутылок — и Руссо взбесился! — Взбеситься, рассердиться на тебя мне невозможно, но я заклинаю тебя твоею ко мне дружбою и моею доверенностию к тебе, чтоб ты только дополняла то, что матушке, быть может, не достанет, дабы мне в год прислать полных 400 рублей, — и только. Ты должна, непременно должна сбересть что-нибудь из доходов своих — и я бы был хуже разбойника, если бы я лишил тебя того, что тебе не в пример нужнее, чем мне. — Прекрасная пословица: *русский человек задним умом крепок*; она как будто нарочно для меня выдумана. Поздно я хватился: мне должно было тихомолком сделать все те распоряжения в своем хозяйстве, о которых я упомянул [в своем письме], а не писать о том. Так бы и поступил брат Михайло; но я, как будто нарочно для того вас об этом известил, чтоб вы меня отговаривали. Но оставим это.

Обрадовало меня очень известие о хорошем здоровье Эмили Федоровны; жаль, что сестрица Юстина Карловна о Наталье Федоровне не то же пишет. Я обeim им целую ручки. Вообще твое письмо прелюбезное, как говорит наша Тиненька, — почти столь же оно любезно, как г-жа Васильчикова⁶, большая приятельница вышереченной Тиненьки.

Благодарю тебя за обещание прислать мне списки с псалмов моих: зная меня хорошо, ты должна понимать, почему это обещание для меня очень утешительно и во многих отношениях. — А! чтоб не забыть: я в письме к матушке буду просить, чтоб она прислала мне почтовой бумаги; сказали мне сегодня, что мой запас на исходе; так, кстати, пришли ж мне вместе мой собственный экземпляр *Imitation de Jésus Christ*⁷: но, кажется, надобно будет его перед тем отдать в переплет. За кушак работы старика Василия Николаевича⁸ благодарю; хоть матушка и не пишет, но я знаю, что он твой. Мне помнится, что я даже его видел у тебя на шее. Обнимаю и целую тебя. — Прости мне мое маранье.

Твой друг В. К.

¹ Имеется в виду перевод «Трагедии о короле Ричарде III» Шекспира, которым Кюхельбекер занимался с июня 1832 г.

² Речь идет о большой поэме «Юрий и Ксения» (в шести песнях, с посвящением и эпилогом), которую Кюхельбекер начал 5 ноября 1832 г., а закончил 4 мая 1833 г.

³ Я р о с л а в Т в е р с к о й, князь (1230—1272) — брат Александра Невского, с которым он враждовал. Кюхельбекеру должна была быть известна драматическая «русская быль» А. А. Шаховского «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне» (1823).

⁴ Далее вписано стихотворение «Благий! не до конца меня оставил ты...», известное под заглавием: «Возврат вдохновения» (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 130—131 — с некоторыми, незначительными отличиями от текста, сообщенного в письме).

⁵ Очевидно, имеется в виду стихотворение «Имена вдохновения» (см. Полн. собр. стих. В. Кюхельбекера. М., 1908, стр. 149). Письмо Кюхельбекера к Н. Г. Глинке от июля 1832 г. до нас не дошло.

⁶ Лицо неустановленное.

⁷ «Imitation de Jésus Christ» — французский перевод анонимной богословской книги «О подражании Иисусу Христу», написанной по-латыни в средние века. Книга приписывалась разным авторам между прочим — Фоме Кемпийскому. По-французски издавалась неоднократно; русские издания — 1780, 1784, 1799, 1816, 1818, 1819 и 1821 гг.

⁸ В а с и л и й Н и к о л а е в и ч — может быть, Зиновьев, президент Медицинской коллегии, дружески связанный с семьями Глинок и Кюхельбекеров (был женат на Юстине Федоровне Брейткопф, старшей сестре Эмили и Наталии).

10. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

«Свеаборг.» 21 марта 1833 г.

Я очень благодарен тебе, милая Юлия, за твое письмо от 6 числа и за приложенные к нему копии. Но мне, право, совестно, что ты сняла их для меня собственноручно; я знаю, что у тебя не много свободного времени. Разве нельзя было бы поручать кому-нибудь такие списки ¹. Не менее обязан я тебе и за хлопоты о моих затерявшихся детях ². Признаюсь, что бесплодность поисков меня отнюдь не радует. Впрочем, что поделаешь? Приходится как-нибудь утешаться. У меня остается еще надежда, что, быть может, тебе больше повезет, если ты поручишь справиться в собственной его величества канцелярии. Хотя мне достоверно ничего и не известно, но я полагаю, что, по крайней мере, откуда мои рукописи были отосланы в канцелярию, так как мои письма всегда туда направляются. Ты спрашиваешь, когда рукописи были отосланы. И на этот вопрос не могу точно ответить; думаю, однако, что это было сделано тотчас же после того, как я их закончил и они были получены от меня. Предположение, что они затерялись в пути, мало вероятно, чтобы не сказать невозможно. Моя комедия, озаглавленная «Нашла коса на камень» и составляющая вторую главу моего «Декамерона», была закончена 25 сентября 1831 г., еще в той крепости, где я находился как в пересыльном пункте, когда менялось место моего жительства ³. Моя маленькая поэма «Семь спящих отроков» составляет третью главу «Декамерона» и была начата и закончена уже здесь: ее взяли у меня 18 декабря 1831 г. ⁴ Мой перевод «Ричарда III» завершен 3 ноября 1832 г., но оставался у меня еще несколько дней, однако менее недели. Что касается «Ивана купеческого сына», не трудясь искать его, он далее моего чемодана * никуда не уходил; это не более как отрывок ⁵.

Не забудь, дорогая сестра, хорошенько поблагодарить за меня племянников за все их хлопоты; пусть хлопоты эти и оказались напрасными, я, тем не менее, навсегда сохраняю за них признательность. К счастью, черновики этих трех сочинений в моем чемодане **. Потеря сама по себе не велика, тем более, что и комедия и маленькая поэма требуют полной переработки, но мне было приятно думать, что вы читаете то, что было написано лишь для вас, дорогие друзья. Теперь я повременю с посылкой длинных сочинений до тех пор, пока вы не выразите желания иметь их; это послужит мне доказательством, что вы надеетесь получить их. Но довольно, поговорим о другом.

Я бесконечно признателен тебе за то, что ты сообщаем мне о своей покойной подруге ⁶. То, что ты пишешь о ее смерти, создает высокое представление об этой женщине. Прошу тебя почаще рассказывать мне о ней; я уверен, что жизнь особы, так свято умершей, оставила много прекрасных воспоминаний в памяти и сердце тех, кто имел счастье близко знать ее.

* Слово «чемодана» — по-русски.

** Слово «чемодане» — по-русски.

Вчера, милая Юлия, был день рождения нашей матушки. Я не пишу ей сегодня, ибо должен был бы слишком многое сказать ей; бывают минуты, когда молчишь не из-за недостатка мыслей, а вследствие их избытка. А потом словами, фразами никогда не передать того, что я чувствую при мысли о моей бедной, доброй и дорогой матушке. Я постарался выделить этот день среди других даже в своем дневнике, и для этого предназначил его для завершения тех моих работ, которые должны были быть окончены до пасхи: это 5 песнь «Отроча монастыря»⁷ и чтение 9 книги «Илиады». Все это я вчера и закончил.

Попроси Бориса прислать мне свой перевод⁸. Я жду его с нетерпением. Вчера я думал и о Борисе: портрет матушки живо воскресил его не в памяти моей, а в сердце; прекрасный юноша; да пошлет ему господь все возможное на земле счастье и да сохранит он ему и то душевное счастье, которого земля дать не может. Не проходит дня, чтобы я не желал этого горячо и ему и остальным детям сестры. Прощу тебя передать им мой искренний привет.

Целую ручки матушки, а тебя с Юстиной обнимаю.

Твой брат и друг В и л ь г е л ь м

Р. S. Если ты найдешь у себя или у Александра Сергеевича⁹ еще и другие мои сочинения, за исключением псалмов и нескольких посланных вам в 1831 и 1832 гг. сочинений, относящихся к духовной поэзии, перешли бы их мне от времени до времени.

Письмо это было задержано в III Отделении.

¹ Речь идет, вероятно, о копировании стихотворений Кюхельбекера, напечатанных в старых журналах (в 1815—1825 гг.).

² Как выясняется из дальнейшего, речь идет о застрявших в недрах III Отделения рукописях Кюхельбекера, которые он пересылал на имя родных.

³ На основании публикуемого письма устанавливается дата написания комедии Кюхельбекера «Нашла коса на камень» (подражание комедии Шекспира «Угрошение строптивой»): она была написана в Ревельской крепости, где Кюхельбекер содержался с 20 апреля по 7 октября 1831 г. В июле 1833 г. Кюхельбекер перечитывал свою комедию и остался ею недоволен (см. «Дневник», стр. 118—119). Значительно позже, в 1839 г., комедия была анонимно издана отдельной книжкой в Москве (см. «Дневник», стр. 248).

⁴ «Семь спящих отроков» — поэма Кюхельбекера, написанная в октябре — ноябре 1831 г.; впоследствии, в июне — июле 1833 г., Кюхельбекер исправлял эту поэму. Из настоящего письма впервые выясняется обширный литературно-издательский замысел Кюхельбекера: под общим заглавием «Русский Декамерон» он предполагал объединить и издать ряд своих эпических и драматических произведений. Замысел этот был осуществлен лишь частично: в 1836 г. в Петербурге вышла в свет анонимная книга «Русский Декамерон 1831 года, изданный И. Ивановым»; здесь была напечатана поэма Кюхельбекера «Зоровавель» с принадлежащим его же перу прозаическим обрамлением, в значительной части посвященным общим вопросам искусства и литературы.

⁵ Драматическая сказка «Иван, купецкий сын», начатая 22 января 1832 г., была закончена лишь в 1842 г.

⁶ Имеется в виду кн. В. С. Долгорукова (см. о ней на стр. 410 настоящего тома).

⁷ «Основание Отроча монастыря» — первоначальное заглавие поэмы «Юрий и Ксения», законченной в мае 1833 г.

⁸ О каком переводе, выполненном Б. Г. Глинкой, идет речь, неизвестно.

⁹ Пушкина.

11. НАТ. Г. ГЛИНKE

〈Свеаборг.〉 18 июля 1833 г.

Милый друг Наташа.

Благодарю тебя сердечно за любезное твое письмецо от 20 июня и за подробности о закупских жителях, которыми ты со мною поделилась. Этот месяц в нашем семействе ознаменован двумя домашними праздниками — днем рождения твоей матушки 19-ого и днем твоего рождения

24-ого числа. И с тем и с другим от всей души тебя и милых сестриц твоих поздравляю. Прошлого году я остался у вас в долгу: ни к 19, ни к 24-ому я ничего не написал. Желая, чтобы следующие строки дошли до тебя; — стихи, в которых все довольно обыкновенно, но которые по крайней мере покажут тебе, что я *хотел* хоть чем-нибудь доказать вам, как помню и люблю воспоминать и наши семейственные праздники и то время, когда я участвовал в такие дни в ваших радостях, в непынных, но трогательных изъяснениях любви вашей к доброй, почтенной вашей матери ¹ <...>

Куплеты мои, даже в случае, если их получишь, будут несколько похожи на то, что называют горчицею после ужина. Но я не был в состоянии составить их прежде. Летом редко бываю в расположении духа, в котором мог бы сочинять. Впрочем, сегодня я своим стихам очень благодарен: они высказали почти все то, что собирался я сказать прозою. Дело-то только в том, получишь ли их?

Любезным твоим сестрицам, равно как и тебе самой, целую ручки. Прошу кланяться от меня вашей тетушке Катерине Андреевне ², также Веселовским ³. Не забывай меня, милый друг! Письма твои истинная отрада сердцу моему.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Далее следует стихотворение «Вы в Закупе, вы радостные гости», впервые напечатанное в Полном собрании стихотворений В. Кюхельбекера (М., 1908, стр. 160), под заглавием: «Племянницам в день рождения их матери» и с незначительными отличиями.

² Екатерина Андреевна Г л и н к а (род. в 1777 г.) — золовка Ю. Р. Глинки.

³ Знакомые Кюхельбекера из Гжатска.

12. Б. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг. 21 декабря 1833 г.>

Итак, любезный мой Борис Григорьевич, вот тебе и обещанная первая глава моего «Сироты»! ¹ — Как скоро меня известишь, что ты ее получил, примусь переписывать вторую: она у меня совсем готова — также и часть третьей. Прошу тебя *откровенно* сказать мне, как тебе этот отрывок покажется? Больше всего опасаясь в этом роде — болтовни. Я нарочно пронумеровал стихи, чтоб легче можно было в следующих письмах означать перемены, а без них, верно, не обойдется. — За поправки не извиняюсь. По тысяче и одной причине мне не возможно пересылать к тебе образцов чистописания. To explain these causes were too tedious*.

Между прочим, матушка мне пишет, что ты нездоров. Надеюсь, однако же, что не очень, потому что иначе об этом было бы сказано подробнее. Смущает меня только словцо: wieder **. Итак ты уже был болен? Берегись, мой друг, особенно если у тебя в самом деле лихорадка: это такая болезнь, которая при малейшей неосторожности возвращается. — Не знаю, одобрит ли твой врач следующего средства, но действительность его испытал я на самом деле. С вечера не ужинай, а поутру вели себе сварить кофе à la turque ***, т. е. как можно крепче, и, смешав гущу и жидкость, к этому прилить лимонного соку — и выпить без сахару лежа в постели, когда еще гуща не сядет; сверх того напиток должен быть до возможности горяч. В постели же лежать тебе не шевелясь, накрывшись всеми одеялами, халатами, шинелями, какие только случатся под рукой — по кр<айней> мере часа три; в половине третьего *мало-помалу* снимать одеяла,

* Объяснять это было бы слишком скучно (англ.).

** снова (нем.).

*** по-турецки (франц.).

халаты и проч.; наконец, переменить рубашку, однако же так, чтобы чистая была гретая. Потом сутки поститься, т. е. за обедом выпить только стакан бульону и съесть маленький кусок белого хлеба, и вовсе не ужинать; наконец, два, много три дня беречься и не выезжать. Смейся над новым Санградо! ² Но уверяю тебя, что это средство точно помогает. Впрочем, разумеется, что ты должен посоветоваться с врачом, потому что лихорадки бывают различные: что в иной хорошо, в другой не только никуда не годится, но даже может быть крайне вредным. В последнем письме своем к Николаю ³ извещаю тебя, что я начал третью часть Мистерии ⁴. Первое явление готово, бьюсь только над романом вроде тех, какие находятся в начале шиллерова Вильгельма Телля; этот роман — песня рыбаков, — вот тебе образчик:

Смолкли бури,	Искры блещут,
Грома нет;	Струйки плещут,
Свод лазури	Глубь шумит;
В свет одет;	Весла машут,
Без завесы	Бьют и машут
Солнца щит,	Нивы волн.
Луч утесы	Хлябь белеет:
Золотит;	Тенью реет
	Легкий челн ⁵ .

Поверишь ли, что этот вздор чрезвычайно труден, а именно потому, что тут нет и не может быть вдохновения. Сверх того, опасность впасть в тон плоский, ребяческий! Когда-нибудь сообщу тебе первое явление. Я было хотел это сделать и сегодня, но писем пропасть; итак, извини!

Между тем выздоравливай! Обнимаю тебя и Николая.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

NB. Уведомь хоть не сам, а через других о получении пакета.

P. S. Про женщин говорят, что у них приписки обыкновенно бывают и важнее и длиннее самих писем. Сегодня решаюсь им подражать, если не в последнем, так по кр<айней> м<ере> в первом пункте.

Кн. В. Ф. Одоевский ⁶ обещался — говоришь ты — снабжать меня книгами. Если совсем поправишься, распорядись, прошу тебя, на счет сей следующим образом. Во-1-х, нельзя ли, чтоб книги оставались у меня не менее трех месяцев? — Во-2-х, чтоб присылка новых была бы для <меня> знаком, что находящиеся у меня требуются обратно; в-3-х, чтоб головолomных не присылалось мне более одного увража каждый раз. А вот и небольшой список тех книг, которые бы мне желалось прочесть. Русские: История Полевого; особенно с 3-го тома ⁷. Сочинение Сумарокова (Александра), Петрова ⁸, Боброва ⁹, Радищева ¹⁰; псалмы на русском гражданском языке; альманахи и новые романы, кроме однако же знаменитых «Выжигиных» и «Дмитрия Самозванца» (я их читал и сердцем сокрушился, что я читать учился) ¹¹; все, что у нас вышло по части теории словесности, как-то: Опыт науки изящного Галича ¹², Трактат Карлгофа ¹³ etc.; путешествия, напр<имер>, Муравьева-Апостола в Крым ¹⁴; из журналов, надеюсь, что Сленин и без просьбы с моей стороны будет доставлять мне новый литературный, который намеревается издавать (это и необходимо нужно, если он желает, чтоб я для этого журнала работал) ¹⁵. Иностранные: англичан — Шекспира, не драматические творения, и его King John, Winter Tale, All's well, Twelfth Night, Comedy of Errors; творения Бенджонсона, Флетчера, Бомонта ¹⁶, Отуая (Otway) ¹⁷. Из новейших: Southey, Moore, Wordsworth, Washington Irving ¹⁸ и буде позволено будет, — Byron; немцев — Novalis, Tieck (кроме «Phantastus», который я хорошо знаю) ¹⁹,

Görres²⁰, Schach-Nameh (перевод с персидского). Сверх того на каком-нибудь известном мне языке, т. е. французском, английском или немецком, *перевод Корана*. О француззах ни слова, потому что, надеюсь, ты сам выберешь для меня лучшее, *новейшее*, особенно *историческое*. Перевод *Саконталы*, всего бы желательнее на английском — выбирать прошу так, чтоб на три книги русские, кроме теоретических, приходилась одна нерусская.

НВ. Подчеркнуты книги, которых особенно желаю.

Письмо написано непосредственно вслед за автографической рукописью первой главы поэмы Кюхельбекера «Сирота». На первом листе рукописи сверху рукой Кюхельбекера надпись: «Вместо письма Борису Григорьевичу Глинке». Там же, сбоку, другая помета Кюхельбекера: «М. Приложенное при сем письмо мое к брату прошу прочесть, потому что в нем несколько стихов из 2 и 3-й главы». На рукописи имеется также

РЕВЕЛЬ

Рисунок М. Н. Воробьева, 1838 г.

Третьяковская галерея, Москва

следующая карандашная надпись, сделанная кем-то из чиновников III Отделения, где рукопись была задержана: «Сочинение содержащегося в Свеаборгской крепости госуд(арственного) преступника Кюхельбекера, препровожд(енное) им при письмах от 21 дек(абря) 1833 для напечатания. Приказано оставить». Второе из упомянутых здесь писем Кюхельбекера — к брату его, Михаилу Карловичу — неизвестно.

Машинописная копия письма осталась в архиве III Отделения (ЦГИА, ф. III Отделения, д. 61, ч. 52, л. 29 а); подлинник 3 ноября 1906 г. был передан в Пушкинский лицейский музей (ныне ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 143).

Дата публикуемого письма устанавливается на основании приведенной выше пометы, сделанной в III Отделении.

¹ «Сирота» — поэма в пяти «разговорах», с введением и посвящением (А. С. Пушкину). Кюхельбекер, справедливо считавший эту поэму одним из лучших, наиболее зрелых своих произведений, работал над нею с 16 октября 1833 г. по 19 февраля 1834 г. Повествовательная поэма, построенная как рассказ героя (в котором угадываются черты человека, пострадавшего за политические убеждения) о злоключениях его в годы детства, изобилует бытовыми подробностями и лирическими отступлениями, чем, вероятно, и объясняются опасения Кюхельбекера насчет «болтовни».

² Сан-градо — врач-шарлатан, персонаж романа Лесажа «Жиль Блаз».

³ Николай Григорьевич Глинка — см. о нем на стр. 400 настоящего тома.

⁴ Мистерия — «Ижорский». Публикуемое письмо вносит существенное

уточнение в хронологию этого произведения Кюхельбекера. До сих пор III часть мистерии датировалась 1840—1841 гг. (К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 473).

⁵ Этой песней открывается III часть «Ижорского». В окончательном тексте отсутствует первое четверостишие второго куплета (см. К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 185).

⁶ Владимир Федорович О д о е в с к и й (1803—1869) — известный писатель, давший приятель Кюхельбекера, издававший совместно с ним в 1824—1825 гг. альманах «Мнемозина».

⁷ Из «Истории русского народа» Н. А. Полевого, задуманной в двенадцати томах, с 1829 по 1833 г. вышло в свет шесть томов. На этом издание прекратилось, изложение было доведено до середины царствования Ивана IV.

⁸ Василий Петрович П е т р о в (1736—1799) — поэт-одописец (см. о нем в статье Кюхельбекера «Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений». — «Сын отечества», 1825, № 17, стр. 72).

⁹ Кюхельбекер, вслед за А. Н. Радищевым, высоко ценил творчество поэта Семена Боброва (1761—1810), жестоко осмеянного карамзинистами. В статье «Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений» он писал о Боброве: «...поэт, который при счастливейших обстоятельствах, был бы, может быть, похращением русского слова, который и в том виде, в каком нам является в своих угрюмых, незрелых, конечно, созданиях, ознаменован некоторым диким величием» («Сын отечества», 1825, № 17, стр. 71).

¹⁰ Это упоминание о Радищеве чрезвычайно знаменательно и важно, свидетельствуя о том, что Кюхельбекер через всю жизнь пронес интерес к автору «Путешествия из Петербурга в Москву». Называя в числе книг, которые ему хотелось бы перечитать, «Сочинения» Радищева, Кюхельбекер, конечно, имел в виду не «Путешествие», безусловно запрещенное к обращению, но очень редкое и трудно доступное шеститомное «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», изданное в 1806—1811 гг. Кюхельбекер, повидимому, читал это издание еще в лицейские годы, так как оно обращалось в кругу лицеев (в частности, оно было хорошо известно в те годы Пушкину). О знакомстве своем с «Путешествием из Петербурга в Москву» Кюхельбекер сам упомянул в показаниях на следствии по делу 14 декабря (см. ВД, т. II, стр. 167).

¹¹ «Иван Выжигин» (1829), «Петр Иванович Выжигин» (1831) и «Дмитрий Самозванец» (1830) — романы Булгарина, типические образцы реакционно-мещанской «правоописательной» и псевдоисторической беллетристики.

¹² Александр Иванович Г а л и ч (1783—1848) — философ-шеллингианец, профессор Петербургского университета, в 1814—1815 гг. служил преподавателем русской и латинской словесности в Царскосельском лицее и оставил по себе среди лицеев хорошую память. Трактат Галича «Опыт науки изящного», изданный в 1825 г., долго оставался неизвестным Кюхельбекеру. В марте 1832 г. он высоко оценил этот трактат, основываясь на рецензии Н. А. Полевого (см. «Дневник», стр. 46, а также запись от 13 декабря 1833 г. — стр. 155—156).

¹³ Здесь — очевидное недоразумение: В. И. Карлгоф (1799—1841), посредственный стихотворец и беллетрист, никаких литературно-теоретических трактатов не публиковал. В 1832 г. были изданы в двух частях «Повести и рассказы» Карлгофа. Может быть, в данном случае Кюхельбекер допустил ошибку памяти, назвав Карлгофа вместо В. Т. Плаксына, книга которого «Краткий курс словесности» вышла в свет также в 1832 г. и вызвала ряд печатных отзывов (в «Северной пчеле», «Московском телеграфе», «Телескопе»).

¹⁴ И. М. М у р а в ь е в - А п о с т о л. Путешествие по Тавриде (1823).

¹⁵ Иван Васильевич С л ё н и н (1789—1836) — книготорговец и издатель; при его содействии издавались альманахи «Полярная звезда» и «Северные цветы». Слёнин был не только любителем литературы, но и сам писал стихи, почему Пушкин и сказал в обращенном к нему дружеском послании:

Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабьт...

О том, что И. В. Слёнин собирался с 1834 г. издавать литературный журнал, сведений не имеется. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с ошибкой памяти Кюхельбекера: в 1834 г. начал выходить журнал «Библиотека для чтения», издававшийся А. Ф. Смирдиным; в конце 1833 г. новый журнал уже громко рекламировался.

¹⁶ Фрэнсис Б о м о н (Beaumont) (1586—1616) — английский поэт-драматург, друг и соавтор Флетчера.

¹⁷ Томас О т у э й (Otway) (1652—1685) — английский поэт-драматург.

¹⁸ Кюхельбекер живо интересовался творчеством Вашингтона Ирвинга — см. запись в «Дневнике» (по указанию имен).

¹⁹ Кюхельбекер лично познакомился с Людвигом Тиком в 1820 г., во время своего заграничного путешествия. Беседа его с главой немецких романтиков коснулась, между прочим, творчества Новалиса, о чем сообщил сам Кюхельбекер в «Отрывках из путешествия»: «Сначала я упомянул о сочинениях покойного Новалиса, Тиком изданных, и жалел, что Новалис при большом даровании, при необыкновенно пылком воображе-

нии, не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях. Тип спокойно и тихо объявил мне, что Новалис ясен и не счит нужным подтвердить это доказательствами» («Мнемозина», ч. IV, 1825, стр. 60).

²⁰ Яков-Иосиф Гёррес (1776—1848) — немецкий ученый, востоковед и публицист.

13. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 13 февраля 1834 г.

Любезная матушка.

...Каждый год в начале или в конце я сам перед собой отчитываюсь: проглядываю свои старые дневники, письма, мною полученные, и т. д. Юленькины письма, письма брата и моего дорогого Бориса доставили мне на этот раз большое наслаждение. Я еще не имел времени перечесть писем Николая и племянниц.

Что мне самому себе пожелать в этом году, я собственно и не знаю: разве что идею произведения, которое потребовало бы напряжения всех моих духовных сил. Тогда я наверное не чувствовал бы себя несчастным. Жан-Поль¹ очень остроумно говорит, что идея, ради которой живешь и дышишь, схожа с младенцем в лоне матери.

Подобно беременным, не подверженным заражению и повальным болезням именно потому, что они носят в себе еще одну жизнь кроме собственной, и поэта предохраняет от зол этой жизни нерожденное дитя его духа; оно поднимает его над ними, он не замечает их.

Такая идея, правда, еще очень неопределенная и бесформенная, уже шевелится во мне: трагедию «Прокофий Ляпунов» хотел бы я написать. Характер героя бесконечно содержателен. Это не пустой идеал; это был человек, совершивший большие ошибки, но преисполненный силы и внутреннего достоинства; он несравнимо выше и даже в нравственном отношении лучше обоих других триумвиров — Заруцкого и Трубецкого. Его смерть — следствие его неустрашимости — особенно поэтична. Ржевский, его личный враг, защищает его от неистовствующих казаков Заруцкого, и Ляпунова убивают над телом его врага и защитника. Гигантский характер — Захария Ляпунов, которого я хотел бы представить необузданным, саркастичным, совсем не глупым, даже веселым, но грубым и отчаянным. Его исполинская внешность, его задор, насмешка, с которой он обходится с Трубецким и Заруцким, — все это богатый материал и составило бы резкий контраст с характером его брата, которого я хотел бы изобразить запальчивым, но много просвещеннее и дальновиднее, строгим, слегка меланхоличным, однако без сентиментальности, властным, сильным, тем, что итальянцы называют *grandioso* *. Подчиненным характером был бы придворный шут царя Василия Шуйского, которого Ляпуновы свергли с престола. Его я наградил бы страстной привязанностью к его бывшему господину; я старался бы сделать его трогательным. Только не знаю еще, как я объясню его присутствие в стане триумвиров. Было бы прекрасно, если бы мне удалось действительно написать эту вещь².

Целую Ваши руки.

Ваш В и л ь г е л ь м

Опущено начало письма (датированное 12 февраля 1834 г.), не представляющее интереса.

¹ О Жан-Поле см. на стр. 394 настоящего тома.

² Публикуемое письмо существенно уточняет творческую историю стихотворной трагедии «Прокофий Ляпунов» — одного из наиболее значительных произведений Кюхельбекера. Трагедия была написана в период с 1 октября по 21 ноября 1834 г.; из публикуемого письма выясняется, что замысел трагедии сложился в основных чертах значительно раньше.

* величественным (итал.).

14. А. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 5 марта 1834 г.

Милая Саша.

Я писал к тебе особенно в последний раз 22-ого декабря; итак, нынешнего году еще не возобновлялась наша переписка. Мне бы очень больно было, если бы она вовсе прекратилась; вот почему для счастливого почину хочу переписать на листике, которому поставил в оглавлении твое имя, небольшую пиэсу на немецком языке; — я эти стихи приготовил ко дню рождения вашей бабушки и ей, верно, будет приятно получить их из твоих рук¹. Ты ей отдашь их, отодрав первую осьмушку, не прежде 20-го числа.

Писал бы к тебе более, но не очень здоров; да хочется еще строки две-три написать к твоей маменьке. Целую тебя, сестриц твоих и братцев.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

Р. S. Борису скажи, что я почти совсем кончил «Сироту» и кончил бы без почти, если бы не занемог². Сегодня не метроман, а сын, желавший принести своей матери хоть маленькое удовольствие, просит тебя, милая Саша, уведомить его, если эти стихи дойдут до тебя исправно.

¹ Стихи, написанные Кюхельбекером ко дню рождения его матери, в печати не появлялись.

² Поэму «Сирота» Кюхельбекер начал писать 16 октября 1833 г. В декабре 1833 г. он послал Б. Г. Глинке рукопись посвящения и первой главы этой поэмы (см. прим. 1 к письму № 12).

15. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 27 апреля 1834 г.

Любезная сестрица,

письма твоих милых дочерей довольно долго путешествовали; я только вчера получил их, и это и есть причина того, что вы так долго не имели от меня писем: я ожидал несколько строк от вас. Сегодняшнее письмо пишу тебе, чтобы известить тебя кое о чем, быть может, немаловажном. Я хотел бы время от времени сообщать твоим сыновьям некоторые мысли, которые могли бы им быть полезными; но до сих пор я все боялся впасть в глупый, высокомерный тон наставника и гофмейстера. Чтобы избежать этого, я измыслил следующее: все, что я пожелаю им сообщить, я буду впредь помещать в мои письма к Михаилу (известить его об этом); при отдаленности моего местопребывания от его довольно безразлично, дойдут ли мои письма неделей раньше, неделей позже. Поэтому прошу тебя мои письма к нему читать со вниманием и списывать то, что ты в них найдешь не совсем недостойным внимания. При случае ты будешь давать молодым людям читать эти копии как что-то, совсем их в виду не имевшее. Сегодняшнее мое письмо к брату — начало подобных писем, которые, может быть, с божьей помощью действительно принесут некоторую пользу милым юношам. Конечно, они не должны ничего знать о моей, я думаю, впрочем, вполне невинной, хитрости.

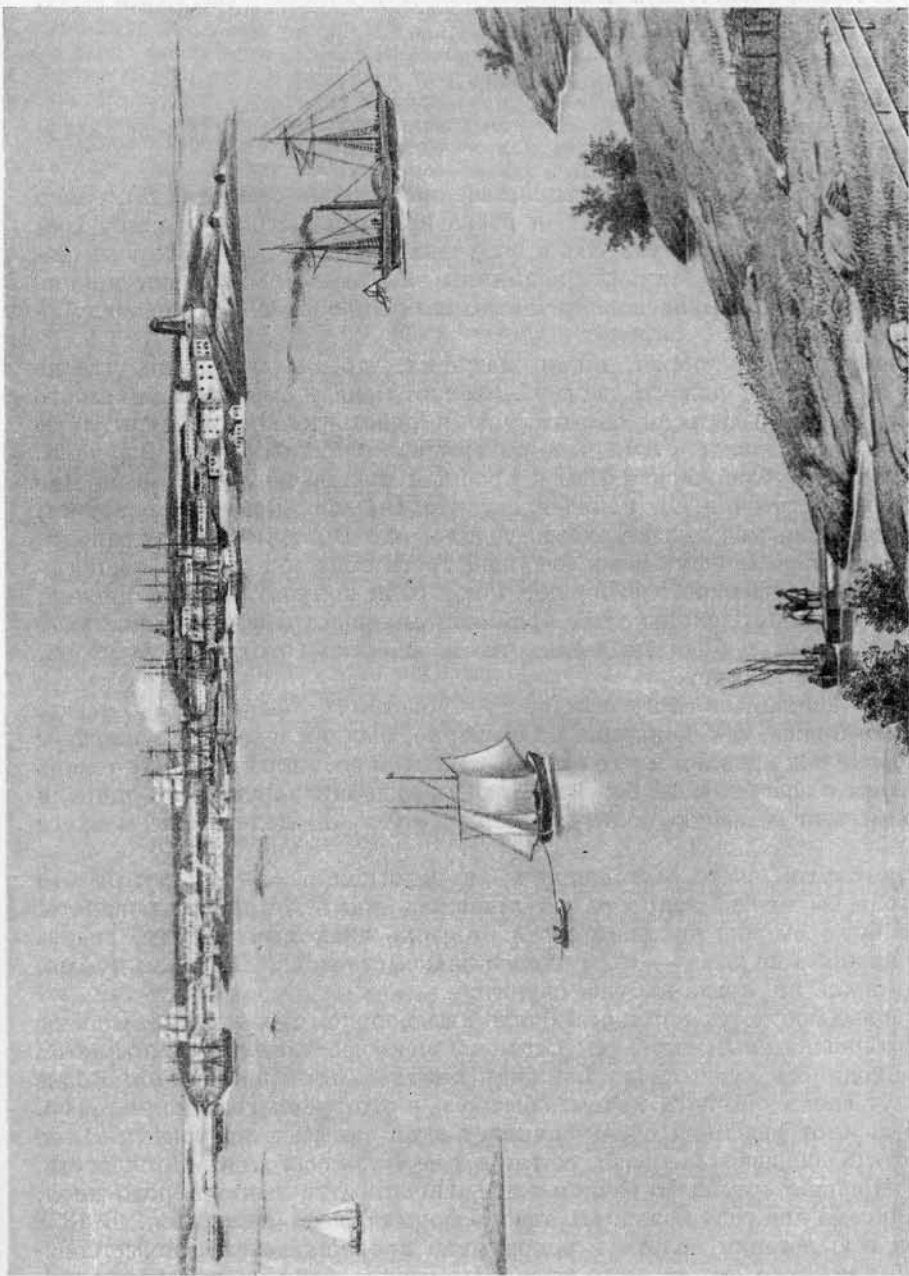
За обещанного Олеария благодарю заранее. Я и знал, что он находится в Закупе; поэтому я и не ожидаю его и с самого начала не ожидал очень скоро¹. Едва ли я летом приступлю к новой работе: мне столько надо просмотреть и исправить; поэтому-то я и могу легко ждать до осени.

Заранее желаю тебе счастья к предстоящему приезду твоего Дмитрия и прошу меня тотчас же уведомить о его приезде². Как вы провели праздники? В особенности маменька?

Кончаю, так как мне еще предстоит многое писать твоим девочкам. Целую тебе и маменьке руки.

Твой В и л ь г е л ь м

Р. S. Очень порадовало меня письмо Юленьки, ответу ей другой раз.

СВЕАБОРГ

В Свеаборгской крепости Кюхельбекер провел в заточении свыше четырех лет (1831—1835 гг.)

Литография из «Панорамы Гельсингфорса», 1830-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

¹ Имеется в виду сочинение Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг.», являющееся ценным источником сведений о социально-политическом строе и быте Московского государства в XVII в. Книгу Олеария Кюхельбекер хотел перечитать, вероятно, в связи с работой над трагедией «Прокофий Ляпунов».

² Д. Г. Глинка с 1831 г. служил в русском посольстве в Копенгагене; весной 1834 г. он приехал в Россию в отпуск.

16. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 18 мая 1834 г.

Любезная матушка,

Ваше милое письмо от 8-го (с приложением письма от Михаила), равно как деньги и драму Кукольника, я вчера получил. Сегодня я пишу Вам лишь затем, чтобы известить Вас о получении пакета; но на будущей неделе я напишу письму Михаилу подлиннее, а Наташе сообщу мое мнение о стихотворении, которое, скажу мимоходом, произвело на меня глубокое впечатление ¹.

Вы пишете мне, добрая, милая матушка, что Вы сожалеете, что не можете для меня большего сделать! Вы для меня и так слишком много делаете; уверяю Вас всем святым, что я действительно не испытываю нужды! Мне так жаль, что Вы мне на этот раз слишком много прислали. Восьмидесяти рублей, как я Вам в прошлом письме писал, было бы мне более, чем достаточно. Я понадеялся, что Вы мне, конечно, поверите, но, к несчастью, мое письмо еще не дошло, как Вы уже свое отправили. По крайней мере прошу Вас в будущей трети года мне ничего не посылать, и не посылать ничего до тех пор, пока Вы не получите от меня письма, в котором я напишу, сколько мне приблизительно потребуется. Не сгубите на меня, милая, добрая матушка, что я касаюсь этих мелочей, но, право, я иначе не могу.

Смерть покойного Риттмейстера² — воистину прекрасная смерть. Вы вполне правы, так ее называя. Он, верно, был последним, служившим в Павловске под началом моего отца. С рецептом его пилюль я буду теперь обращаться с еще большей бережностью; прежде я это делал, ибо пилюли мне приносили большую пользу, теперь я буду это делать еще и в его память.

Такие случаи часто заставляют меня размышлять о том, как бы это было, если бы мне на старости лет пришлось опять Петербург повидать. Тяжело было бы мне прохаживаться по столь знакомым улицам, видеть столь близкие мне дома — и ни одного знакомого лица! Впрочем, думаю, что это вряд ли когда-нибудь случится.

Здоровье мое, с тех пор как я опять пью молоко, превосходно. Вообще в этом отношении нынешний год для меня очень счастлив. Прошлым летом мне приходилось хуже. Дела мои, как кажется, нынешним летом также не пойдут своим обычным ходом: обычно я в это время года мало делаю, однако на этот раз меня очень занимает один замысел, который я хотел разработать еще два года назад, но тогда я не был в состоянии им овладеть. Это — народная легенда о вечном жиде. Начало уже лежит передо мной. Оно написано два года назад. Но теперь форма совсем изменится. В 1832 я хотел всю легенду облечь в непрерывно продолжающееся повествование. Но для этого сюжет не годится. Нынешний, если он пойдет на лад, будет обработан как ряд отрывков; эти отрывки будут то повествовательными, то драматическими, то лирическими³.

Еще одно, дорогая матушка! Кого мне благодарить за книгу? Сестру или Николая? Кого бы то ни было, но прошу Вас, дражайшая матушка, сделать это от моего имени. Целую Вам, добрая, милая матушка, руки, еще раз благодарю за деньги и заверяю Вас еще раз, что я положительно

ни в каком отношении недостатка не испытываю. Будьте здоровы, любезная матушка! Обнимаю добрую сестрицу и ее детей.

Ваш Вильгельм

¹ Речь идет о «драматической фантазии» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (1832 г.). Накануне письма, 17 мая, Кюхельбекер записал в дневнике: «... получил я давно ожидаемого „Тассо“ Кукольника. Разумеется, что я тотчас с жадностью принялся за трагедию: в ней много, много превосходного; читая многие места, я невольно плакал. Судить о творении Кукольника я еще не в состоянии: но у него талант великий, хотя, кажется, и не совсем драматический». В дальнейшем Кюхельбекер пережил сильное увлечение ходульно-риторическим творчеством Кукольника. Эта «ошибка вкуса», впоследствии отчасти исправленная Кюхельбекером, объяснялась его оторванностью от общественно-литературной жизни тридцатых годов. В эти годы он продолжал рассматривать и оценивать литературные явления в аспекте своих исходных романтических представлений. См. подробнее — «Декабристы и их время», 1951, стр. 52—53.

² Вильгельм Иванович Риттмейстер (ум. в 1834 г.) — врач, служивший в Павловске с 1786 г. до своей смерти (см. некролог его в «Северной пчеле», 1834, № 130).

³ Поэма «Агасфер» («Вечный жид») должна была, по замыслу Кюхельбекера, представить собою как бы обзор всемирной истории в отрывках, посвященных характеристике различных исторических эпох. 16 мая 1834 г. Кюхельбекер в дневнике следующим образом раскрыл содержание своего замысла: «...во мне живо пробудилась мысль о „Вечном жиде“. Я его, было, уже начал в 1832 году формою эпической, но ныне он ожил для меня в одежде драматической мистерии. Впрочем, может быть, если в самом деле примусь за него, сохраню и повествовательный отрывок, который будет служить, так сказать, прологом, введением в трагедию. В воображении моем означались уже четыре главные момента различных появлений Агасфера: первым будет разрушение Иерусалима, вторым — падение Рима, третьим — поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища, четвертым — смерть его последнего потомка, которого мне вместе хотелось бы представить и вообще последним человеком. Но между третьим и вторым должны быть непременно еще вставки, например изгнание жидов из Франции в XIV, если не ошибаюсь, столетии». А 17 мая он записал: «Примечательный день! <...> вынул я из чемодана своего „Агасфера“, прочел его, и мысли, как продолжать, стали толпиться в голове моей; если удастся, „Вечный жид“ мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением» (см. также письма к Ник. Г. Глинке от 21 октября и 9 декабря 1835 г. — Кюхельбекер, т. I, стр. LIX; «Декабристы и их время», 1951, стр. 53—55). Поэма «Агасфер» напечатана в «Русской старине», 1878, № 3, стр. 404—462.

17. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 29 мая <1834 г.>

Любезная матушка!

Тысячу раз благодарю Вас за рубашки, салфетки и книги. 27-е, когда я все это получил, было для меня очень радостным днем. Накануне я мылся в бане, чувствовал себя поэтому особенно легко и радостно. Утром я получил еще новую тетрадь для своего дневника и мечтал начать его с чего-нибудь необыкновенного; не знал, однако, что это будет. И глядь! Мне приносят посылку. Старик Гёте мне очень приятен; я приму его как старого доброго друга и, читая его, буду воображать, что он мне о добром старом времени что-то рассказывает. Жаль только, что не хватает «Фауста»; впрочем, его и прежде не хватало.

Салфетки (которые мне, впрочем, были не нужны, так как их у меня достаточно) мне потому особенно милы, что они может быть еще Авинормские ¹.

Наша Юленька плывет теперь, стало быть, в Сицилию и даже на Мальту! ² Странны все-таки прихоти судьбы! Впрочем, я не очень понимаю, что графиня станет делать на Мальте. Очень веселится она там не будет. Где хозяевами англичане, там сплин — хозяин, а скука — домоправительница и ключница. Насколько высоко я ставлю литературу англичан, насколько я ее за многое очень чту, настолько, откровенно говоря, не люблю я находиться в их обществе. Дамы, *tirées à quatre épingles* *, малословные, вечные произносительницы *уез'ов* **, мне особенно не по душе. И с ними

* чопорные (франц.).

** уез — да (англ.).

должна будет общаться наша жизнерадостная, естественная, веселая, слегка насмешливая Юлия! Я уверен, что они ей придется не по душе. Даже сентиментальность немецких дам, в особенности берлинок, что тоже является своего рода жеманством, я в тысячу раз предпочитаю воспитанному, сухому, напыщенному бездушному нраву худых англичанок с их льняными волосами, с их прозрачной кожей и с их вечным чаем с бутербродами. Любезнее и вместе с тем естественнее дам, нежели у нас и, может быть, во Франции, пожалуй, нет. В Саксонии, Польше, Италии они красивее, иногда, может быть, остроумнее, но боже упаси нашего брата от жены, родившейся в Польше или в Италии! Без сомнения, бывают исключения; но я говорю лишь о том, что обычно встречается и что полезно северянину.

Я совершенно не думал, когда начинал это письмо, что из него получится целая диссертация о дамах различных наций. Но теперь я очень рад, что написал это. В Вашем маленьком кружке это даст материал для разговоров. Может быть, об этом немного поспорят, и Вас, добрая маменька, это немного развлечет. *C'est autant de gagné* *. Здоровье мое в хорошем состоянии; кажется, в этом отношении мне удастся провести хорошее лето. Слава богу! Да дарует он Вам, бесценная матушка, ни с чем не сравнимый дар доброго здоровья.

Обеим младшим моим племянницам я наверное напишу следующий раз. Давно не писал я милым девочкам послания.

Целую Ваши дорогие руки и остаюсь Ваш

В и л ь г е л ь м

¹ А в и н о р м — поместье в Эстляндии, где Кюхельбекер провел годы раннего детства.

² Ю. К. Кюхельбекер в июне 1833 г. отправилась в длительное заграничное путешествие в качестве компаньонки гр. В. П. Полье.

18. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 28 июня 1834 г.

Любезная матушка,

какое впечатление произвело на меня Ваше письмо от 4-го и остальные, полученные мною одновременно, Вы увидите из начала моего ответа Юстине Карловне. Если я здесь подробнее об этом не распространяюсь, то это происходит оттого, что слова все-таки были бы очень слабыми переводчиками моих мыслей и чувств.

Итак, мой 34-й год пройден. В общем он был, как я Вам, как будто, уже писал, очень спокойным и благодетельным; и в моем продвижении к окончательному образованию будет он, я думаю, значительным. Многое, что раньше мне лишь сбивчиво представлялось, стало для меня теперь ясным: в некоторых вопросах мои взгляды изменились, и я думаю, что они стали вернее.

Более важных предметов на этот раз не хочу касаться, но скажу кое-что о литературе. Совсем иными глазами, чем раньше, смотрю я, например, на Гёте. К сожалению, он мне не представляется больше в том величественном виде, в каком он мне раньше представлялся ¹. Я начинаю теперь очень хорошо понимать, почему Гёте не был героем нашего доброго старого Брейткопфа ². К огромному таланту Гёте я всегда буду испытывать величайшее уважение, но при всем таланте он обладает — слово должно быть сказано — низкой, холодной, себялюбивой душою. Он (а не бедный Виланд ³, который, конечно, больше от слабости и из подражания, чем с умыслом, грешил) действительно Вольтер немцев ⁴, патриарх чувственной, эгоистичной, лицемерно похваляющейся переживаниями школы

* А это чистый выигрыш (франц.).

приверженцев. Человек трудно отделим от писателя: скудость сердца вредит, конечно, и таланту, и это я в особенности замечаю в некоторых позднейших стихах Гёте. Как часто он всего лишь поэт на случай! Как холодны, принужденны и бессодержательны его карлсбадские пьесы. Его «Эпименид»! Его «Побочная дочь» и т. д.

Давно уже я все это почувствовал, но не решался высказать. Сознаюсь Вам откровенно, что понадобилась посторонняя помощь, чтобы окончательно сорвать повязку с моих глаз. Рецензия, или скорее статья о Шиллере и Гёте одного молодого немецкого писателя по имени Менцель, выполнила это. Перевод этой статьи, прочитанный мною в одном из наших журналов, сначала меня раздосадовал; в моем дневнике я многое из нее оспаривал. Но под конец я все-таки увидел, что в общем Менцель, пожалуй, прав⁵. Только ему следовало бы из уважения к 80-летнему старцу ранние произвели сильнейшее впечатление на немецкую публику, и, если наши журналисты не ошибаются, с исполинской репутацией Гёте в Германии покончено. Мне все-таки больно, что Гёте пережил падение своей славы (Менцель писал в тридцатом или в тридцать первом году, а Гёте умер лишь в следующем). Я его знал и он мне желал добра, был ко мне благосклонным. Но справедливость прежде всего! Впрочем, я убежден, что со временем опять это пересмотрят: в эстетическом, к сожалению не вполне в нравственном отношении, его «Вертер», его «Гец фон Берлихинген», его «Эгмонт», его «Ифигения», его «Вильгельм Мейстер» (а именно четыре первые тома, но не продолжение) — и, превыше всех остальных вещей, его несравненный «Фауст» — стихи бессмертного достоинства. Другие, меньшие, им мало уступают: его баллада, его чудесно-нежная, исполненная воображения и чувства «Эфрозина», его «Германи и Доротея», пожалуй, мало имеют соперников в немецкой литературе. Велика все-таки разница между Гёте и Вольтером: Гёте — поэт, Вольтер — нет. Многое надобно также приписать веку: последнее столетие восемнадцатого века и начало нашего были дерзким временем безверия, осмеивавшим все святое, и Менцель вполне прав, что Гёте не был губителем и соблазнаителем своего времени, а сыном его. Поэтому-то я и уверен, что *там* он будет снисходительнее судим, нежели теперь здесь его судят его сородичи. О Шиллере Менцель говорит как энтузиаст, но, к сожалению, я не могу быть вполне одного мнения с ним⁶. И Шиллер не вышел совершенно чистым из-под губительных влияний своего времени. Я не говорю о его «Разбойниках». Это произведение девятнадцатилетнего юноши; хотя в некоторых случаях там может быть обнаружена жестокость, иногда беспутство, но тем не менее стремления его в целом высоки, вдохновенны и безупречны. Но возьмите Вы его стихотворение «Смирение» и некоторые другие лирические стихотворения; возьмите некоторые его статьи в прозе. Если у Гёте есть сродство с Вольтером, то у Шиллера есть нечто, напоминающее Жан-Жака Руссо, а друг Жан-Жак, несомненно, — дитя своего времени. Прекраснейшее, что Шиллер создал, или вернее развил, это — ни одно из его произведений, а его чудесный питомец Кёрнер. В Теодоре Кёрнере немцы получили бы, если бы он так рано не окончил свою героическую жизнь, более чистого, более сильного и не менее горячего Шиллера. Так я по крайней мере думаю. Впрочем, быть может именно его прекрасная смерть придает ему в моих глазах известный ореол, сияние святости⁷.

Когда дело касается литературы, у меня как-то странно получается: я никогда не могу о ней кратко высказаться. И сегодня я намеревался лишь два слова сказать, а глядишь! все мое письмо превратилось в литературное рассуждение. Если это рассуждение Вас на мгновение рассеяло, то это, впрочем, тоже хорошо. Здоровье мое попрежнему хорошо; вчера я

в первый раз за этот год ел землянику и раков. Прежде этот день в Павловске был праздничным. Как теперь? Да сохранит господь, любезная матушка, Ваше столь нам дорогое здоровье. Я рад, что Вам недалеко до сада; может быть, и Вы совершите иногда маленькую прогулку. Возвращаю с благодарностью письмо Юленьки к Николаю. Целую обе Ваши руки и остаюсь Ваш

В и л ь г е л ь м

¹ В молодые годы Кюхельбекер был восторженным поклонником Гёте и ревностно пропагандировал его творчество. В 1820 г., в бытность свою за границей, он лично познакомился с Гёте и беседовал с ним на литературные темы. Кюхельбекер обратился к нему с письмом, в котором именовал его «учителем, коему столь многим обязан в воспитании своей души», и написал в честь его стихотворение «К Прометею». В 1824 г. Кюхельбекер прославил «великого Гёте» в своих статьях «О направлении нашей поэзии...» и «Разговор с Ф. В. Булгариным» (помещенных в «Мнемозине»). Но в годы крепостного заточения отношение Кюхельбекера к Гёте существенно изменилось. Публикуемое письмо служит первым ясно выраженным симптомом разочарования Кюхельбекера в «величии» Гёте. При этом наиболее важно учесть, что в своей переоценке Гёте Кюхельбекер исходил из решительного осуждения второго, так называемого «олимпийского», периода творческой деятельности немецкого поэта. «Холодной чопорности» и «бесстыдному эгоизму», которые Кюхельбекер находил в произведениях «олимпийского» Гёте, он попрежнему противопоставлял мятежный пафос молодого Гёте, деятеля эпохи «бури и натиска», создателя образа Вертера — «мученика мятежного».

Критическое отношение Кюхельбекера к Гёте с течением времени все более укреплялось. Выразительным свидетельством этому служит его письмо к Ник. Г. Глинке от 13 сентября 1839 г. («Декабристы и их время», 1951, стр. 78—79), а в 1840 г. он следующим образом подвел итог своим размышлениям на данную тему: «Царствование Гёте кончилось над моею душою (<...> мне невозможно опять пасть ниц перед своим бывшим идеалом, как то падал я в 1824 году и как то заставил пасть со мною всю Россию. Я дал им золотого тельца, они по сию пору преклоняются ему и поют ему гимны, из которых один глупее другого; только я уже в тельце не вижу бога» («Дневник Кюхельбекера», стр. 252).

² Бернгард-Теодор (Федор Иванович) Б р е й т к о п ф (1749—1820) — композитор-дилетант, лично связанный с Гёте и писавший музыку на его стихи. Старый друг отца Кюхельбекера, учившийся вместе с ним в Лейпцигском университете, Брейткопф, подобно ему, переселился в Россию и учредил в Петербурге типографию, а впоследствии занимался преподавательской деятельностью в Екатерининском институте.

³ Кристоф-Мартин В и л а н д (1733—1813) — немецкий писатель, близкий к Гёте; как поэт, писал в салонно-аристократическом духе, разрабатывая гедонистические мотивы. Кюхельбекер в молодости перевел из Виланда «Письмо к молодому поэту» («Сын отечества», 1819, № 45, стр. 193; № 46, стр. 262), но впоследствии относился к нему осудительно.

⁴ В тридцатые годы Кюхельбекер резко осуждал Вольтера с точки зрения своих религиозно-моральных убеждений — см., например, его письмо к А. Г. Глинке от 28 февраля 1836 г. («Декабристы и их время», 1951, стр. 61).

⁵ Статью Менцеля о Шиллере и Гёте Кюхельбекер прочел в «Сыне отечества» 13 июня 1834 г. Он нашел в этой статье «хороший разбор, оригинальный взгляд на поэзию, глубокие, новые мысли» («Дневник Кюхельбекера», стр. 195). Полемика Кюхельбекера с Менцелем в дошедших до нас частях дневника не отражена. Впоследствии, в 1839 г., Кюхельбекер, касаясь своего отношения к Гёте, снова ссылаясь на Менцеля, книгу которого «Немецкая литература» он тогда прочитал. См. также отзыв Кюхельбекера о Менцеле в «Лит. наследстве», т. 33-34, 1939, стр. 364.

Вольфганг М е н ц е л ь (1798—1873) — немецкий публицист и критик, в начальный период своей деятельности занимавший либеральную позицию; в тридцатые годы выступал как один из самых воинствующих и озлобленных представителей крайнего реакционного направления в немецкой литературе. В частности, исходя из своей христианско-монархической и шовинистической идеологии, Менцель ожесточенно нападал на Гёте, осуждая «языческую» природу его мировоззрения и творчества. Кюхельбекер, оторванный от общественно-литературной жизни 30-х годов, не имел ясного представления о политическом лице Менцеля.

⁶ Отношение Кюхельбекера к творчеству Шиллера было сдержанным. В 1824 г. он противопоставлял «недозрелого Шиллера» — «великому Гёте» («Мнемозина», ч. II, стр. 41).

⁷ Теодор К е р н е р (1791—1813) — немецкий поэт-романтик, автор военно-патристических стихотворений и песен, пользовавшихся шумным успехом в Германии в годы наполеоновских войн; участвовал в войне с французами в рядах партизанского отряда и был убит в бою.

19. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 13 июля 1834 г.

Любезная сестрица,

твой день рождения опять у порога. Надо надеяться, что ты его приятно отпразднуешь; лучший подарок, который тебе можно было бы пожелать к этому дню,— это присутствие твоего Дмитрия; я очень желаю, чтобы он в этот день был уж с вами¹.

На этот раз ты от меня ничего не получишь. Зато посылаю твоему Борису рукопись, которая, правда, едва ли 19-го уже будет у вас в руках². К его именинам это вероятнее, если только сочтут допустимым вам ее переслать.

И для меня лично в этом месяце есть знаменательный день. Вот уже 8 лет, как наша судьба решилась. Обычно для меня 12-е — день мучительных воспоминаний о прошлом; вчера этого, однако, не было: меня больше занимало будущее, нежели прошлое; моей главной мыслью было то, что отныне я, слава богу, могу сказать, что до моего срока скоро останется менее семи лет, на полтора года менее того, что я уже провел в заточении,— ибо при моих расчетах я обычно прихватываю и те полгода, что мы находились под судом. Правда, что семь лет — это еще очень много: но так как я вот уже много лет не чувствовал себя таким здоровым, как нынче, то я все-таки надеюсь с божьей помощью эти семь лет пережить³. О брате я вчера тоже много думал. Узнает ли он еще меня, если я через семь лет войду в его школу?⁴ Я решил сначала разыграть роль прохожего, *не сказаться ему* — по обычаю нашего народа. Но, так как и он, наверно, будет меня ожидать, то все это, думаю, будет напрасно. Редко гляжусь я в зеркало, только, когда мне волосы подстригают, и поэтому я сам могу в некотором отношении судить о переменах в моем облике; они, мне кажется, не так уж велики; только шрам между бровями заметнее выступил. Несколько меняет меня также кудрявая борода, которой я прежде не носил<...>

Давно уже я не писал так мало нового, как нынче; с половины марта я почти ничего другого не делаю, как просматриваю старые вещи. Впрочем, на этот раз это меня не страшит. Редко проходит неделя, чтобы мне не являлись новые мысли, и это меня очень утешает. Мне теперь не хватает лишь стихов, т. е. легкости механической работы, но надо надеяться, что к зиме она опять восстановится. О моей сказке «Иван, купецкий сын» я писал Борису и, так как я надеялся, что даже в случае, если рукопись вам вручена не будет, вы по крайней мере письма получите,— я не повторяю того, что в них писал.

Однако и другие замыслы меня занимают: трагедия, предметом которой должен быть Архилох⁵ (стало быть, своего рода дополнение к «Тассо»⁶, которого ты мне прислала и за которого я благодарю; правда, дополнение, которое могло бы быть названо контрастом, так как в соответствии с историей Архилох всего менее обладал привлекательным характером); затем «Вечный жид», затем «Ляпунов», далее — роман, предметом которого должна быть история человека, который был счастлив в стесненном положении, был из него выведен, но, вступив в бурную светскую жизнь, впал в ничтожество,— стало быть, мещанская, лишенная всего чудесного фаустиана⁷; еще другая фаустиана бушевала во мне несколько дней; эта должна была в отличие от предыдущей быть вполне фантастичной и сказочной, какою и была на самом деле история этого загадочного человека,— при этом по возможности в народном духе,— и эта фаустиана была бы

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

жизнью Лжедмитрия, не по историческим источникам, а по старым песням и преданиям, в которых он считается волшебником⁸; наконец, я очень желал обработать ритмически или, облекая ее в форму новеллы в прозе, мнимую смерть — катаlepsию. Ты видишь, что со всем этим материала хватит на несколько лет; добавь к этому еще третью часть «Ижорского»⁹, переводы с английского и, может быть, еще более мелкие работы в прозе и стихах, и ты можешь быть уверена, что я вооружен против скуки. Будут ли, однако, эти вещи доведены до конца — это еще большой вопрос. Больше всего меня в настоящее время занимает сказка¹⁰, но пока я, к сожалению, еще с места не сдвинулся.

Сегодня я маменьке писать не буду; поэтому прошу тебя сказать ей, что я себя, слава богу, нынче летом очень хорошо чувствовал; говорят даже, что я потолстел. Впрочем, это случается каждое лето, — зимой же я опять худею, как медведи; разница только в том, что у медведей зима — время сна и отдыха, я же, напротив, только зимой как следует бодрствую, то есть чувствую себя в состоянии работать. Греческим я уже больше месяца не занимался; пора бы уже кончить «Илиаду»; к стыду моему, должен признаться, что за три года дошел только до 19-й песни, но, правда, я первые 12 песен целиком проработал три раза, а остальные — два раза; а потом случилось порою, что я полгода и больше ни о каком греческом и не думал.

Еще раз желаю тебе, любезная бесценная сестрица, как можно радостнее отпраздновать день твоего рождения.

В Павловске ты этот день проведешь в кругу своих; никакие соседи тебе не помешают. Давно я ничего не слышал о Владимире Андреевиче¹¹. Где он и что подделывает? Хотелось бы мне также что-нибудь узнать о госпоже Ахвердовой¹². Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение нашим дорогим приятельницам Натали и Эмили. Маменьке и тебе целую руки. Наташе буду сегодня писать.

Твой В и л ь г е л ь м

¹ См. прим. 2 к письму № 15.

² Как видно из дальнейшего, Кюхельбекер, вероятнее всего, послал Б. Г. Глинке отрывок из своей драматической сказки «Иван, купецкий сын», законченной лишь в 1842 г.

³ 12 июля 1826 г. — день объявления приговора Кюхельбекеру. В дневнике его под 12 июля 1834 г. записано: «Вот опять роковой день 12-го июля; этот раз я почти его не заметил; более всего занимала меня мысль, что завтра можно мне будет уж сказать: до срока осталось менее 7-ми лет».

⁴ М. К. Кюхельбекер на поселении учил местных детей.

⁵ Замысел и план драмы «Архилох» относятся к марту 1833 г. (см. запись в дневнике от 19 марта, опубликованную в книге: К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 481). В июне 1834 г. Кюхельбекер продолжал работу над этой драмой (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 196), но наброски того времени до нас не дошли. В 1845—1846 гг. Кюхельбекер восстановил по памяти некоторые сцены; они напечатаны в указанном выше издании его драматических произведений.

⁶ Драма Н. В. Кукольника. См. о ней прим. 1 к письму № 16.

⁷ Неясно, о каком произведении идет речь. В середине июня 1834 г. Кюхельбекер начал писать какой-то роман (см. записи в дневнике от 13, 14 и 15 июня, когда была кончена первая глава этого произведения). Вряд ли это был «Последний Колонна» (или «Итальянец»), начатый в 1832 г. и законченный в 1843 г. Может быть, имеется в виду начало романа «Семинарист», упомянутого Кюхельбекером в списке произведений, предназначенных им к включению в собрание сочинений (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 313). Рукопись «Семинариста» находилась в собрании Ю. Н. Тынянова (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. LXXVII).

⁸ В дневнике под 30 июня 1834 г. записано: «Пришла мне мысль: нельзя ли Самозванца превратить в русского Фауста?». Идея создания «русского Фауста» занимала Кюхельбекера издавна; она осуществилась отчасти в драматической мистерии «Ижорский».

⁹ Третья часть «Ижорского» была закончена только в 1840—1841 гг.

¹⁰ «Иван, купецкий сын».

¹¹ В. А. Глинка (см. прим. 1 к письму № 5).

¹² Прасковья Николаевна Ахвердова (ум. в 1851 г.) — вдова начальника артиллерии Отдельного кавказского корпуса генерала Ф. И. Ахвердова, близкая приятельница Грибоедова. Кюхельбекер познакомился с Ахвердовой в 1822 г., в бытность свою в Тифлисе. Впоследствии, поселившись в Петербурге, Ахвердова поддерживала знакомство с семьей Кюхельбекера, а тот неоднократно упоминал о ней в письмах к родным (см., например, письма №№ 22, 26) и в дневнике.

В неопубликованной части дневника записано под 31 декабря 1832 г.: «От сестрицы Уленьки я поздно вечером получал очень приятное письмо: П. Ахвердова, кажется, коротко познакомилась с сестрою Глинкиною; в добрый час: эти две женщины достойны любить друг друга» (ИРЛИ. Р I, оп. 12, № 336).

20. Ю. Г. ГЛИНКЕ

⟨Свеаборг.⟩ 29 июля 1834 г.

Милая Тиненька,

За все, что говоришь ты о братце Дмитриии, я тебе очень благодарен; сердечно рад я, что он и за морем не отвык от родного языка: это очень, очень важно ¹. Здесь заставьте его застаться кое-какими русскими книгами для легкого чтения; не мешало бы купить даже несколько романов, да только, чтоб они были не хуже «Юрия Милославского», который поныне большой мой фаворит ².

Вы были в Петергофе; ты, вероятно, в первый раз в жизни. Что иллюминация вам понравилась, в том не сомневаюсь, — хотя, искренно сказать, я не большой охотник до иллюминаций: смрад от плошек и стаканчиков для меня несносен. Но что скажешь о самом саде? Не так ли, — ему далеко до павловского, царскосельского или даже гатчинского? Место сырое, болотистое: настоящий эдем для лягушек, а к лягушкам у меня непобедимое отвращение. К лягушкам и паукам; я такой храбрец, что готов вскрикнуть, когда лягушка прыгнет мне на ногу. Паука однажды шалунья ваша тетушка ³ заставила меня взять на руку; но едва ли бы я согласился, если бы она попотчевала меня лягушкою, т. е. живую; жареных и приготовленных в соусе я, напротив, очень люблю, да вот уже лет 12 как не случалось мне их есть. Впрочем лягушки, которых едят во Франции, вовсе не так отвратительны, как наши; они зеленые (Laubfrösche) * с розовыми пятнами и питаются листьями, живут на деревьях; если бы не гадкая мягкость всего их тела и холод, которым о(б)дают, когда прикоснешься к ним, — зеленых лягушек можно бы даже назвать довольно красивыми. Но кончим эту натуральную историю!

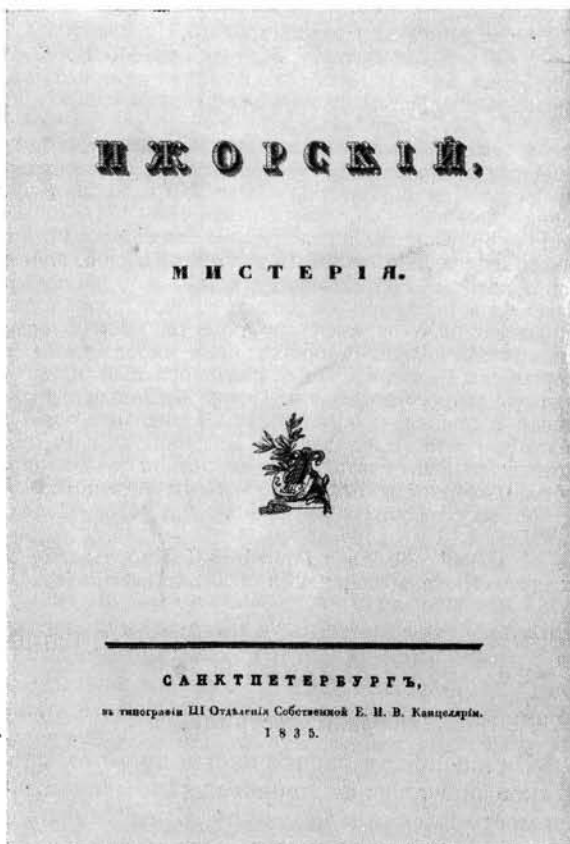
Вопрос: познакомили ли вас братцы с новыми французскими писателями — с Виктором Hugo, Альфонсом <!> де Виньи, Бальзаком? Это должны быть люди с великим талантом. Я, к несчастью, знаю их только по переведенным в наших журналах отрывкам; но истинно даже и по этим отрывкам удивляюсь им, особенно Бальзаку, которого талант, кажется, разнообразнее, чем первых двух ⁴. Конечно, всего братья не станут вам читать, и это и быть не может иначе; однако кое-что, кажется, могли бы и вы выслушать. — Madame de Genlis — препочтенная старушка, но смею думать, что в ином случае каждая из вас умнее ее; сверх того, что было хорошо в *наше* время, то устарело в *ваше*. К тому же, хотя правила доброй графини превосходны, век, в который она жила, а еще более тот, который преимущественно описывает, т. е. Людовика XIV-ого, был чуть ли не испорченнее и нынешнего; вот почему и в ее сочинениях много щекотливого.

Однако французы — французами; — да скажи братьям, чтоб они порою говорили мне и о других адамовых детках, напр<имер> о немцах; я о них еще менее знаю, нежели о французах: Гёте умер, но разве с ним скончалась и немецкая словесность? Впрочем, быть может, тебе не надобно

* древесные лягушки (нем.).

МИСТЕРИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА
«ИЖОРСКИЙ».
ИЗДАНА А. С. ПУШКИНЫМ
БЕЗ ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА,
1835 г.

Обложка книги

беспокоить и братьев, чтоб мне сказать какую-нибудь весть о немцах; быть может, дошли и до вас, мои милые корреспондентки, какие-нибудь новейшие романы немецкого изделия, или трагедии, или комедии? От сих последних однако я вас бы охотно избавил, если они не лучше прежних немецких: как ни бранят Коцебу, а он у немцев покуда один; по кр^{чайней} мере он хоть смешит, прочие же — Ифлянд⁵, etc. (здесь etc. стоит поневоле: других имен не вспомню) наводит зевоту. То ли дело мой Willy, мой бесподобный Willy!⁶ Надрываешься, когда его читаешь. Мой тезка — величайший комик, точно, как величайший трагик из всех живших, живущих и (я почти готов сказать) долженствующих жить. У него в его комедии «Much ado about nothing»⁷ есть дамочка, называется она Beatrix, — спроси о ней Дмитрия. Быть может, ошибаюсь, а подчас мне кажется, что кое в чем ты должна быть похожа на нее. Скажи брату, чтоб он уведомил меня, отгадал ли я или нет.

Прощай, душа моя! Извини, что пишу тебе о предметах, которых, быть может, не знаешь, но это подаст вам повод к разговорам, к объяснениям, заставит, быть может, Дмитрия и прочесть вам, переводя изустно, несколько сцен из «Much ado» — и вы, верно, скажете мне спасибо за то, что здесь подаю ему к этому повод. Еще раз прощай; обнимаю тебя.

Твой друг

В. К ю х е л ь б е к е р

Р. S. Напомни Дмитрию характер Dogberry в «Much ado».

¹ См. прим. 2 к письму № 15.

² «Юрий Милославский» — роман М. Н. Загоскина (1829). Впоследствии Кюхельбекер писал: «Загоскин не блистательный талант, но человек, хотя несколько и ограниченный, с теплою душою и русским умом» («Дневник Кюхельбекера», стр. 304).

³ Ю. К. Кюхельбекер.

⁴ Кюхельбекер писал племянникам Глинкам 27 апреля 1834 г.: «Мне новая французская школа почти совершенно неизвестна: едва дошли до меня имена Альфреда де Виньи, Виктора Гюго, Маршанжи и пр.; об их же произведениях ровно ничего не знаю» («Летописи», стр. 170—171). Впоследствии Кюхельбекер высоко оценил и горячо полюбил творчество Гюго; в обращенном к нему стихотворении он писал об его «волшебной лире» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 202—203). Произведения Бальзака, которые Кюхельбекеру в 1834 г. удалось прочесть в русских журналах, произвели на него сильное впечатление. 12 июля он отметил в дневнике, что прочел «превосходный отрывок» из повести «Шагреневая кожа», а 25 июля записал под свежим впечатлением прочитанной «прелестной» повести «Г-жа Фирмиани»: «И как хорош сам Бальзак! Что за разнообразный, прекрасный талант! Признаюсь, я бы желал узнать его покороче». Позже Кюхельбекер охладел к Бальзаку; в 1841 г. он записал в дневнике: «Насчет некоторых писателей я свое мнение переменял; к этим, в особенности, принадлежит Бальзак. Теперь нахожу его довольно однообразным, хотя и теперь считаю его человеком очень даровитым». См. также Ю. Н. Тынянов. Декабрист и Бальзак. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 363—377.

⁵ Август-Вильгельм И ф л а н д (1759—1814) — немецкий драматург.

⁶ Willy — Шекспир.

⁷ «Much ado about nothing» («Много шума из ничего») — комедия Шекспира, которую Кюхельбекер ценил особенно высоко (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 101).

21. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 30 июля 1834 г.

Любезная сестрица,

Важнейшее в ваших письмах — это известие, что Михаил женится¹. Какое впечатление произвело на меня это известие, ты отчасти узнаешь из моего письма к маменьке. Преобладающим чувством была, несомненно, радость, да и трудно мне было, конечно, не испытать радости, как подумаю, что он теперь больше не будет так одинок. Письмо его к тебе так прекрасно: я в нем вполне вижу его правдивую, честную душу. В одной лишь части я ему все-таки не совсем верю, именно в том, что он не любит; да и делает он для своей будущей жены слишком много, чтобы думать, что он у нее не предвидит больших достоинств. Правда, это очень хорошо, что он не рисует себе идеальной картины будущего брачного блаженства; однако и в обратном не надо слишком далеко заходить. Я себе эту молодую особу представляю, правда, не светски воспитанной, но и не *испорченной воспитанием*, без знаний, но и не без здравого смысла: доброе, неиспорченное сердце — главное. Ты, конечно, будешь смеяться при чтении моего письма к маменьке, что я уже строю проекты, как мы станем воспитывать ее будущего внука. Но ты мне, конечно, охотно поверишь, что я эти ребячества ничем иным как ребячествами и не считаю (*и что я это более для того только написал, чтобы нашу бедную старушку рассмешить, чтоб дать ей мыслям веселое направление). Правда, очень знаю, что она теперь иначе смотрит на предметы, но все же помню, что этот брак должен был возбудить в ней горькие воспоминания, горькое сожаление о том, что мы утратили и чего нельзя уже возвратить *. Возникли у меня потом и более серьезные мысли, и, признаюсь откровенно, мысли, имеющие прямое отношение ко мне самому.

От моего желания когда-нибудь дожить свой век у Михаила я должен теперь — я это понимаю — отказаться. Правда, я, ей богу, думал, что в экономическом отношении я то уж ему в тягость бы не был; напротив того, может быть, господь благословил бы мои труды и они и ему и мне доставили бы значительный доход. Впрочем, если последнее случится,

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

я даже издалека могу с ним делиться. В братских настроениях Михаила я уверен; он, наверно, принял бы меня с радостью; но отныне он будет не один. В моем одиночестве я, может быть, освободился от многих недостатков; другие, однако, так, может быть, во мне укоренились, что мне едва ли когда-нибудь удастся от них освободиться. Эти недостатки, может быть, с точки зрения религии, и не тяжелые грехи, но они испортили бы жизнь мне и другим, в особенности людям, которых я близко не знаю: я стал нелюдим; я издавна был, как по-русски говорят, мнителен *, а теперь, к сожалению, стал еще того более. Но так как в жизни ничего плохого без хорошего не бывает, то и в расстройстве этой моей надежды есть то хорошее, что я теперь с менее тоскливым нетерпением буду ожидать конца моего срока. Впрочем, пусть все идет своим чередом; семь лет — время долгое, а время — лучший советчик.

Собственно говоря, я сегодня сел тебе писать, чтобы в этом письме убедительнейше просить тебя оказать мне в одном важном деле помощь. Михаил на *первое* время обеспечен, но, правда, только на первое. Надо заботиться о будущем. С моими поэтическими трудами, как видишь, дело не идет: они мне еще ничего не принесли. Но я бы охотно взялся за работу другого рода, если б только мог предвидеть, что она принесет деньги ². Будь поэтом добра, когда ты вернешься в Петербург, сделать *все, что только возможно*, чтобы я получил уверенность, что такие работы вам будут вручаться. Если *нужно*, обратись сама к нашему благодетелю, великому князю ³, скажи ему, что я *не для себя* хочу работать. Я буду очень признателен, если бы мне свыше пожелали поручить подобные работы. Если это, однако, не произойдет, то пусть твои сыновья для начала что-нибудь выберут, что я мог бы перевести; в финансовом отношении роман был бы лучше всего. Но это должен быть такой роман, который никто другой не переводит; об этом надо разузнать. О Дивове** больше и речи быть не может: я бы охотно и с ним поделился, но так как я отныне ни о каком дележе больше не думаю, а серьезно прошу и требую, чтобы *все целиком* направлялось моему брату, то я вынужден предоставить молодого человека провидению господа бога, который его и не оставит ⁴.

Быть может, тебе и этот проект покажется столь же химерическим, как и педагогический в письме к маменьке. К сожалению, я сам этого опасаюсь. Так часто и в таком множестве расстроенные надежды с трудом позволят новым зародиться в моей груди. По крайней мере, прошу тебя, я почти готов сказать — заклинаю тебя твоей сестринской любовью сделать все возможное, и *самой* сделать. Если и тогда не выйдет, то я уж буду вынужден смириться; но это будет все-таки одним из сильнейших ударов, которые мне доведется претерпеть от судьбы. Пошли мне бог тогда терпения! Моего дорогого Бориса я опять буду в этом деле просить взять на себя хлопоты по изданию <...> Je suis persuadé, que Boulgarine fera son possible, de m'être utile; je sais qu'il n'a pas de rancune contre moi et qu'il n'oubliera jamais, que j'ai été l'ami intime d'un homme, qu'il a beaucoup aimé et estimé***.

Будь здорова, добрая сестрица; с тоскливым нетерпением буду ожидать не *определенного* ответа на это письмо, но все же твоего мнения о нем.

NB. Ни слова об этом Михаилу, пока это не наладится; убедительнейше прошу тебя об этом. — Сегодня не пишу тебе о Дмитрие, но ему самому напишу.

Целую твои руки. Твой Вильгельм

* мнителен — по-русски.

** О Дивове — по-русски.

*** Я убежден, что Булгарин сделает все, от него зависящее, чтобы быть мне полезным; я знаю, что он меня не поминает лихом и что он никогда не забудет, что я был близким другом человека, которого он очень любил и уважал⁵ (франц.).

¹ М. К. Кюхельбекер 3 июня 1834 г. женился на баргузинской мещанке Анне Степановне Токаревой. Узнав об этом из писем родных, В. К. Кюхельбекер записал в дневнике 26 июля 1834 г.: «Брат мой женится или, вероятно, уже женат. Трудно выразить, какое впечатление произвело на меня это известие».

² Речь идет о переводах с иностранных языков.

³ Имеется в виду в. к. Михаил Павлович, сыгравший известную роль в судьбе Кюхельбекера после 14 декабря. К Михаилу Павловичу обратились родные Кюхельбекера с ходатайством о замене ему каторги заключением в крепости. Надежды Кюхельбекера на то, что Михаил Павлович поможет ему получить позволение печататься, были, конечно, совершенно необоснованными.

⁴ Речь идет о распределении гонорара, который Кюхельбекер рассчитывал получить в случае опубликования переводов из Шекспира или собственных произведений. Известно, что друзья Кюхельбекера выплачивали его родным какие-то суммы в счет будущего гонорара; так, еще в 1829 г. Дельвиг передал им 1000 руб. за перевод «Макбета» (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XLIX).

Василий Абрамович Д и в о в (ум. в 1842 г.) — морской офицер, мичман Гвардейского экипажа, член Северного общества, близкий друг М. К. Кюхельбекера; был осужден по первому разряду на бессрочную каторгу, затем срок был сокращен до 20 лет, но в 1827 г., по секретному высочайшему повелению, Дивова отправили в Бобруйскую крепость; в 1839 г. он был определен рядовым на Кавказ. В июле 1832 г., пересылая родным свою поэму «Зоровавель» и мечтая о напечатании ее (что и осуществилось), Кюхельбекер писал, что хотел бы распределить гонорар между братом Михаилом и В. А. Дивовым: «...может быть, останется еще что-нибудь и для Дивова, в котором мой добрый брат принимает такое участие и которого так горячо поручил мне в последний раз, когда мы виделись. Это был очень печальный день — 13-го июля 1826 года; когда Михаил узнал, что наша судьба, моя и Дивова, почти одна и та же, ему пришло на мысль, что, быть может, мы будем в одном месте и, не надеясь более меня увидеть, он взял за руку Дивова и подвел ко мне, говоря: „Вот тебе брат!“ — Милый, добрый брат! Он знал, как мне нужна, как необходима чья-нибудь любовь: его желание не исполнилось, мне суждено быть одиноким и любить близ себя только птиц, которых я кормлю на своем окне, да дерево, которое я вижу из моей тюрьмы. Но я никогда не забуду его завета и от всего сердца желаю быть чем-нибудь полезным тому, кого он считал способным заменить себя при мне» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XLV—XLVI).

⁵ Речь идет о Грибоедове.

22. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 21 августа 1834 г.

Милая Наташа.

Твои именины опять близко. С наслаждением вспоминаю о расположении духа, в каком писал к тебе в этот день или около этого дня прошлого году ¹. И теперь не могу жаловаться: я здоров и весел. Только, к несчастью, с марта месяца живу совершенно физически: сочинять я не в состоянии, хотя почти нет недели, чтоб не зарождался в душе моей какой-нибудь новый предмет ². Летом я совершенно теряю механическую легкость составлять стихи: все меня развлекает; все мне надоедает очень скоро, прилежания ни на грош. Но не об этом дело.

Матушка мне пишет, что вы, все шестеро, были вместе... Как же должна была наслаждаться ваша маменька! Надеюсь, что и в твои именины будет то же: уведошь меня об этом.

В этом месяце я вспоминал вас чаще, чем обыкновенно, хотя и в обыкновенное время верно нет дня, в который не вспомнил бы вас два, три раза. Но в июле, во 1-х, двенадцатое число — день для меня лично примечательный ³, потом день рождения вашей маменьки и день твоего рождения, наконец, именины Бориса. Зато и писал я к вам довольно часто. Вот моя корреспонденция: 12 и 13 — к Борису, к Юстине Карловне и к тебе, при том была посылка на имя Бориса; 19 — к матушке и Борису; потом в последних числах — к матушке, брату, Юстине Карловне, Дмитрию, Саше и Тиненьке. Итого три пакета, а писем одиннадцать ⁴.

Если будет досужно, уведошь меня, получили ли вы эти письма, а если не все, то какие? <...> Видаетесь ли с Прасковьей Николаевной? ⁵ Где она проводит нынешнее лето? Неужто в городе?

Ученый секретарь Академии наук Г. С. Сиверс

успокоивъ Високоуважаемаго
Князя въ дѣлѣ о немъ
и

Лист последний с подписью и печатью коменданта крепости
Исторический музей, Москва

Не пеняй на меня, что я опять взвалил на тебя обузу поручений, но, друг мой Наташа, пока сестра Julie странствует за горами, за морями, в тридевятom царстве, в тридесyatom государстве⁶, прошy тебя заступитъ мне ее место. Как наш Борис принялъ меня под опеку в отношеhи к финансам, так прошy тебя принять меня на свое попечение касательно известий, уведомлений, справок. Сверх того, женщины меня всегда лучше понимали, нежели мужчины (отзыв обо мне Юстины Васильевны⁷ никогда не забуду): мне нужно, необходимо иногда кое-что высказать, что не годится ни для матушки, потому что может опечалить ее, ни для братьев твоих, потому что — но сама дополни это *потому что*, ни для моего брата, ибо было бы бессовестно прибавлять еще к бремени, которое и без того его отягощает. Итак, остаeтся вы, т. е. ваша матушка, тетушка⁸, ты, Саша и Тиненька. Последние две слишком молоды, тетушки здесь нет, к Юстине Карловне я привык писать по-немецки, а если вдруг стану писать по-русски, наша старушка⁹ бог весть что подумает. Ты видишь, что по необходимости тебя выбираю в свои духовники, в свои поверенные. Знаю, что подчас наведу на тебя скуку, а подчас, может быть, и досаду. Но без твоего согласия я и не решусь надоедать тебе. Жду твоего позволения, которое, впрочем, надеюсь, не употреблю во зло. Целую твои ручки. Поклон мой братцам и сестрицам.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Это письмо не дошло до нас.

² Начиная с марта 1834 г., после того как была закончена поэма «Сирота», Кюхельбекер был занят следующими начинаниями: 16 мая он вернулся к замыслу поэмы «Агасфер» (который «ожил в одежде драматической мистерии»); 14 июня начал писать роман (в прозе); 22 июня написал хор к драме «Архилох»; с 26 июня по середину июля переправлял незаконченную драматическую сказку «Иван, купецкий сын»; 4 августа начал писать трагедию «Дмитрий Самозванец» (другое заглавие: «Григорий Отрепьев»), но вскоре же оставил этот замысел; 10 августа приступил к переводу трагедии Шекспира «Венецианский купец» (см. прим. 4 к письму № 23).

³ 12 июля — годовщина объявления Кюхельбекеру приговора.

⁴ Ни одно из этих писем до нас не дошло.

⁵ П. Н. Ахвердова (см. о ней прим. 12 к письму № 19).

⁶ См. прим. 2 к письму № 17.

⁷ Юсти́на Васи́льевна — Усти́нья Васи́льевна Козлова (ум. в 1897 г.), урожд. Зиновьева; близкий друг Кюхельбекеров и Глинок.

⁸ Тетушка — Ю. К. Кюхельбекер

⁹ Мать Кюхельбекера.

23. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 27 августа 1834 г.

Любезная сестрица,

Твое милое письмо от 11-го доставило мне очень радостную минуту как по содержанию, так и по той манере, в какой ты мне сообщаешь все хорошие новости. В твоих талантах я не сомневался; что же касается анонимности, то будет трудно ее сохранить¹. Тебе надо бы придумать себе имя, которое могло бы быть принято за настоящее именно публикой. Друзья твои пусть уж угадают, что ты скрылась под этой фирмой. Тебя зовут не только Юстина, но и Софья²; поэтому мой совет — вещицы, которые ты хотела бы издать, печатать под следующим именем: *Софья Авинорская**; вымышленная фамилия *Авинорская*** даже не была бы

* Софья Авинорская — по-русски.

** Авинорская — по-русски.

неправдой. Не была ли ты до замужества Авинорской * барышней? Ведь это же действительно было наименование, под которым тебя больше всего знали наши мужики, — я разумею русских из деревни Логузен, — и другие русские, бывавшие иногда в Авинорме. — Итак, для чужих это имя было бы совсем незнакомым, и они могли бы его принять за настоящее; твоим же друзьям и тебе самой напоминало бы твою молодость.

Я охотно буду сообщать вам в письмах отрывки из моих работ; я только опасаясь, что если они будут слишком длинны, они могут повредить самим письмам.

A propos de lettres **: получил ли Борис по крайней мере то письмо, к которому была приложена рукопись? ³ Получил ли он еще другое письмо от меня, датированное 19-м июля, днем твоего рождения? Во втором, в котором я благодарю за письма, было приложено маленькое письмецо для маменьки. Это письмецо мне особенно важно, так как в нем шла речь о тебе. Прошу меня обо всем этом уведомить <...>

Что мне писать о себе, дорогая, добрая сестрица? У меня все идет по-старому; однако, слава богу, я в течение всего лета был неизменно здоров; настроение мое также было значительно лучше, чем прошлым летом, хотя я и на этот раз в хорошие дни не мог работать. С моей стороны было бы, однако, в высшей степени неблагодарным по отношению к божьему провидению, если бы я за это время стал впадать в уныние: ведь и мне выпало на долю в эти месяцы много прекрасного и хорошего. Не знаю, что дальше бог пошлет, многое могу я пожелать, да и признаюсь откровенно, что многого и желаю, однако я день ото дня все больше убеждаюсь, что если мои желания не исполняются, то это к моему благу.

Так как в моем положении и мелочи имеют значение, уведомляю тебя, что я завел себе кошку; это очень любопытный зверек; букву *a* в слове *также* в четвертой строчке снизу смазал мой котенок лапкой; теперь он сидит у меня на шее, минутку назад он сидел у меня на левой руке. Но не хочу терять времени, сообщая тебе эти ребячества.

Теперь я перевожу «Венецианского купца»: делаю я это, чтобы овладеть драматическим белым стихом; надо надеяться, что зимой мне это понадобится ⁴. Но, вместе с тем, я испытываю большое наслаждение при этом переводе: стиль великолепен, мне кажется, что Шекспир не написал ни одной вещи, которую в отношении стиля, образов, красоты формы можно было бы сравнить с «Венецианским купцом»; правда, содержание его — простая новелла, но все же очень привлекательная. Прошу Дмитрия позволить мне, когда я окончу перевод, сообщить ему те стихи оригинала, которые я не вполне пойму. У меня Шекспир в издании Теобальда, которое хоть и очень хорошо, но почти столетней давности. С тех пор появились лучшие с более обстоятельными примечаниями и толкованиями. Поэтому-то я и попрошу Дмитрия по этим изданиям или по его собственному соображению пояснить мне то, что не совсем ясно будет. Я желал бы, чтобы твои сыновья, особенно Николай, заранее считали мой перевод им посвященным: отношение Антонио к Бассанио приблизительно такое, какое я желал бы видеть между молодыми людьми, если б только это могло быть достигнуто пожеланиями. На этот раз не пишу маменьке; поэтому прошу тебя поцеловать ей от меня руки. Целую и твои и остаюсь

твой Вильгельм

¹ Ю. К. Глинка, очевидно, собиралась анонимно опубликовать в печати какие-то свои литературные произведения. Они нам не известны.

² Ю. К. Глинка была наречена двойным именем: Юстина-Софья.

* Авинорской — по-русски.

** По поводу писем (франц.).

³ Очевидно, речь идет о письме № 12.

⁴ Трагедию Шекспира «Венецианский купец» Кюхельбекер начал переводить 10 августа (25 августа был закончен перевод I действия; 30 августа — 1-го явления II действия). Вскоре, в октябре — ноябре, Кюхельбекер написал «драматическим белым стихом» (пятистопным ямбом) большую пятиактную трагедию «Прокофий Ляпунов».

24. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 27 августа 1834 г.

Любезная Наташа.

Благодарю за милое письмецо твое, особенно за подробности о братце твоём, Дмитрие Григорьевиче. В Графской Славянке¹ случилось мне прогуливаться в бытность мою в Лидее; тогда, в 12 или 13 годах, жил там старик Самборский², тесть нашего директора; спроси о нем бабушку; покойник в своем роде человек был примечательный.

Не отлагая далее, замечу тебе следующее³: «вот уже целый месяц, что брат etc.», лучше: *«как»*; «я боялась найти в нем большой перемены» — *бояться чего* — правильно и должно так говорить, напр<имер>, «боюсь перемены»; но в твоей фразе слово *перемена* зависит уж не от глагола *боялась*, а от другого глагола — *найти*, который требует не родительного, а винительного падежа; итак, должно быть: «боялась найти *большую перемену*». Следует потом: «он был бы нам чужд после *трехлетнего* (у тебя *трех-летнего*) отсутствия»; *бы* при глаголе личном составляет наш *conjonctif*, наш *conditionnel*, а из французской грамматики ты знаешь, что эти два залога не могут стоять независимо, как тут у тебя стоит эта фраза, которая совершенно непонятна, если не подразумевать тут слов: «в таком случае» или что-нибудь подобное, чем бы она связывалась с предыдущею. Сверх того: *чужд* в письменном слогe не годится, лучше: *чужой*.

Благодарю тебя за лестный отзыв о моей пьесе *Надежда*⁴. Твоя маменька желает, чтоб я время от времени в письмах своих сообщал вам отрывки более значительные, чем доселе. Вот почему ныне получаешь несколько строф начальных из моей небольшой поэмы: *Семь спящих отроков*. Она у меня ныне выправлена. Если понравится тебе начало, сообщу и продолжение. Предварительно несколько слов объяснительных.

В первой строфе говорится о междоусобиях, которые раздирали империю римскую, начиная с смерти Комода до Деоклетиана. Преторийская когорта, а потом и легионы буйствовали самым ужасным образом; так, напр<имер>, по убиении Пертинакса первые продали с молотка багряницу Августов. Наконец незадолго до Септима Северия пятьдесят полководцев в разных областях в одно и то же время вздумали домогаться престола; они известны в римской истории под названием пятидесяти тиранов. С ними собственно не должно бы было смешивать честолюбцев, предшествовавших восстановлению единодержавия Деоклетианом, но как Деоклетиан совершил то же, что в свое время Северий, и застал римский мир в тех же обстоятельствах, — я полагал позволительным назвать хищников, от коих очистил Деоклетиан империю, так, как назывались подобные им хищники во время Северия.

Деокл — то же, что Деоклетиан; так назывался он, будучи еще простолудином. Впрочем, справься об этом в Crevier, Histoire de l'Empire Romain⁵ и напиши мне, не ошибся ли я? Когда пишешь только на память, легко ошибиться, особенно в именах собственных; знаю, что у него было еще третье имя, но его, кажется, носил он, начиная уже возвышаться, будучи уже предводителем войск. Справься об этом и уведомя меня. — Если нет у вас Crevier, так есть же Goldsmith⁶ <...>

Тут пока довольно; ты видишь: это одно вступление. Если пожелаешь прочесть продолжение, уведомя. Не считаю нужным напомнить тебе, что

квириты то же, что римляне; что орлам и знаменам римляне приносили жертвы etc. Все это ты, верно, теперь лучше меня знаешь и помнишь.

Ныне уж 28-е; письмо это начато 27-го, — итак, на другой день после твоих именин. Хотя я тебя уж поздравлял с ними, однако повторяю еще раз желания тебе всякого счастья. Благодарю за письмо сестры Julie; оно здесь следует обратно. Навряд ли тебе, да и другим, строфы, которые я выше переписал, придут по вкусу; но повторяю, это только начало; хороши же они разве в одном механическом отношении. Язык и версификация в них — это я сам чувствую — не дурны.

Прощай, моя милая Наташа! Поклон мой всем твоим сестрицам и братцам. Быть может, напишу еще несколько строк к Саше, но едва ли успею: теперь 11-й час, а в первом хочу отослать свой пакет, надобно же еще написать письмо к брату и длинное.

Целую твои ручки.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Графская Славянка — местность под Петербургом, недалеко от Царского села.

² Андрей Афанасьевич Самборский (1733—1815) — священник, видный церковный деятель, законоучитель и духовник в. к. Александра Павловича. На дочери Самборского был женат первый директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский.

³ Дальнейший текст — грамматические замечания на письмо Нат. Г. Глинки; Кюхельбекер делал такого рода замечания на письма племянниц, по просьбе их матери, в педагогических целях.

⁴ Большое стихотворение «Надежда» было впервые напечатано в Избранных стихотворениях Кюхельбекера. Шо-де-Фон, 1880, стр. 72—78.

⁵ Речь идет о труде Crevier «Histoire des Empereurs Romains depuis Auguste jusqu'à Constantin» (12 томов, 1749—1755).

⁶ Имеется в виду учебное пособие: Goldsmith. Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à l'empire romain en Occident (франц. изд. 1805 г.).

Далее следует текст первых пятнадцати строф из поэмы «Семь спящих отроков» (1833). В дальнейшем Кюхельбекер возвращался к поэме (в сентябре 1834 г., осенью 1835 г.) для окончательной обработки (сюжет поэмы — гонения на христиан в Риме в IV в., при императоре Диоклетиане). Текст, сообщенный Кюхельбекером в данном письме, несколько отличается от окончательной редакции (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 416—446); наиболее значительное отличие — 11-я строфа, отсутствующая в окончательном тексте:

Дубравы обладатель благородный
Не губит робкой лани без нужды;
Что пользы? Среди тьмы в степи бесплодной
В песке чакал обрел его следы
И крадется за ним, всегда голодный.
Бессильных страшный лев не растерзал;
Но мерзостный ли пощадит чакал?

25. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 25 сентября 1834 г.

Любезная сестрица,

желаю тебе к завтрашнему празднику ¹ радости, веселья и не слишком много гостей, однако все же, если возможно, Натали, Эмилию ² и Юстину Козлову ³. Все, что я настроился сказать вам к этому дню, я уже высказал в письмах к магушке и Тивеньке. При распределении ты немножко обойдена: прошедшее и будущее, естественно, поэтичнее, нежели настоящее, а на твою долю последнее и пришлось. Но сколько бы ни любить все поэтичное, счастливое — настоящее, хоть и прозаичное, должно все же предпочесть всей возможной поэзии. Это я говорю вообще и вовсе этим не хочу сказать, что твое (а может быть и мое) настоящее совсем прозаично. Светотень поэзии оно, правда, приобретет не ранее, чем оно перестанет быть настоящим. Так как твое настоящее, или, лучше сказать, твоя

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫСЛЪ,
НОСТІ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

ТОМЪ ДВѢНАЦАТЫИ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавецъ *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОДВЪЯ ПЛОЩАДЬ СЪ СТОЛЪМЪ

1835

1835

«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» 1835 г. № 12. ЗДЕСЬ, ЗА ПОДПИСЬЮ: В. ГАРШИНКО, БЫЛА НАПЕЧАТАНА БАЛЛАДА КЮХЕЛЬБЕКЕРА «КУДЕЯРЪ», НАПИСАННАЯ ПОЭТОМЪ ВЪ СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ Титульный листъ книги и страницы съ началомъ и концомъ стихотворения

При всѣхъ бѣдахъ, исполнень упований,
Предъ Богомъ лозъ не гнушась;
И инединожды рогатая
Изъ устъ своихъ не изливашъ.

Услышавъ вѣдѣкъ страдальцы три друга
О люлости постигшихъ старца каръ,
Пришли къ нему, и каждый изъ округа
Роднаго своего, — изъ Минен Свѣтъ,

Евѣзъ же възъ Османа,
Вардѣ изъ области Суаха, —
Единодушные, желалъ одного, —
Утѣшить друга своего.

Увидѣвъ издали и не познавъ его,
* Они возопили,
И горько зарыдали,
И каждый рину растерзавъ,
И голозу землей, рыдая, пощипавъ.

Возвѣвъ почтѣвъ они балъзъ Йона, сидѣли
Семь дней и семь ночей,
Не заводя съ нѣмъ ни какихъ рѣчей,
За глѣвъ, что лютость мукъ, мукъ злыиныхъ, ясно зрѣли.

В. ГАРШИНКА.

КУДЕЯРЪ.

БЯЗАНСКОЕ ПРѢДАНИЕ.

Надъ зеркаломъ Истанъ, реки тихоструйной,
Не спящий, буганный шеломъ
Блеститъ на головѣхъ храброй и буйной, —
Надъ ринкой кружится дождь:

Тотъ дождь не жилѣ ли тѣна Истома?
Что полная чаша — тѣна хороми,
А нѣтъ — что море, кругомъ.

Упелъ, убжалъ, окаянный. Но кѣра
Ужамъ его не найдеть?

Спасетъ ли изъ Божихъ рукъ Кудера
Быстрѣйшій ораній полетъ?
Срываетъ его загра, когда не сегодня,
Срываетъ душгуба десница Господня
Проклятаго бездна пожретъ.

В. ГАРШИНКО.

ШЕКСНИРЪ.

СОНЕТЪ.

Не знаешь ты свѣщенныхъ упоений,
Коль никогда молся не рыдать;
Не знаешь ты блаженства вдохновенія,
Когда тебѣ Шекспиръ не вдохновлялъ!

Надъ бездной аскою пармь поэта теиъ,
И дольний мѣръ безстрастно изучалъ, —
И въ часъ таинственный высокии отворений
Мѣръ цѣлый изъ души и сердца измѣналъ.

Мѣръ внутренній и вѣтшій отказался
Въ его созиданіяхъ, какъ въ морѣ — чебоскомъ,
И отблескомъ души всемирной оарился,

Какъ въ древности торжественный Сона.
Потѣтъ, о человекъ, поэза поклоненья:
Въ немъ проливился Богъ небесный въ дождьномъ.

А. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ

настоящая судьба счастлива, то молю бога, чтобы вокруг тебя долго, очень долго, если б это было возможно — всегда, было столь же прозаично, как теперь. *Шутки мои глупы, но, ей-богу, мне не до шуток; а это пишется для старушки: письма мои к Наташе и к Саше, собственно, писаны к тебе. Извини, что в самые именины огорчаю тебя, но мне необходимо было высказать душу *. Я на этот раз почти всем вам написал, кроме нашего милого Бориса; и он получил бы от меня длинное послание, если бы я не был уже утомлен. Следующий раз я ему, однако, наверное напишу и одновременно Юленьке. Ему, без сомнения, не будет неприятно, если я его в этом случае с ней свяжу, если я в один день о них обоих буду думать и обоими заниматься. Между тем прошу тебя его обнять. Дай мне весточку о кузене Поле: где он? что? в каком положении? Своего Дмитрия ты опять проводила в дальние края. Да оградит его господь, где бы он ни был, и да сохранит ему чистое сердце и горячую душу! Я мало писал ему: лишь два коротеньких письма; но, право, я не мог иначе: останься он дольше, *мы бы разговорились*, как прежде. Будешь писать ему, попроси его уделить и мне самый маленький уголок в его памяти. Совсем темно; настоящая сентябрьская погода. Кончаю и целую тебе руки.

Твой Вильгельм

¹ Именины Ю. К. Глинки.

² Сестры Брейткопф.

³ См. прим. 7 к письму № 22.

26. А. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 25 сентября 1834 г.

Милая Саша.

Благодарю за твое отрадное письмо от 5 сентября — да наградит тебя господь, что ты снисходительна к причудам скучного вашего затворника, который уж верно никому так не надоед, как самому себе! — Особенно теперь: я что-то совсем не в своей, как говорится, тарелке; и болен и недоволен ни самим собою, ни жизнью, ни миром; но, даст бог, пройдет и этот припадок хандры — он ныне довольно силен; зато давно его не было; сверх того уж несколько и полетче, по кр<айней> мере здоровье уж поправляется.

Если бы господь бог дал, чтоб я начал своего «Ляпунова» ¹; тогда бы я все на свете забыл и был бы счастлив, здоров и свободен, почти бы в мире мечтаний. Величайшим для меня несчастьем будет, если ныне зимою не буду в состоянии сочинять; уж и при одной мысли об этом усиливается хандра — да мимо идет хоть сия чаша! — Конечно, не имею ручательств за свой талант: иное, что написал я, мне, быть может, и кажется хорошим; но вероятно, что и Тредьяковскому его «Телемахиде» казалась дивным творением гения. Не спорю, что, может быть, и я похож на покойника Василия Кирилловича — Пусть! — все-таки для меня было бы тяжело в настоящем положении не быть рифмачем. Когда сочиняю, мне кажется, что время нейдет, а летит: дни за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами проносятся, а я и не замечаю, словно тот отшельник, о котором рассказывают, будто бы он услышал пение райской птицы, заслушался и не заметил, как между тем прошло сто лет.

Мое письмо к тебе почти продолжение письма к Наташе... Что делать, выскажу разом все, что меня давит, а потом надолго, надеюсь на господя, оставлю вас в покое этими малодушными жалобами. Хоть бы завтрашний день, когда все вы будете радоваться, провести без тоски; авось это и будет: бог милостив! Об одном я только прошу вас: подобных писем не по-

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

казывайте братьям, а то мне перед ними будет стыдно и совестно. Худой я платательщик, милая Саша: твоей дружбе и приветливости плачу всякий почти раз или придирами к тому, другому, третьему, или, что еще того хуже, — красноречием угрюмой хандры. — По кр(айней) мере последнее случается не слишком часто: вот почему прошу извинить меня ².

Целую твои ручки. Наталье и Эмилии Феодоровне ³, также и Прасковье Николаевне ⁴ прошу засвидетельствовать мое почтение, если увидишь их по вашему возвращении в Петербург. Еще раз прощай!

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Вскоре Кюхельбекер приступил к работе над стихотворной трагедией «Прокфий Ляпунов»: 1 октября была написана первая сцена; в дальнейшем Кюхельбекер работал чрезвычайно интенсивно: 21 ноября драма была закончена (пять актов были написаны в 52 дня).

² В тот же день Кюхельбекер записал в дневнике: «...Я этот день провел и физически, и нравственно лучше многих ему предшествовавших. Не жалею я даже, что, так сказать, исповедовался в письмах своих к Наташе и Саше: это было мне необходимо, раз — потому, что не хочу казаться моим милым лучшим, чем я в самом деле, а во-вторых, потому, что считаю подобные признания единственною эпитимиею, какую могу налагать на себя самого».

³ Сестры Брейткопф.

⁴ Ахвердова (см. прим. 12 к письму № 19).

27. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 2 октября 1834 г.

Любезная сестрица,

...Я выздоравливаю; и что очень хорошо — уныние меня совсем покинуло, ибо, слава богу, я опять работаю. Твой сын получит первую сцену «Ляпунова», которую я вчера написал; сегодня у меня уже вторая готова. Если так дальше пойдет (на что, впрочем, не следует не только надеяться, но чего и *желать* нельзя), то это произведение я закончу к новому году ¹. Затем я перепишу его и пришлю в Петербург, — даже если вам не доведется его получить, то естественно мое желание сделать свои работы известными тем, чье милостивое разрешение и заступничество позволило мне посвятить себя занятиям этого рода. В душе у меня как после бури: светло, тихо, ясно. Да подаст мне господь, чтобы силы ко мне опять вернулись <...>

Твое сообщение об отношении Софьи к ее дочери ² действовало на меня удручающе. Если бы я мог не писать тебе, а говорить с тобою, я бы тебе задал вопрос, который ты, быть может, угадаешь и который разъяснил бы мне, по крайней мере, поведение Софьи. Добрая, мягкая Софья не может ненавидеть, и меньше всего свою дочь, не имея на то очень серьезных оснований. Если это так, то не будем этого предмета больше касаться, а предоставим все одному богу и всепримиряющему времени. Если же дело обстоит не так плохо, напиши мне еще раз об этом. Мое положение, моя отшельническая жизнь дают мне некоторые права, которых я без того не имел бы: с божьей помощью я попробовал бы обоим написать; может быть, мне удалось бы прервать раздор и примирить мать с дочерью. Пришли мне, прошу тебя, работы странной девушки; чисто-сердечно говоря, я не большой поклонник писательниц, ни старой Жанлис, ни Каролины Пихлер ³, ни г-жи Сталь, но посмотреть эти вещи я бы хотел. И потом, бывают случаи, когда для женщин и девушек заниматься сочинительством — своего рода утешение. Наши дорогие девочки, то есть твои дочери, ей-богу, надеюсь, не будут нуждаться в этом жалком

утешеньи; мы не должны завидовать тем, чье положение менее счастливо. Целую маменьке и тебе руки, а также ручки моим милым племянникам.

Твой Вильгельм

Nota-bene. * Сделай милость, уговори матушку не присылать мне лишних денег: такая присылка меня бы истинно огорчила *.

¹ Драма «Прокофий Ляпунов» была закончена 21 ноября 1834 г.

² Софья Андреевна — сестра Г. А. Глинки; была замужем за Петром Степановичем Лавровым, псковским помещиком, владельцем поместья Горки, где Кюхельбекер скрывался в течение нескольких дней после бегства из Петербурга 14 декабря. Публикуемые в настоящем томе архивные материалы (стр. 541—546) свидетельствуют, что П. С. Лавров готов был выдать Кюхельбекера полицейским властям. Дочь Лавровой — Любовь Петровна.

³ Каролина Пихлер (1769—1843) — немецкая писательница, автор многочисленных моралистических произведений.

28. Б. Г. и НИК. Г. ГЛИНКАМ

⟨Свеаборг.⟩ 18 окт⟨ября⟩ 1834 г.

Пишу к вам обоим общее письмо, друзья мои сердечные, Борис и Николай, раз — потому, что писать много, а во-вторых, что имею вам сказать почти одно и то же. Статья первая: быю вам челом за «Библиотеку», этот подарок меня очень и очень обрадовал; теперь-то попирую! ¹ Книги получил я вместе с письмами сегодня поутру; итак, судить о них еще не могу; вижу только, что главным редактором будет Николай Иванович Греч... ² Это и хорошо и худо: хорошо относительно исправности издания, грамматики, правописания etc.; худо — в высших отношениях, ибо, если бы Гречу поставить номера, как то ставили вам, когда вы были в пансионе, положив 4 самым высшим, — по сведениям *европейским* поставил бы я ему 2, по всему нужному, чтобы быть хорошим критиком, — 1, а по философии — 0 или даже минус. Конечно, за хорошее поведение, т. е. исправность, получил бы он 3 (однако не 4, а почему — узнаете ниже), а за грамотность — 4. Исправностью Греч может хвастать только в своих собственных статьях или в тех, которые, так сказать, усыновляет, qu'il blanchit **, как то напр⟨имер⟩ в бывалое время случалось с писаниями Булгарина. Всего более будут на него жаловаться в этом отношении стихотворцы: Гречу ничего не стоит превратить любой стих (если этот стих только не Пушкина или Жуковского) в совершенную бессмыслицу, что он между прочим и очень ревностно успел совершить над двумя стихами сказки бедняка Гарпенка ³; а именно про темную дорогу напечатано:

Пусть темна не для Пахома!

Cela ne veut absolument rien dire ***;

я уверен, что у хохла-стиходою было:

Пусть темна!..

Не для Пахома ⁴.

Далее:

Мрак из-за *сосновых* древ ⁵
Раззевает черный зев!

Буде только Гарпенко не гр⟨аф⟩ Дмитрий Иванович Хвостов, надевший на себя для курьезу малороссийский жупан, — не постигаю, как он мог написать: «сосновых древ!» — Cela me passe! ****

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

** который оправдывает (франц.).

*** Это ровно ничего не значит (франц.).

**** Это выше моего понимания! (франц.).

Опись		Серия
Составлена в числе суровых и тонких восточных тканей		
Восточные ткани		
с 19-го 1836		
1. Восточные ткани	1	
2. Восточные ткани	1	
3. Восточные ткани	1	
4. Восточные ткани	1	
5. Восточные ткани	1	
6. Восточные ткани	1	
7. Восточные ткани	1	
8. Восточные ткани	1	
9. Восточные ткани	1	
10. Восточные ткани	2	
11. Восточные ткани	1	
12. Восточные ткани	1	
13. Восточные ткани	1	
14. Восточные ткани	1	
15. Восточные ткани	1	

16. Восточные ткани	1
17. Восточные ткани	3
18. Восточные ткани	1
19. Восточные ткани	1
20. Восточные ткани	1
21. Восточные ткани	1
22. Восточные ткани	1
23. Восточные ткани	1
24. Восточные ткани	1
25. Восточные ткани	1
26. Восточные ткани	1
27. Восточные ткани	1
28. Восточные ткани	1
29. Восточные ткани	1
30. Восточные ткани	1
31. Восточные ткани	1
32. Восточные ткани	1
33. Восточные ткани	1
34. Восточные ткани	1
35. Восточные ткани	1

36. Восточные ткани	1
37. Восточные ткани	1
38. Восточные ткани	1
39. Восточные ткани	1
40. Восточные ткани	1
41. Восточные ткани	1
42. Восточные ткани	1
43. Восточные ткани	1
44. Восточные ткани	1
45. Восточные ткани	1
46. Восточные ткани	1
47. Восточные ткани	1
48. Восточные ткани	1
49. Восточные ткани	1
50. Восточные ткани	1
51. Восточные ткани	1
52. Восточные ткани	1
53. Восточные ткани	1
54. Восточные ткани	1
55. Восточные ткани	1
56. Восточные ткани	1
57. Восточные ткани	1
58. Восточные ткани	1
59. Восточные ткани	1
60. Восточные ткани	1
61. Восточные ткани	1
62. Восточные ткани	1
63. Восточные ткани	1
64. Восточные ткани	1
65. Восточные ткани	1
66. Восточные ткани	1
67. Восточные ткани	1
68. Восточные ткани	1
69. Восточные ткани	1
70. Восточные ткани	1
71. Восточные ткани	1
72. Восточные ткани	1
73. Восточные ткани	1
74. Восточные ткани	1
75. Восточные ткани	1
76. Восточные ткани	1
77. Восточные ткани	1
78. Восточные ткани	1
79. Восточные ткани	1
80. Восточные ткани	1
81. Восточные ткани	1
82. Восточные ткани	1
83. Восточные ткани	1
84. Восточные ткани	1
85. Восточные ткани	1
86. Восточные ткани	1
87. Восточные ткани	1
88. Восточные ткани	1
89. Восточные ткани	1
90. Восточные ткани	1
91. Восточные ткани	1
92. Восточные ткани	1
93. Восточные ткани	1
94. Восточные ткани	1
95. Восточные ткани	1
96. Восточные ткани	1
97. Восточные ткани	1
98. Восточные ткани	1
99. Восточные ткани	1
100. Восточные ткани	1

ОПИСЬ КНИГ, НАХОДИВШИХСЯ У КЮХЕЛЬБЕКЕРА В СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ. СОСТАВЛЕНА 14 АПРЕЛЯ 1836 Г.

В описи, включены лишь книги, не взятые Кюхельбекером при выходе из крепости

Центральный исторический архив, Москва

Тут чуть ли не благонамеренная поправка премудрого редактора. Но как это не до меня касается — так, пожалуй, и трава не расти! — впрочем, все-таки скажу, что Греча по исправности должно предпочесть и Полевому, и Одоевскому, и Воейкову, и Булгарину: он, правда, не всегда исправен, но они почти всегда неисправны. К этим *они* можете, пожалуй, причислить и своего дядю, отставного журналиста, который грешил не по незнанию, а потому, что полагался в чужих, подчас и в своих статьях, на Володю. Володя же не путем проказил⁶. Бог с ним! да простит ему и мне грехи наши госпожа публика!

Успел я прочесть, кроме «Пахома», — «Гусара» Пушкина. Что скажете? По моему мнению, журналисты с ума сходили, когда было начали нас уверять, будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гётевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них.

Из эпитафии Гнедичу — вижу, что он умер. Жаль. Покойник был в полном смысле человек, каких у нас очень, очень мало: ученый и литератор истинно европейский, в то же время не без поэтического дара, хотя и не творческого⁷; русский язык знал он превосходно, а это на Руси — *cosa rara!* * Мы были с ним когда-то друзья, и друзья, как говорится, закадышные! Потом... *No de mortuis nihil nisi bene!* **

Борис от меня требует стихов; спасибо, любезный друг! Такое требование всегда приятно нашей братье — рифмачам; не требуй от скряги денег, не требуй молчаливости от болтуна, ни воздержанности от пьяницы; но от стихотворца, как бы он ни жеманился, смело требуй стихов; он всегда этим останется доволен, хотя порою — временем, быть может, и откажет.

И я, мой друг, начну с отказа: мелких пьес, право, нет, но зато перепишу для вас кое-что из «Ляпунова»; я его начал 1 октября, а теперь пишу уже второй акт; если дело пойдет далее, как шло доселе, «Прокофий» мой будет к новому году совсем готов⁸. Да, чтоб не забыть! — в последнем письме к Борису Григорьевичу есть уже отрывок из моегоopus, и тут Ольга названа наложницей Ляпунова; прошу это переменить и поставить вместо *наложница* — жена.

Теперь несколько слов предварительных: Захарья Ляпунов был схвачен в Москве Гонсевским, но успел освободиться и, в сопровождении бывшего пута царя Василья Шуйского, является в конце 1<-го> акта в стан земских полков под Москвою; о своем товарище он говорит: «прежний пут царя Василья».

<Следует сцена из «Прокофия Ляпунова» от слов: «Теперь же полоумный и блажной» до слов: «Признателен мошеник; песню в честь мне успел сложить».>

Эта песня пропета Шутом выше. Во втором действии Прокофий с Захарью и боярином Ив. Никитичем Салтыковым *** у себя в важном совещании о государственных делах: вдруг входит Ольга, жена Прокофья.

<Следует сцена от слов Ольги: «Вошла я не спросясь, и занят ты» до слов: «Холопы сдернут шапочку с тебя».>

Окончание письма утрачено. Небольшой отрывок из приведенной части письма напечатан в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 114.

* редкий случай (итал.).

** о мертвых ничего <не говорят> или хорошо (лат.).

*** Этого Салтыкова не сбивайте с старым изменником Мих. Глебовичем Салтыковым, ни с его сыном Иваном же. — *Прим. Кюхельбекера.*

¹ Кюхельбекер получил от племянника Б. Г. Глинки первые томы нового журнала «Библиотека для чтения». Начиная с 19 октября 1834 г. и до середины 1835 г. дневник Кюхельбекера заполнен записями впечатлений от прочитанного в «Библиотеке» (среди прочитанного: «Гусар», «Пиковая дама» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина, повести В. Ф. Одоевского, О. И. Сенковского, В. И. Даля, А. А. Бестужева-Марлинского, В. А. Ушакова, Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина, драматические произведения Н. В. Кукольника и др.).

² Фактическим редактором «Библиотеки для чтения» был О. И. Сенковский, Н. И. Греч был объявлен его соредактором, но практического участия в руководстве журналом не принимал.

³ Под псевдонимом В. Гарпенко в «Библиотеке для чтения» было напечатано два больших стихотворения Кюхельбекера: «Пахом Степанов» (т. V) и «Два гроба» (т. VII), а в 1835 г. — еще одно: «Кудеяр» (т. XII). Обстоятельства, при которых эти произведения появились в печати, не выяснены, но можно предполагать, что ближайшее отношение к этому имели Пушкин и В. Ф. Одоевский.

⁴ В тексте авторизованной копии: «Пусть темна, не для Пахома!» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 123).

⁵ В тексте авторизованной копии: «Мрак из-за носастых древ...» (там же, стр. 126).

⁶ В. Ф. Одоевский.

⁷ О смерти Н. И. Гнедича Кюхельбекер узнал из «Библиотеки для чтения». В его дневнике под 20 октября 1834 г. записано: «...мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною». Причина и обстоятельства ссоры не выяснены.

⁸ См. прим. 1 к письму № 27.

29. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 19 октября 1834 г.

... Приятно провожу я опять время, которое бежит или, вернее, летит бесконечно быстро; я опять пишу, и пока работа у меня идет успешно. Я даже надеюсь закончить свою трагедию ¹ к новому году; может быть, даже раньше того. Тогда я снова возьмусь за греческий и прочту, наконец, «Илиаду» до конца ². Затем мне до весны еще останется «Венецианский купец», которого я хотел бы все-таки полностью перечесть. Надо надеяться, что тогда уже остающиеся до 12 июля ³ месяца два протекут быстро за чтением, исправлением старых работ и перепиской моего «Ляпунова». А 12 июля мне до срока останется всего лишь шесть лет, то есть столько, сколько я провел в Лицее. Правда, моя нынешняя школа совсем иная, чем Лицей; зато она и может быть с полным правом названа школой издательства...

¹ Т р а г е д и я — «Прокофий Ляпунов».

² Кюхельбекер 9 июня 1831 г. начал читать «Илиаду» в подлиннике; закончил чтение 14 марта 1835 г.

³ 12 и ю л я — годовщина объявления приговора Кюхельбекеру.

30. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 8 ноября 1834 г.

... Здоровье мое опять превосходно. У меня изрядный аппетит; этому нечего удивляться, так как я много хожу, потому что обдумываю стихи. Только спать мало приходится: ложусь поздно, а встаю рано; впрочем, я сплю очень хорошо и крепко с полчаса после обеда и ночью. Да и чувствую я, что короткий сон мне очень полезен. Я опять пью кофе (в прошлом году мне этого нельзя было делать); до сих пор оно мне не повредило, но я тотчас же откажусь от него, как только допишу моего «Ляпунова». Я уже за четвертым актом. В будущем году, любезная матушка, попрошу Вас прислать мне «Одиссею»; с изучением «Илиады» я покончу около пасхи. Жаль мне моих греческих книг! У меня была недурная справочная библиотека: Гомер, Аристофан, три трагика. Все

это в 1825 году осталось в моей квартире, и бог весть, где это теперь! Прошу лишь теперь, то есть к весне, прислать мне одну «Одиссею», ибо получи я больше, остальные, в особенности мой любимец Аристофан, отвлекли бы меня от старого, *верного* Гомера и заставили бы меня *нарушить* ему *верность*. В дальнейшем я Вам также напишу, какое издание я желал бы иметь...

31. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг.〉 13 нояб<ря> 1834 г.

... Как мне приятны ваши письма, ты истинно не поверишь, друг мой любезный Наташа! Теперь вы в начале их прибавляете еще премилые прекрасные виньетки. Эти виньетки уж и сами по себе очень хороши, но мне они особенно дороги, что служат новым доказательством вашего желания доставить удовольствие старому отшельнику; сверх того они меня, так сказать, переносят в Петербург. Впрочем, этого последнего не говорю обо всех, напр<имер>, твоя третья виньетка представляет строение мне вовсе не знакомое; оно, верно, новое. Какое и где?

Благодарю, мой милый друг, за твой лестный отзыв о пьесе, которую назвал я поэтической чепухой, а еще более за доброе мнение об образе мыслей самого автора. Дай бог, чтоб касательно сего образа мыслей ты не ошибалась! Насчет же самой пьесы я с тобою поспорю. Она точно не религиозная, хотя, если угодно, и мистическая¹. Но мистицизм может быть и у скептиков; он (что тебе покажется странным) не раз соединялся даже с совершенным безверием и в философии произвел, слившись с афеизмом, панфеизм Спинозы, который по всей справедливости не может назваться не чем иным, как идеализированным, поэтическим афеизмом. Впрочем, все это не относится к моей пьесе, которая, хотя и не религиозная, но, к счастью, и не антирелигиозная, а просто плод поэтической хандры.

Твой друг

В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Трудно сказать, о каком стихотворении Кюхельбекера идет здесь речь. Под «мистическим» Кюхельбекер подразумевал «чудесное» — сказочную фантастику и веру в «тайнственное», далеко не всегда совпадающие с религиозной мистикой.

Следующее за этим письмом Кюхельбекера к племяннице А. Г. Глинке (от того же числа — 13 ноября 1834 г.) опубликовано по автографу из собрания Н. П. Смирнова-Сокольского в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 1008—1010.

32. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 21 декабря 1834 г.

Любезная сестрица,

скажи мне, ради бога, почему вы мне не пишете? давно ведь пора: около двух месяцев сижу я без писем от вас. Я немного пал духом; однако благодарю очень за дружеский подарок, присланный вами. Чай, — о чем прошу сказать маменьке, — был еще не нужен: тот фунт, который я осенью получил, я еще и не начинал.

Котенок мой умер. Откровенно признаюсь тебе, что я целую ночь не спал и два дня не ел; особенно у меня раздиралось сердце в моменты, когда мне приносили пищу: * не с кем делиться! * — И поплакал я; это, конечно, малодушно, но что поделаешь! Самое скверное, что я сам

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

в смерти моего бедного Васьки ** повинен: я не умел с ним обходиться; я хотел, чтоб он меня слушался, как собака, а с этим дело не шло; ему часто поэтому доставались побои. Вечером перед его смертью (он болел уже давно) я как раз писал матушке, и Васенька *** был особенно приветлив со мной: он прыгнул ко мне на колени, но не хотел ничего есть и уснул. Пробило одиннадцать. Я захотел лечь и выпустил его из форточки ****, чтобы быть спокойным ночью (разумеется, я хотел его опять впустить; хотел только перестелить постель). Зверек долго глядел на меня и не трогался с места. Я еще крикнул ему, как будто он мог меня понять: * «Погоди, Васенька, только перестелю постель» *. Когда постель была готова, он был уже за решеткой, откуда я его не мог достать, и на другой день — мертв ¹.

За чай, шоколад и остальное благодарю как дорогую матушку, так и Юленьку от всего сердца. Однако письма были бы мне несравненно приятнее. Твоих милых детей целую и желаю им очень приятных праздников. Бориса я особенно благодарю за журнал ² (* я ему хотел было писать — да на листике, назначенном для него, напишу во второй раз письмо к Julie; первое мое письмо не годится *).

Прости! Порадуйте меня письмами! Прошу вас! Целую маменьке руки; тебе также.

Твой В и л ь г е л ь м

¹ Кюхельбекер записал в дневнике 18 декабря 1834 г.: «Сегодня помер мой котенок. Очень мне понятна скорбь Гофмана о его Муре: я своего Васьки никогда не забуду».

² «Библиотека для чтения».

33. Б. Г. и НИК. Г. ГЛИНКАМ

<Свеаборг. 31 декабря 1834 г.>

... Вот вам подарок к новому году — прочтите эти стихи и Наташе и скажите ей, что в них мистика точно почти религия; но что это не всегда бывает с мистикой, что есть мистика вовсе не религиозная. Я для вас переписал эту пьесу прямо с аспидной доски, то есть я ее только сегодня кончил: вот почему полагаю, что еще многое в ней переменю; между темprenez se premier jet, comme il est *****.

Между тем желаю вам радостно встретить новый год. Если будете писать к братцу Дмитрию Григорьевичу, прошу ему обо мне напомнить. Будет у вас время, так и вы, верно, обо мне вспомните и обрадуете меня строчкой; но я отнюдь вас не тороплю и прошу не считаться со мною письмами; мне делать нечего, а вас судьба наделила и заботами и развлечениями вдоволь. Володе Одоевскому и Соболевскому ¹ желаю, как говорится, с новым годом нового счастья; повторяю слова моего друга Théodore ²: je prie le bon-Dieu, qu'Il leur accorde tout le bonheur qu'Il m'a refusé *****.

Простите; обнимаю и целую вас, — да сохранит вас Христос!

Ваш друг

В. К ю х е л ь б е к е р

* Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.

** Васьки — по-русски.

*** Васенька — по-русски.

**** форточки — по-русски.

***** примите этот первый опыт, каков он есть (франц.).

***** молю бога, чтобы он ниспослал им все то счастье, в котором он мне отказал (франц.).

Скажи, Борис, Одоевскому, что его «Княжна Мими» очень хороша³. Если мое мнение ему важно, — так пусть знает, что это *первое* его сочинение, которым я совершенно доволен: оно не чета пестрым сказкам⁴.

Адресаты письма и дата его установлены по дневнику Кюхельбекера: «Кстати внесу в тетрадь стихи, которые сочинил я в последних числах декабря; я их отправил к племянникам» (запись от 1 января 1835 г.) и по приписке к стихам в письме («М. Переправлено 31 декабря»).

Начало письма не сохранилось. Уцелевшая часть письма начинается отрывком стихотворения «Мое предназначение» (со ст. 41 до конца).

Интересна приписка Кюхельбекера в этом письме к стихам: «М. Еще замечание: у меня два раза употреблено слово *могущий*, а не *могучий*; так и должно быть. Напрасно некоторые новейшие поэты сбивают эти два прилагательные: *могучий* богатырь — тут речь о телесной силе; *могущий* Исраил — тут говорится о силе духовной».

«Мое предназначение» было впервые напечатано в составе дневника Кюхельбекера в «Русской старине», 1884, № 2, стр. 343 (ср. Кюхельбекер, т. I, стр. 157—160). Через несколько дней — 8 января 1835 г. — Кюхельбекер написал «Второй разговор с Исфраилом».

¹ Сергей Александрович Соболевский (1803—1869) — друг Пушкина, в 1818—1820 гг. был учеником Кюхельбекера в Петербургском университетском благородном пансионе.

² T h é o d o g e — вероятно, декабрист Ф. Ф. Вадковский (см. прим. 7 к письму № 46).

³ Кюхельбекер записал в дневнике 20 декабря 1834 г.: «В „Библиотеке“ прочел я три повести; одна из них: „Княжна Мими“ — Одоевского, чрезвычайно хороша; это первое сочинение Володи, которым я доволен».

⁴ «Пестрые сказки» — серия произведений Одоевского, составившая сборник: «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (1833). По поводу «Отрывка из записок Гомозейки» Одоевского, прочитанного в «Библиотеке для чтения», Кюхельбекер записал в дневнике (19 октября 1834 г.): «Одоевского отрывок — отрывок Одоевского, т. е. сочинение человека, который пишет не свое».

34. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

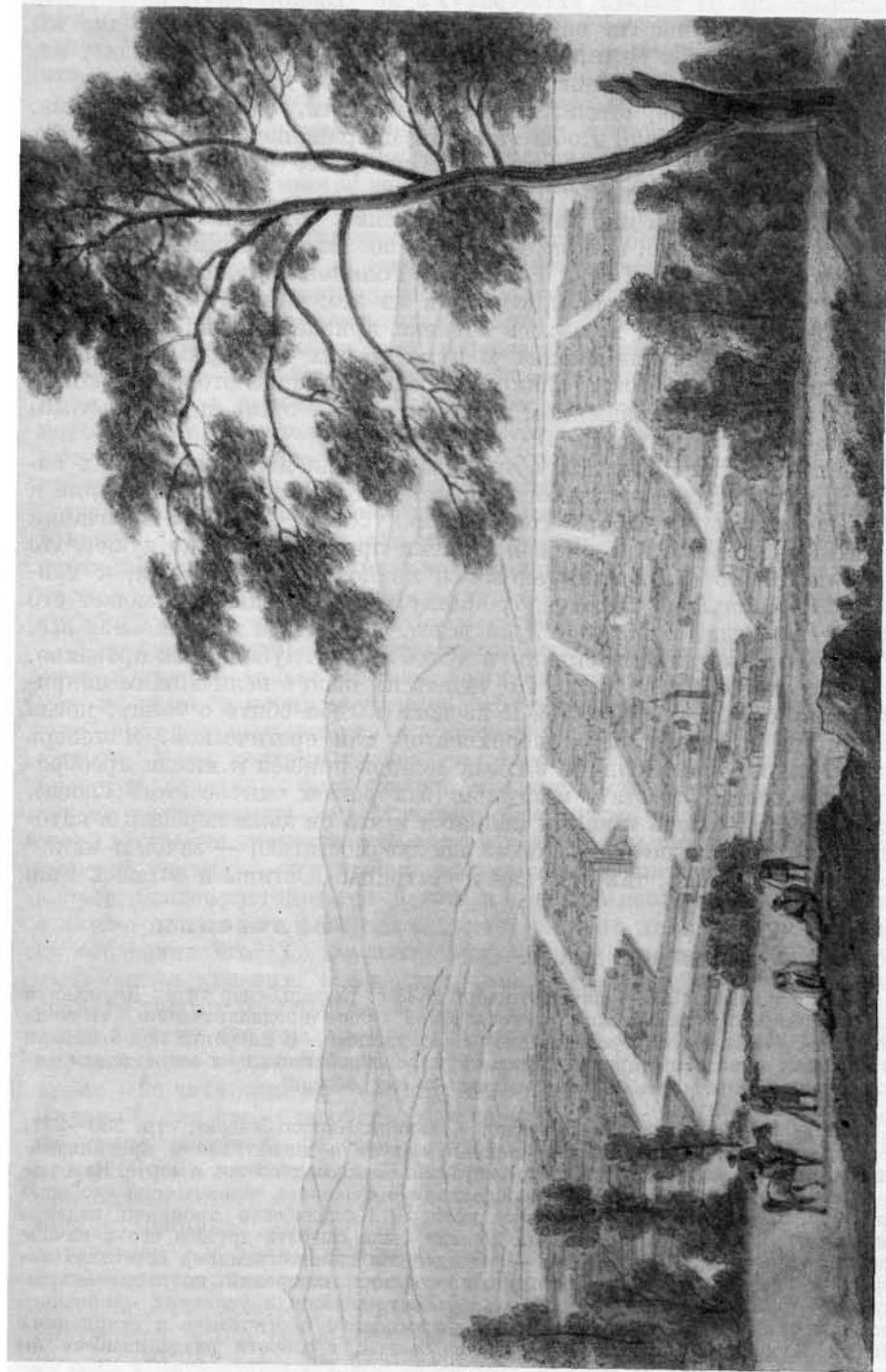
<Свеаборг.> 17 января 1835 г.

Милая, добрая матушка,

это первое письмо, которое я Вам в нынешнем году пишу и, слава богу, я могу Вам сообщить одно лишь хорошее. Я опять занят и поэтому здоров и весел. Работа моя спорится, хотя я и не без страсти ей отдаюсь. Она настраивает меня весело. Я вполне чувствую себя хозяином своего предмета, вполне свободным, я играю своей темой¹. С трагедией² было иначе: эта вещь одолевала меня; она, как будто, удалась, но она меня истощила и изнурила.

Я немножко упрекаю себя, что уже около полугода забрасываю греческий язык, но у меня поистине руки до него не доходят. Давно у меня не было более поэтического периода, чем теперь; едва ли он долго продлится. Главное беречь себя, не слишком напрягаться, чтобы потом опять не впасть в ипохондрию. О том, что мое здоровье теперь действительно хорошо, Вы можете судить по тому, что я теперь обладаю отменным аппетитом. В моем нынешнем настроении я живо чувствую все благодеяния бога, доволен миром и людьми и даже не совсем недоволен собой. Хорошо было бы, однако, если бы это настроение у меня удержалось не только теперь, но если бы я мог перенести его и на то время, которое принадлежит к дням, о которых Соломон говорит: «они мне не правятся». Со временем это мне, быть может, и удастся.

Моя почтовая бумага на исходе: осталось у меня всего шесть маленьких и один большой лист; кроме того, прошу мне также прислать простую серую или синюю бумагу; другая мне не так еще скоро понадобится. Все это я прошу оплатить из моих собственных денег (если они у меня, правда, еще водятся). Далее я хотел бы очень (повторяю, если мои финансы

ТРОИЦЕ-САВОК (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Книгописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

это действительно позволят), чтобы Вы Михаила подписали на какой-нибудь журнал, например на «Телеграф»; это доставило бы ему большое наслаждение. Я назвал *«Телеграф»*, а не «Библиотеку», потому что последнюю сам получаю и, ей-богу, надеюсь, что рано или поздно мы соединимся, так что он ее и так прочтает, правда, немного поздно, но, я думаю, в нашем положении это почти безразлично.

Я послал Юленьке стихи; заставьте их Вам, любезная матушка, перевести; я очень желаю, чтобы они Вам понравились. Что поделывает Юстина Карловна? Наташа писала мне, что у нее ревматические боли в руке; есть ли улучшение?

Прежде я писал Вам иногда о своем чтении. Нынешнее мое чтение не очень привлекательно, но и не очень пресно. Так, например, в данное время я читаю «Деяния Петра Великого» Голикова. Человек этот — не историк и не имеет никаких притязаний на это; однако его неученый, некритический энтузиазм в высшей степени привлекателен; его честная личность, его прямодушие вполне в духе старых мемуарных писаний. Откровенно говоря, я этого Голикова предпочитаю некоторым позднейшим жеманным и приукрашенным и, тем не менее, очень поверхностным так называемым прагматикам³.

Кроме того, я не прочитал, а насквозь изучил два философских сочинения Шеллинга: во-первых, его письма о догматизме и критицизме и его речь об отношении изобразительных искусств к природе. Последняя исключительно хороша и в высшей степени пришлась мне по душе. Что касается писем, то философ остановился на полпути к религии, к христианству и свернул на боковую тропинку, которая едва ли сможет его туда привести, куда только *один путь* ведет. Впрочем, в этих письмах все, вплоть до точки, когда он воскликнул «Стой!», так глубоко, так правдиво, что я ничего похожего не знаю. Но читать их надо с величайшим напряжением умственных способностей и не давать себя сбить с толку, когда форма иногда представляется шероховатой или еретической. Я теперь вполне понимаю, как Шеллинг в конце концов пришел к мысли преобразовать свою систему и стать мистиком (в хорошем смысле этого слова). Известно, что он теперь таковым является и что он даже перешел в католичество; хотя последнее я даже не вполне постигаю, — зачем и как?⁴

Целую Ваши руки, так же как и сестрицы Юстины и остаюсь Ваш

Вильгельм

Конвертов у меня еще шесть.

¹ В конце декабря 1834 — начале января 1835 г. Кюхельбекер читал Державина и сочинил несколько лирических стихотворений («Мое предназначение», «Измена вдохновения», «Оссиан», «Второй разговор с Исраилом»). В дневнике под 6 января 1835 г. читаем: «Спасибо старику Державину! Он подействовал на меня вдохновительно; тремя лирическими стихотворениями я ему обязан».

² «Прокофий Ляпунов».

³ О труде И. И. Голикова см. также: «Дневник Кюхельбекера», стр. 230—231.

⁴ О впечатлениях, связанных с чтением «Писем о догматизме и критицизме» Шеллинга, см.: «Дневник Кюхельбекера», стр. 225. Несколько позже, в марте, Кюхельбекер читал его же «Философские исследования о сущности человеческой свободы» (там же, стр. 230). Интерес к Шеллингу, который Кюхельбекер проявлял издавна (значительную роль в этом отношении должна была сыграть дружба его в начале двадцатых годов с В. Ф. Одоевским — убежденным шеллингианцем), отчетливо характеризует идеалистическую природу философских воззрений поэта-декабриста. Религиозное чувство Кюхельбекера, сильно обострившееся в условиях одиночного крепостного заключения, находило идейно-философское обоснование в сочинениях Шеллинга. Художественные взгляды Кюхельбекера, с юности разделявшееся им понимание искусства как «высокого», «бог вдохновенного» пророчества, в свою очередь, получали известную опору и обоснование в эстетике Шеллинга, который толковал искусство как «внутреннее созерцание» и «божественное откровение». Увлечение религиозно-мистическими идеями Шеллинга свидетельствует о глубоких противоречиях, свойственных мировоззрению Кюхельбекера.

35. НИК. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг.〉 5 марта 1835 г.

Давно, мой друг Николай Григорьевич, я к тебе не писал: последнее мое к тебе послание от 6 декабря; дошло ли оно до тебя или нет, — не ведаю¹. Впрочем, — если оно и не дошло, — беда не большая, потому что в нем кое-что полусправедливое, а кое-что и совершенно ложное.

Дело шло о чтении и — не знаю, почему мне вздумалось утверждать, что чтение редко бывает вредным. Я этот вопрос потом рассматривал со всех сторон и размышления свои сравнивал с собственными опытами! Нет сомнения, что многое зависит от того, *как* и *кто* читает. Для чистого все чисто; но и самые превосходные книги могут быть пагубны, когда поймешь их криво <...> Позволено ли поэту *изобразить* порок? — Между словами *изобразить* и *защитить* — большая разница. *Изобразить* поэт все может и даже должен, иначе он будет односторонним; но представлять порок в привлекательном виде — преступление не перед одною нравственностью, а, к счастью, и перед поэзией; впрочем, я едва ли могу поверить, чтобы, кроме совершенно помешанного, кому могло вздumаться прямо хвалить *грабеж, насилие, пьянство, распутство* etc. Есть други пороки, которые с первого взгляду менее грязны, и есть писатели, которые старались их представить заманчивыми: расслабление нравов семейственных, которые, впрочем, тоже распутство, да только более тонкое, безверие, эгоизм нашли, напр<имер>, защитника в Коцебу. Но поэт ли Коцебу? — Мне кажется, что унижение души, необходимо нужное, чтобы найти эту мерзость прекрасною, совершенно несоместимо с вдохновением, доступным — по-моему — только для души высокой или по кр<айней> мере влюбленной в высокое.

Перейдем к частностям. Позволены ли поэту картины сладострастные? — Этот вопрос довольно сложен: не забудь, что он разрешается только самою поэзией, а не нравоучением; ибо теория, которая свободное искусство покоряет чему-нибудь постороннему, вместе уничтожает самое искусство. Если картина такова, что смущает нас, что возбуждает в нас скотскую похоть, — будь уверен, что тут и самая поэзия улетела: дело поэзии одухотворять вещественную природу, а не подавлять дух веществом. Впрочем, нередко виноват не поэт, а сам читатель: его воображение уже грязно, — вот почему оно марает картину поэта. Не смешон ли вопрос: благопристойная ли нагота в Венере Медицейской? и что скажешь о ханже или фавне, который вздумает разбить дивный истукан, дабы он не соблазнял его? Те же нагие истуканы — *большая* часть сладострастных картин древних. Гомер, напр<имер>, говорит о любви Гелены и Александра так же бесстрастно и спокойно, как о щите Ахиллеса; он говорит о ней, потому что того требует его повесть, а не думает любоваться этою картиною, не мешкает на ней, не старается возбудить в слушателе (в его время еще читателей не было) вожделение. Иное дело новые; напр<имер>, Виланд²; для него сладострастная сцена — находка; он до гадости медлит на самых мелочах, на самых неблагопристойных подробностях. Но, повторяю, поэт ли Виланд? — Впрочем, сладострастные картины и древних не советую читать никому, кто к ним не приступит с намерениями и с душою художника. Другая крайность — антипоэтическая — представлять, напр<имер>, в драме, в романе лицо порочное совершенным дьяволом, променять долг живописца на роль проповедника (говорю *роль*, ибо для поэта проповедовать — только *роль*, сверх того роль не в его характере); разумеется, что и тут поэзию убивают наповал, а вместе с нею и истину, потому что человеческих дьяволов нет, не было и никогда не будет. Представляй, художник, природу, какова она есть; не хвали порочного, но не лишай его и того, что в нем не порок, что в нем прекрасно. Мщеніе самое адское и страшное чудовище, но в душе мстительной есть энергия,

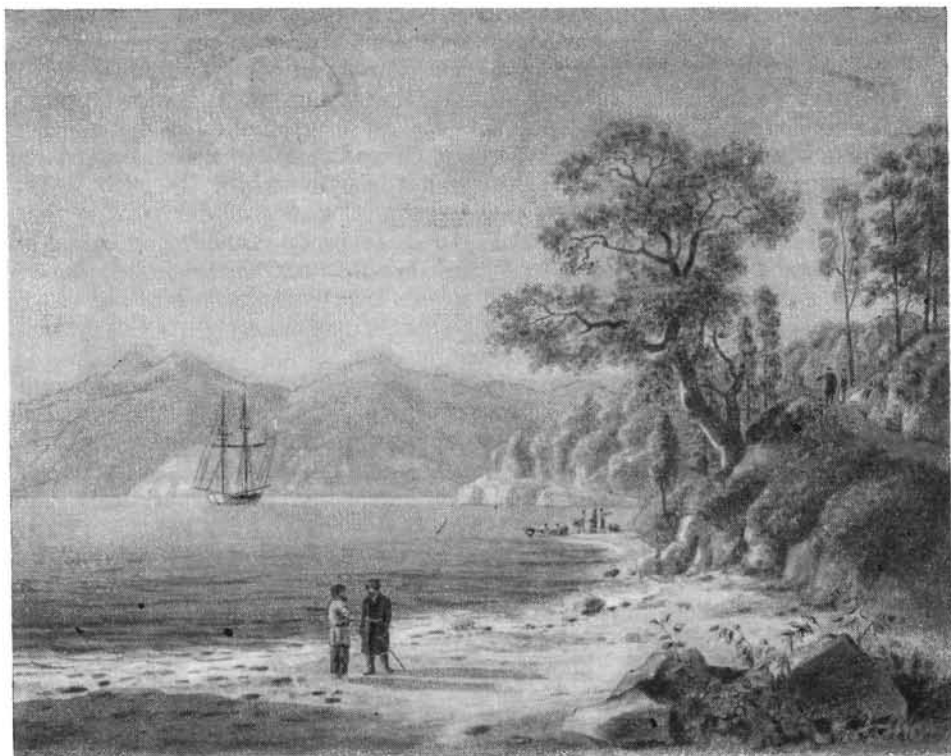
совершенно не зависящая от самой мстительности, хотя мстительность и привита к ней; не лишаи же Маргериты de Valois этой энергии; будь она фурия, но фурия мощная. Нравственность — самое святое дело; но что бы ты сказал о портном, который, не сшив тебе в срок мундира, стал бы говорить тебе: «Николай Григорьевич, не горячитесь! вспыльчивость — порок». Не так ли, — ты бы отвечал ему: «Предоставь моему духовнику читать мне поучения; твое дело — игла, нитки, ножницы». Тот же портной — поэт: его дело — изображать, а не учить. Но польза поэзии? Польза, друг мой, великое слово, если только понять, как должно это слово. Часто поэт полезнее всякого проповедника: не могу поверить, чтобы тот легко стал мерзавцем, кто раз полюбил наслаждения, какие дает нам поэзия, — разумеется, *истинная*. Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее — вот польза поэзии; другой не знаю и не постигаю. Может ли существовать нравоучительная или религиозная поэзия? О первой скажу решительно: нет; где учение — там уж нет поэзии. Поэзия религиозная совсем не то: если она *невольное* излияние чувств, если кто обращается к богу, говорит об истинах религии, потому что иначе не может, — он, без сомнения, — поэт, и в самом высоком значении этого слова. Но очинить перо, разложить бумагу и сказать самому себе: «Напишу-ко я поэму дидактическую, в которой поражу всех противников католической церкви», — в нравственном отношении очень похвально, но вместе очень и не поэтически; а это-то и сделал Louis Racine³. А это-то и забывают очень часто наши Аристархи⁴. Впрочем, бог с ними, с Аристархами: мне их не судить и не переспорить. Судья им тот же Шиллер, на которого они так часто ссылаются; надеюсь, что Шиллера никто не обвинит в намерениях противунравственных; между тем он сильно в своих полемических сочинениях восстает на нравоучительную теорию в поэзии.

Еще вопрос: виноват ли будет твой портной, если мундир, сшитый им для совсем иного употребления, ты наденешь в цели не нравственной, напр<имер>, с тем, чтоб вскружить голову дуручке, на которую эполеты, питье etc. сильно действуют? Виноват ли и поэт, когда глупый школьник или едва вышедший из школы прапорщик читают его нарочно с тем, чтоб найти звуки, стихи и рифмы, в которые могли бы одеть свои нечистые помыслы?

Прошу кланяться от меня Борису. Целую и обнимаю вас обоих.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

Данное письмо представляет значительный интерес, поскольку в нем, в связи с частным вопросом о праве художника изображать порок, Кюхельбекер касается системы своих художественных взглядов (в общей форме эстетические воззрения Кюхельбекера охарактеризованы в предисловии к публикуемой в настоящем томе статье его «Поэзия и проза» — см. стр. 384—385). И в данном случае Кюхельбекер, как всегда, исходит из представления о «высокости» искусства, доказывая, что поэзия должна «возвышать душу» и уводить человека от «суеты ежедневной жизни» в мир высоких и благородных чувств и идей. Кюхельбекер видит «истину» искусства в том, что оно призвано изображать «природу, какова она есть», и считает, что художнику должна быть предоставлена полная свобода изображения жизни, любых явлений действительности. Вместе с тем Кюхельбекер настаивает на полной независимости художника от каких бы то ни было специальных — утилитарных и дидактических — задач, полагая, что они лежат вне истинного искусства. При этом важно подчеркнуть, что Кюхельбекер, подобно всем декабристам, видел в искусстве мощное средство морального воспитания в духе прогрессивных идей. Но «пользу» искусства он усматривал в самом искусстве, в его непосредственно эстетическом воздействии, облагораживающем и возвышающем душу человека, а не в нравоучительном проповедничестве, не в прямолинейном морализировании. Эти мысли Кюхельбекер неоднократно развивал в 30-е и 40-е годы в дневнике, письмах, статьях.

БАЙКАЛ

Акварель А. Е. Мартынова, 1810 г.
Третьяковская галерея, Москва

¹ Письмо Кюхельбекера к Ник. Г. Глинке от 6 декабря 1834 г. до нас не дошло.

² См. прим. 3 к письму № 18.

³ Луи Расин (1692—1763) — незначительный французский поэт, сын Жана Расина; писал главным образом на религиозно-дидактические сюжеты.

⁴ Аристархи — здесь в смысле: строгие, придирчивые литературные судьи (от имени Аристарха — александрийского грамматика II в. до н. э.).

36. Б. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг. 7—15 мая 1835 г.〉

...же касательно платы, предоставляю тебе, мой любезный опекун! При разделе этой платы прошу не забывать следующего: часть — брату, часть — Дивову, а третью — мне ¹; в счет сей последней можешь брать иногда и книги. Еще одно — первое мое произведение, которое отпечатаете (я бы всего более желал, чтобы это был *Зоравель* ²), прошу непременно посвятить генералу Бенкендорфу. Твое благородное сердце поймет меня: Бенкендорфу я обязан счастьем, что могу писать; я хотел бы доказать ему, что чувствую всю важность этого благодеяния ³. И ты же, мой добрый Борис, лично свезешь ему экземпляр, когда это все удастся — не так ли?

О величайшей осторожности, касательно моего имени, уже считаю лишним повторять просьбы свои: ты понимаешь, что мы не должны переступать за границу того, что нам позволено; тем более, что позволено столько! В заключение не могу не благодарить тебя за твое братское участие; верь, что удастся ли, не удастся ли, а это участие для меня дороже

всякой удачи. Оно у меня записано в той книге, которую, как говорит Гамлет, каждый день перечитываю не в памяти, а в сердце.

Касательно № 5 в 1-м отделении ⁴ уведомя меня обстоятельнее, сделай милость; тут не одна собственная польза заставляет меня желать успеха.

Благодарю князя Владимира ⁵ за память: я его никогда не забывал и мне он всегда был дорог. Дай бог ему счастья, но в том смысле, как я понимаю это слово, — счастья внутреннего, душевного.

Ich bitte Sie meinem lieben Boris zu sagen, dass auf der letzten Seite des Werkchens, welches eben gedruckt wird, folgende Anmerkung, als Note des Herausgebers, hinzugesetzt werden möchte *: *Окончание сей второй части заставляет нас полагать, что за нею еще последует третья* ⁶.

О поэме своей «*Основание Отроча монастыря*» скажу, что она у меня à peu-près ** кончена: Саше посылаю эпилог ⁷.

Благодарю тебя, мой друг, что обещаешься хлопотать о моих детищах. Но прошу отложить все старания касательно их до возвращения Александра Сергеевича ⁸: у меня много причин, по которым желаю, чтобы никто не знал даже, что Зоровавель написан мною ⁹. Sapienti sat est ***...; или, если угодно, по французски: à bon entendeur demi mot suffit ****.

Воображаю твое свидание с Соболевским ¹⁰. Как он тебя узнал? Это истинно удивительно: в двенадцать лет не только вы, люди молодые, но и мы, старики, крепко переменялись. Если опять увидишься с Соболевским, расспроси его про Володю Одоевского, а именно: занимается ли он еще науками, или, женившись, совершенно развелся с музами.

Начало письма и, вероятно, конец его утрачены; не хватает, видимо, двух почтовых листов. Написано не рукой Кюхельбекера (очевидно копия, сделанная кем-то для В. Ф. Одоевского). Датируется на основании упоминаний об отъезде Пушкина из Петербурга и о том, что драма «Ижорский» находится в печати.

¹ Речь идет об авторском гонораре Кюхельбекера (см. об этом прим. 4 к письму № 21).

² «Зоровавель» — поэма Кюхельбекера, написанная в 1831 г. Сюжетную основу поэмы составило предание о возвращении иудеев на родину в IV в. до н. э., изложенное в III и IV главах «Книги Эздры» (Библия). В 1836 г. «Зоровавель» был опубликован в составе анонимно изданной книги Кюхельбекера «Русский Декамерон 1831 года, изд. И. Ивановым». В осуществлении этого издания принимал участие Пушкин. Первая попытка опубликовать поэму относится к 1832 г.: 22 июля 1832 г. Кюхельбекер благодарил сестру Юлию Карловну за то, что родные предупредили его желание и передали рукопись Пушкину. «Я очень хочу, чтобы он <«Зоровавель»> был напечатан», — писал Кюхельбекер сестре (К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. L). Тогда же Кюхельбекер записал в дневнике: «Зоровавель мой в руках Пушкина. Хотелось бы мне, чтобы его напечатали» (там же, стр. LV). В другом случае Кюхельбекер назвал поэму «Зоровавель» — «мой любимец» («Дневник Кюхельбекера», стр. 135).

³ Мысль о посвящении поэмы шефу жандармов Бенкендорфу (чего сделано не было) вызывалась, конечно, тактическими соображениями: от Бенкендорфа ближайшим образом зависела судьба литературных произведений Кюхельбекера. Известно, что в 1831 г. Пушкин ходатайствовал перед Бенкендорфом об издании произведений и переводов Кюхельбекера (без указания его имени). Ходатайство это лишь через несколько лет увенчалось частичным успехом: были изданы «Ижорский» и «Русский Декамерон».

⁴ Вероятно, речь идет о списке произведений, которые Кюхельбекер предназначал к опубликованию.

⁵ Князь Владимир — В. Ф. Одоевский.

⁶ Имеется в виду издание «Ижорского» (I и II части), вышедшее в свет (анонимно) в начале мая 1835 г. (ценз. разр. — 10 июня 1833 г.). Кюхельбекер получил

* Я прошу сказать моему дорогому Борису, что на последней странице сочинения, которое печатается, можно было бы добавить следующее замечание, как примечание издателя (нем.).

** приблизительно (франц.).

*** Мудрому довольно (лат.).

**** хорошо понимающему достаточно намек (франц.).

экземпляр книги 12 мая 1835 г.: «Большую радость бог послал мне: мой „Ижорский“ мне прислан, напечатанный» («Дневник Кюхельбекера», стр. 233). Две части мистерий были написаны в 1827—1833 гг., третья часть — только в 1840—1841 гг. Примечание, которым Кюхельбекер просил сопроводить издание 1835 г., в книге не появилось: она в это время уже была отпечатана.

⁷ Поэма «Основание Отроча монастыря» в дальнейшем получила заглавие: «Юрий и Ксения» (в 1835 г. Кюхельбекер еще раз вернулся к обработке поэмы). См. о ней прим. 7 к письму № 10.

⁸ Пушкин 5 мая 1835 г. уехал из Петербурга в Псковскую губ.; вернулся в Петербург 15 мая. Просьба Кюхельбекера еще раз свидетельствует о том, что Пушкин принимал непосредственное участие в издании произведений своего друга.

⁹ Предостережения Кюхельбекера были вызваны отчасти содержанием поэмы «Зоровавель»: развернутая в ней тема возвращения на родину изгнанников приобретала живой, актуальный смысл в связи с судьбой сосланных декабристов. Как раз в 1835 г. многие возлагали необоснованные надежды на якобы предстоящую амнистию декабристов (по истечении десятилетнего срока со дня восстания). Может быть, откликом на такого рода слухи было стихотворение Пушкина «Кто из богов мне возвратил...».

¹⁰ См. прим. 1 к письму № 33.

37. Н. И. ГРЕЧУ

Баргузин. 13 апреля 1836 г.

Милостивый государь
Николай Иванович,

около двадцати лет тому назад я имел честь познакомиться с Вами во время годовичного торжественного чтения в императорской публичной библиотеке. С того вечера до самого несчастного дня, который меня разлучил и с семейством и с родиною и чуть было не отторг и от занятий словесностью и драгоценным мне языком отечественным, — Вы, матушка ваша, супруга, словом *все Ваши* постоянно показывали мне самое дружеское расположение. Вы, почтенный Николай Иванович, были, так сказать, восприемником младенческой (и, вдобавок, во время оно довольно плаксивой) моей музы: первый ее лепет начался в Вашем журнале ¹. Теперь она возмужала, и самолюбие шепчет мне — будто бы стала говорить несколько толковее, чем во время оно. Позвольте же, милостивый государь, предложить Вам: во 1-х, *без платы* кое-какие ее рассказы, а во 2-х, *за плату* участие, и постоянное, статьями в прозе в журнале, который, как то видно из объявления г-на прошлогодичного редактора, — ныне Вы опять сами издаете ². За статьи в прозе прошу Вас, если Вы согласитесь на мое предложение, назначить мне 100 рублей в месяц денегами и на 300 рублей в год книг, курительного табаку (Жукова 2-х рублевого), кофе етс. С своей стороны даю Вам слово, что — *буде только мне позволят*, — Вы каждый месяц станете получать от меня, по крайней мере, по одной, притом довольно обширной статье, содержания или чисто литературного, или критического, или же этнографического, исторического, филологического, будут, может быть, некоторые и *tant soit peu* * философические, — однако, наперед Вам обещаюсь, без кудрявой немецкой терминологии.

Рукопись, которую ныне отправляем к Вам, — не моя, а брата. Он Вам будет писать о ней подробно ³. Покорно прошу Вас уведомить меня, если ее получите; также потрудитесь, милостивый государь, известить меня, согласны ли Вы на мои условия? Как скоро дойдет до меня ответ Ваш (чего, впрочем, ожидаю не прежде пяти месяцев), примусь переписывать статьи, которые у меня готовы: например, о Юморе (Humour), о греческой дигамме, о Мерзлякове, Пушкине, Кукольник, Марлинском и других; из иностранцев: о Шекспире, Шиллере, Гёте, Томсоне, Краббе, Муре, Вальтере Скотте; о некоторых немецких проповедниках ⁴. К тому прибавлю несколько легких статей, вроде той, которую я когда-то

* немного (франц.).

напечатал в «Мнемозине» и назвал, кажется, «Земля безглавцев»⁵. Мои литературные статьи никогда не могут быть полемическими: самое мое положение этого не позволяет; однако, надеюсь, что будут не совсем и скучны.

Прошу покорнейше уведомить меня, как скоро только можете, согласны ли Вы принять мое предложение или нет.

Милостивой государыне Вашей матушке, равно и супруге, прошу засвидетельствовать мое нелицемерное почтение и сердечную преданность. Не считаю нужным уверять Вас, что с этими же чувствами честь имею быть, милостивый государь,

Вашим покорным слугою

В. К ю х е л ь б е к е р

Р. S. Фаддею Венедиктовичу⁶ мой поклон. — Да! брат прочел мое письмо и, заметив в нем пометки, пристал ко мне, чтоб я его переписал, но Вы, кажется, почтеннейший Николай Иванович, Вильгельма Кюхельбекера довольно хорошо знаете, верно от него никогда не ожидали порядочного письма и, увидев эпистолию, чисто и красиво написанную, даже вероятно бы спросили: «Полно — его ли она?». Итак... Упомянул я о своих поэтических (или, по крайней мере, хоть стихотворных) произведениях, порождениях или как Вам угодно будет их назвать. Налицо у меня вот что: 1) около 60 пьес мелких; 2) три отрывка «Вечного жида»; 3) History в 5 действиях «Прок<офий> Ляпунов»; 4) фарс в пяти же <действиях> «Нашла коса на камень»⁷; 5) «Ричард III», весь и 6) два действия «Венецианского купца»; 7) поэма в 6 Canto «Юрий и Ксения»; 8) повесть в пяти главах и разговорах «Сирота»; 9) легенда в двух частях «Семь спящих отроков»; 10) поэмка в трех главах «Зоровавель». Теперь же пишу трагедию «Архилох». Выбирайте.

Письмо было задержано в III Отделении и не вручено адресату.

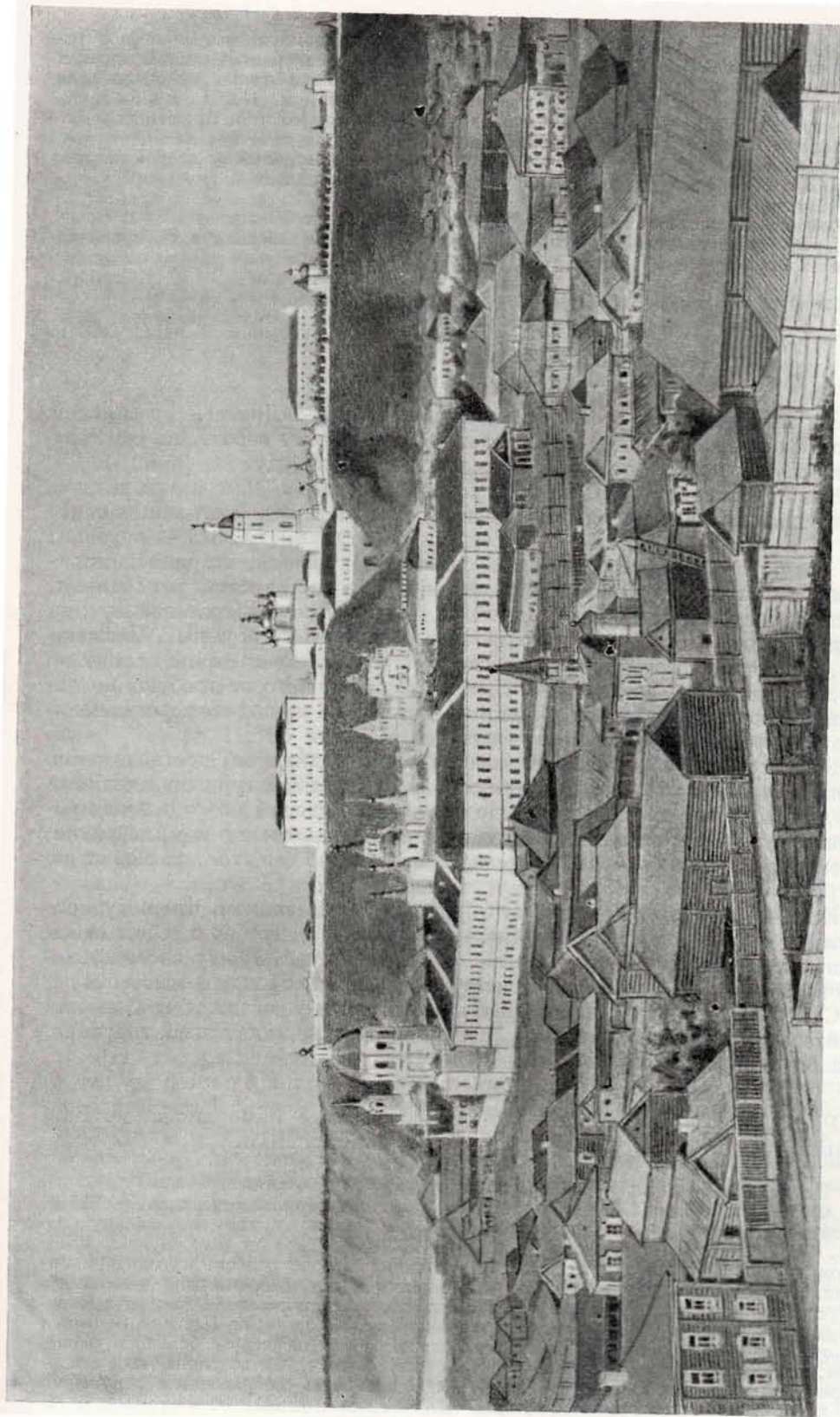
¹ Первое выступление Кюхельбекера в печати было в сентябре 1815 г., в журнале «Амфион», издававшемся А. Ф. Мерзляковым. Но, начиная с лета 1817 г., Кюхельбекер деятельно сотрудничал в издававшемся Н. И. Гречем «Сыне отечества», который был в ту пору прогрессивным журналом, объединявшим многих писателей декабристского направления.

² Имеется в виду «Сын отечества», выходивший в это время под редакцией Греча и Булгарина.

³ В архиве III Отделения сохранилось также письмо М. К. Кюхельбекера к Гречу от 13 апреля 1836 г. М. К. Кюхельбекер предлагал Гречу для его журнала свои статьи этнографического характера: «...живу около десяти лет в Забайкальском крае, и всё, заслуживающее внимания, я, сколько то позволяли мне обстоятельства, старался узнать как можно подробнее. Посылаю Вам образчик моих записок о нашей, как называют здесь эту страну, Даурии; извините: место не русское — чем богат, тем и рад. В прежнем моем положении я гордился бы, если бы что-нибудь из трудов моих нашло место в Вашем издании, — а самое напечатание считал бы достаточным для себя возмездием. Мои обстоятельства переменялись: вот почему и прошу Вас, если статейка Вам понравится, прислать мне за нее, что Вам самим будет угодно. Особенно нынешний год мне деньги необходимы: строю дом, а сохою здесь немного добудешь. — Вторая статья длиннее и потому, что заключает в себе не одни общие статистические данные, но и живой быт народа, кажется, и заманчивее. Ее к Вам отправлю тотчас же по получении от Вас ответа на мое письмо или напечатанного экземпляра краткого очерка, или даже и ранее. Будут и продолжения» (неизд. — ЦГИА, ф. № 109, 1 экз., д. 61, ч. 14, лл. 67—68). Статья, посланная М. К. Кюхельбекером, как и письмо его, не дошла по назначению.

В письме М. К. Кюхельбекера имеется следующая приписка Вильгельма Карловича:

«Р. S. Брат поручил мне извиниться перед Вами в пометках, какие кое-где встретятся Вам в рукописи; эти пометки — поправки. Если случится, что сделаем еще некоторые, — мы их Вам сообщим. Михайло Карлович просит Вас прислать ему десять экземпляров, особенно напечатанных, для раздачи здешним нашим знакомым, — а я, во всяком случае, сойдемся ли мы с Вами или нет, надеюсь, что Вы не откажете мне в пересылке к нам Вашего журнала. — В. К.»

ВИД ТОВОЛЬСКА

Акварель М. С. Знаменского, 1860-1870-е гг.
Исторический музей, Москва

⁴ Из всего перечисленного до нас дошли: статья о юморе (часть большой работы, озаглавленной: «Гора и мышь») и «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира», упомянутые в литературном завещании Кюхельбекера. Рукописи этих произведений находились в собрании Ю. Н. Тынянова (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. LXXVI), — нынешнее местонахождение их не известно. Ср. заметки Кюхельбекера о юморе в его «Дневнике», стр. 40—41.

⁵ «Земля безглазцев» — памфлет Кюхельбекера, напечатанный во второй книжке «Мнемозины» (1824).

⁶ Булгарину.

⁷ Фарс «Нашла коса на камень» был издан анонимно в Москве в 1839 г. (ценз. разр. — 20 января 1839 г.). Это — подражание комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

38. Н. А. ПОЛЕВОМУ

Баргузин. 9 июля 1836 г.

Милостивый государь,
Николай Алексеевич,

из журналов знаю, что Вы издасте продолжение «Древней российской вивлиофики»¹. Вы меня, быть может, забыли, но я, верьте, по сию пору помню Вашу ко мне приязнь, я ее никогда не забуду.

Желая Вам напомнить о себе, препровождаю к Вам приложенную рукопись: она не древняя (список на обороте последней страницы означен 87 годом); но, сколько могу судить об этих предметах, — впрочем, мне очень мало знакомых, — она списана с хорошей, старинной харатейной. Самое содержание мне кажется не без достоинства: это сборник, но систематический, расположенный по дням и месяцам, составленный из нравственных изречений, порою довольно резких и остроумных. Посылка моя, милостивый государь, не совсем подарок: книга-то принадлежит не мне, а здешнему мещанину; он, правда, за нее ничего не требует, но намекнул, что ему приятно бы было иметь часы: итак, пришлите через начальство на мое имя простенькие — рублей в 25 или 30².

Ваш журнал, который я читывал в своем уединении, доставлял мне много и очень много приятных минут. С Вашими литературными мнениями я почти со всеми согласен; что до частных суждений об отдельных сочинениях и их авторах, мы бы, конечно, кое о чем и кое о ком, вероятно, и поспорили, если бы судьба нас свела с Вами, но без этого не может же быть³.

Если получу от Вас ответ, это будет для меня знаком, что могу продолжать с Вами переписку и тогда уведомя Вас подробно о себе и своих занятиях. Милостивой государыне супруге Вашей прошу засвидетельствовать мое усерднейшее почтение, так же и Ксенофонту Алексеевичу⁴.

С нелицемерною преданностью и не ложным уважением к Вам как к литератору, так и к человеку, честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорным слугою.

Вильг(ельм) К ю х е л ь б е к е р

Р. S. Брат мой Михайло, хотя и не знаком с Вами лично, но Ваш большой почитатель; он просит меня кланяться Вам.

Письмо было задержано в III Отделении и не вручено адресату.

С Н. А. Полевым (1796—1846) Кюхельбекер познакомился, очевидно, в 1825 г. и сперва относился к нему критически, о чем можно судить по письму его к В. Ф. Одоевскому (от сентября — октября 1825 г.): «Твое ли дело служить предметом удивления Полевому и подобным филинам? Что за радость щеголять молодыми, незрелыми, неулегшими еще познаниями перед совершенными невежами?» («Русская старина», 1904, № 2, стр. 382). Вероятно, по инициативе Одоевского Полевой был привлечен к участию в альманахе «Мнемозина»: здесь, во II части, появился его очерк «Спутник жизни». Полевой относился к Кюхельбекеру с большим уважением; в 1829 г. он напечатал в «Московском телеграфе» (ч. XI) вольнолюбивое стихотворение Кюхельбекера «Ницца» (1821) — по цензурным соображениям с купюрой и с измененным заглавием («К Гёте»).

¹ «Древняя российская виблиофика» — сборник исторических материалов, изданный Н. И. Новиковым (1-е изд. в 10 частях — 1772—1774 гг.; 2-е изд. в 20 частях — 1788—1789 гг.; продолжение «Виблиофики» издано Академией Наук в 11 частях — 1786—1789 гг.). Н. А. Полевой предпринял издание аналогичного сборника, остановившееся на первом томе: «Русская виблиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Н. Полевым». М., 1833.

² Рукопись, посланная Полевому, не была вручена ему и вернулась обратно к Кюхельбекеру (см. «Летописи», стр. 179—180).

³ Кюхельбекер получил возможность познакомиться с «Московским телеграфом», очевидно, только в начале 1832 г. (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 45). Замечания по поводу прочитанного в «Московском телеграфе», в том числе и полемику против Н. А. Полевого, — см. в «Дневнике» (по указателю).

⁴ Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867) — младший брат и ближайший сотрудник издателя «Московского телеграфа».

39. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

⟨Баргузин.⟩ 4 января 1839 г.

Милый друг Наташа.

Я, было, хотел писать к тебе накануне нового года, как то бывало писал к вам из крепости, но хандра и неодолимая лень мне помешали. Теперь немного отлегло. Итак, вот и новый год, четвертый, встреченный мною за Уралом, третий в Баргузине.

Чего вам, мои друзья, желать? Счастья? да что такое счастье? Пожелаю вам лучше быть всегда довольным собою; тогда, наверно, будете довольны и судьбою. Твое милое письмо от 26 сентября мне принесло истинную отраду, особенно все, что говоришь о матушке. Посылку, а именно: детские капоты, два детских платьица, байку, бамазею, чулки, башмачки, одеяло, утюг и «Северную пчелу» получили мы исправно; и сердечно благодарим матушку за гостинец; я в особенности за детские вещи. Теперь Тиня¹ уже не бедна, как ее, бывало, называли сестра и тетка: вот и ей бабушка прислала же капотец, башмаки, платье. Этот ребенок, право, — единственная моя радость в Баргузине; она меня любит как только в этих летах можно любить. — Раз у нас кое-кто сидел — мать ее держала на коленях, а гость дал ей кусочек сахарцу; мы разговаривали; Тинюша вдруг стала проситься на пол; ее спустили, — она прямо ко мне, — вынимает сахар из ротика и сует его мне в руку: ешь, тятя! (Она и меня зовет татей.) Искренно: этот кусочек сахару показался мне таким знаком любви, с которым мало что умею сравнить изо всего, что случалось со мною в жизни.

У меня теперь «Библиотека для чтения» за 37<-й> год. Тут я встретил между прочим известие и суждение о Декамероне². Это суждение так замечательно, что не могу не выписать его для тебя; вот оно слово в слово:

«Что холера морбус причинила нам много зла, об этом нечего спорить, и что мы до сих пор еще не знаем всей меры зла, какое она причинила, доказательство того — „Русский Декамерон“, не считая тьмы повестей, родившихся от холеры морбус. Не будь холеры, не было бы и „Рус<ского> Декамерона“. На свете тысячью книгами было бы менее, тысячью людьми более. Величайшее зло, какое холера произвела в Европе, состоит в том, что она людей заменила книгами. Прибавьте еще, что в числе людей, которых она похитила, были многие весьма умные, между тем как родившиеся от ней книги все очень ограниченные. „Декамерон“ тоже холерная книга, дитя холеры — и что в ней пользы! Автор или издатель рассказывает, что во времена холеры какая-то графиня будто бы удалась с обществом в деревню и там от нечего делать вздумала писать стихи и прозу. Много ли написала, неизвестно. Но ключница графини выдала потом рукопись учителю уездного училища Барабарову, а тот передал г. Иванову, а г. Иванов напечатал. На первый случай мы отделались

дешево: вышла только поэма в стихах, которую прочитал в обществе графини некто Чинарский³. Поэма не велика, но за ней грозят еще девять холерных поэм и повестей. Проклятая холера! — Но какова собой поэма, девица морбус, дочь госпожи холеры морбус? Уверяю вас, что не лучше и своей маменьки, холеры, и своего папеньки морбуса».

Как ты думаешь об этой критике? — Не так ли? она очень остра, умна, основательна и написана самым правильным русским языком? Впрочем, тут то хорошо, что «Декамерон» напечатан; автор или издатель, полагаю, за славой перестал гоняться, а выручка за его книгу все же, быть может, даст ему средство прокормить с год свое семейство.

Святки наше семейство провело не совсем скучно; два или три вечера собирались у меня молоденькие женщины и девушки и играли в разные игры: в жмурки (здесь им имя — *имельцы*), хоронили золото, переряжались и пр. Две игры были мне вовсе не известны: одна называется *в оленя*, другая — *сеять просо*... В оленя вот как играют: мужчина сидит, а девушки вокруг него пляшут и поют песню, которую когда-нибудь для тебя спишу; у каждой девушки платок в руке, она им машет, а он должен, не вставая с места, стараться вырвать у них платки. Потом они свои платки выкупают. — Вторая игра также плясовая.

Всего более я был доволен, что во все святки бог меня избавил от пьяных отцов, братьев и сожителей красавиц; к счастью ярмарка нынче раньше обыкновенного, и все они изволили отправиться туда, в бурятские юрты.

Жена⁴ много и много тебе кланяется; когда я сказал, что ты велела ее поцеловать, она меня спросила: «Не лжешь ли? Неужто Наталья Григорьевна в самом деле в каждом письме обо мне вспоминает?».

Чтоб не забыть! Генерал-губернатор прислал сюда предписание: уведомить нам своих родных, чтоб они, если вздумают отправлять к нам книги, прилагали к ним особенные списки, а не записывали их в число прочих вещей.

Маменьку твою и сестриц обнимаю и целую им и тебе ручки. За известия о Николае очень благодарю⁵.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Т и н я — старшая дочь М. К. Кюхельбекера, Юстина (род. в 1836 г.).

² Далее приводится анонимный отзыв о книге Кюхельбекера «Русский Декамерон 1831 года» («Библиотека для чтения», 1837, т. XX, отд. Литературная летопись, стр. 41—42). Сюжетно книга Кюхельбекера приурочена к холерной эпидемии 1830 г.

³ П о э м а в с т и х а х — «Зоровавель» (см. прим. 2 к письму № 36).

⁴ Кюхельбекер женился 15 января 1837 г. на Дросиде Ивановне Артемовой (1817—1886), дочери баргузинского почтмейстера. Это была грубая («мужиковатая», по характеристике И. И. Пущина) особа, не давшая Кюхельбекеру семейного счастья.

⁵ Н. Г. Глинка, служивший офицером в Закавказье, 13 апреля 1838 г. получил легкую рану в стычке с горцами на Черноморской береговой линии.

40. И. И. ПУЩИНУ

«Акша. 16 августа 1842 г.»

Друг Jeannot! твой брат¹ у меня в келье². С каким наслаждением я его вижу, с каким удовольствием слышу его голос и что это все во мне воскрешает!

Я здоров, хотя и не могу жаловаться на излишек счастья: схоронил я, между прочим, сына, которого в твое имя было назвал Иваном³.

Евгения⁴ целую и обнимаю; я отвечал на его последнее письмо; не знаю, застало ли оно его еще на Итанце. Жена кланяется Оболенскому. Миша⁵ мой, которого Евгений знает, жив, да жаль мне своего Ванерочки.

Целую тебя. Николаю Ивановичу я, по своему похвальному обыкновению, таки успел кое-что прочесть, а тебе посылаю 3<ю> часть «Ижорского». Еще раз прощай!

Guillaume

На письме помета рукой И. И. Пущина, указывающая на то, что письмо было доставлено Н. И. Пущиным: «Пол<учено> 19 окт<ября>. Никол<ай>».

Это — единственное дошедшее до нас письмо Кюхельбекера к И. И. Пущину, с которым он был связан тесной дружбой с лицейских лет. Как и другие лицеисты, он называл Пущина уменьшительным именем «Жанно».

Докладная
Записка
—
Г. Кургану
1845. года
Декабрь 3го

Будущим американинским изданием
Медико-биологическим, который угрожает
мне патентом Бретан, и не имея
Здесь никаких средств на попут-
ствованье, и не имея никаких
мне правительственных предостере-
жений, не имея никаких средств
для выезда, отлучившись в С. Мо-
вилевск, где я буду иметь дело
с некоторыми делами, касающимися
вашего дела, и не имея никаких
средств на проезд, прошу вас
оказать мне помощь в этом деле.
Ваше уважение
В. Кюхельбекер

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КЮХЕЛЬБЕКЕРА ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1845 г. С ХОДАТАЙ-
СТВОМ О ПЕРЕВОДЕ В ТОВОЛЬСК ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ГЛАЗ

Написана неизвестной рукой. Кюхельбекеру принадлежит только подпись

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

До нас дошло еще письмо Е. П. Оболенского к Пущину от 12 ноября 1839 г. с припиской Кюхельбекера от 17 ноября:

«Вчера в проезд мой в Удинск остановился я и заночевал у Евгения Петровича. Бечером толковали про многое — и, между прочим, про тебя. Люблю тебя, cher Jeanpot, как друга и брата, а уважаю более, чем всех нас остальных вместе. За что? Здесь не выскажешь! Прощай и не забывай меня

В. Кюхельбекер»

(неизд. — ЛБ, М. 7577, л. 193 об.).

Письмо датируется на основании записи в дневнике Кюхельбекера от 17 августа 1842 г.: «Вчера у меня был такой гость, какого я с своего свидания с Матюшкиным еще не имел во все 17 лет моего заточения — Николай Пущин! Подурнел он, голубчик: из хорошенького мальчика стал он некрасивым мужчиною; зато у него душа та же — пущинская, какая должна быть у брата Ивана Пущина».

¹ Николай Иванович Пущин (род. в 1803 г.) — младший брат декабриста. Служил по Министерству юстиции и в 1842 г. был командирован в Сибирь для ревизии

мест заключения. Во время поездки он навещил брата (в Туринске) и перезнакомился со многими декабристами, которым привез вести от родных. Кюхельбекер встречался с Н. И. Пушным ранее, очевидно, в лицейские годы, когда тот, еще мальчиком, навещал в Лицее старшего брата.

² Кюхельбекер называет свое жилье в Акше «кельей», очевидно, в память лицейских лет; известно, что так называли царскосельские лицеисты свои комнаты.

³ Младший сын Кюхельбекера Иван умер 27 марта 1842 г. (род. 21 декабря 1840 г.). Кюхельбекер писал о нем декабристу Оболенскому: «Имя его — Иван. Это имя мать дала ему по дедушке, но я им очень доволен, потому что напоминает Лицей и товарища, которого и Вы и я любим» («Декабристы. Незданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 161). 1842 год был для Кюхельбекера очень тяжелым из-за житейских неудач (бедность, долги, неурожай), семейных неурядиц и осложнившихся отношений с близкими ему людьми (семейством Разгильдеевых). Тяжелое настроение Кюхельбекера отразилось в его дневнике; через месяц после отправки письма Пушину он записал: «Если человек был когда-либо несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться» («Дневник Кюхельбекера», стр. 285).

⁴ Евгений — Евгений Петрович Оболенский (1796—1865), один из активнейших и руководящих деятелей Северного общества. В 1839 г., после отбытия каторги, был поселен в селе Итанцинском (Итанце) Верхнеудинского округа Иркутской губ. Здесь в январе 1840 г. его навещал Кюхельбекер, по пути из Баргузина в Акшу (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 242; записи от 19 января, 7 февраля и 12 февраля, из-за дефектного источника текста, были здесь неправильно датированы редакторами «Дневника» 1838 г.). В июне 1841 г. Оболенский был переведен из Итанца в Туринск, Тобольской губ., а в июле 1842 г. — в Ялutorовск, где поселился вместе с переведенным туда же Н. И. Пушным.

Из писем Кюхельбекера к Оболенскому опубликованы три письма 1839—1841 гг. в сборнике: «Декабристы. Незданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 158—161. Письма Оболенского к Кюхельбекеру до нас не дошли.

⁵ Сын Кюхельбекера (род. в 1839 г.).

41. НАТ. Г. и А. Г. ГЛИНКАМ

〈Акша.〉 9 октября 1842.

Милые друзья

Наташенька и Сашенька!

Благодарю вас покорно за ваши жизненно отрадные письма; в них столько души, столько непритворной дружбы и участия, что я был бы самый неблагодарный человек, если бы они меня не тронули до глубины сердца.

Особенно на меня подействовало, что рассказываете про свою маменьку. Добрая! как она обо мне жалеет! После такого участия поневоле примирюсь с своей судьбою и пожелаешь еще пожить на свете. Сильно меня встревожило, что вы и она пишете об опасности, которой было подверглась супруга Дмитрия Григорьевича. Слава, слава богу, что все обошлось одним страхом, хотя тут и страх не безделица.

Я теперь хлопочу, как бы выбраться из Акши; пожелайте мне, чтоб это было к лучшему¹. Заботы и сомнения меня тревожат: я перестал верить в удачу; а между тем *моя обязанность* не унывать и хлопотать, чтобы было лучше. Всего более занимает меня Миша: он всего сильнее привязывает меня к жизни; для него я должен бодрствовать, для него мой долг не падать духом. — Но что бы ни случилось, я и семья моя в руке же божией. Без него не падет ни один волос с головы моей².

Если только достигну того, чтоб жена была довольна, сочту себя совершенно счастливым. — Ни в каком случае не буду также каяться, что я прожил здесь в Акше 3 года: все же Акша не Баргузин; да и в вещественном отношении здесь было лучше: по кр(айней) мере здесь я расплатился с старыми долгами и новых не нажил, а это не безделица. Меня поддерживает мысль, что я поступил по долгу и обязанности, что, может быть, здесь и был кое-кому полезен... Благодарности же ожидать от людей я отвык. Может быть, если удастся мне устроить хоть несколько будущность Дросиды Ивановны и дитяти нашего, — и она, хоть бы тогда, когда

меня уже не будет, отдаст мне справедливость. Теперь же я стану ее извинять и, сколько могу, оправдывать: истинно, что она, бедная, здесь пила не сладкую чашу; но не я в том виноват; сверх того вопрос: не было ли бы в Баргузине еще хуже? — Простите, мои друзья, молитесь за меня.

Ваш друг В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Во время пребывания в Акше Кюхельбекер влюбился в свою молоденькую ученицу — дочь акшинского пограничного начальника, майора А. И. Разгильдеева, Анну Александровну (род. в 1825 г.). Эта любовь оказалась для него источником тяжелых душевных переживаний (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 83—85). После отъезда из Акши семья Разгильдеевых Кюхельбекер предпринимал безуспешные попытки выбраться из этого места, где его преследовали всяческие неудачи, нужда и личные огорчения. В октябре 1842 г. он просил начальство перевести его либо в село Урикское, либо в Иркутск.

² О подавленном состоянии Кюхельбекера и мыслях о смерти, преследовавших его в это время, свидетельствует ответ М. К. Кюхельбекера на письмо к нему брата от 2 марта 1842 г.: «Смерть, конечно, не беда нашему брату, — пишет М. К. Кюхельбекер 8 мая 1842 г., — но если жить, то надо по возможности быть бодрю и здорову, особенно если к тому на руках семья; не могу не усмехнуться на счет твоего завещания, это хорошо для Шереметева, а нам с тобой и завещать нечего! Только детям, чтоб были честны и добры, вот и все; мое тебе завещание то, чтобы ты помнил, что ты человек образованный, христианин и философ, итак переноси все случайности жизни твердо, мужественно, и избави господь тебя от отчаяния, а что еще хуже — от равнодушия ко всему!» (Автограф в собрании Ю. Г. Оксманова. Саратов).

42. Э. Ф. БРЕЙТКОПФ

〈Акша.〉 28 декабря 1843 г.

Ваше любезнейшее письмо, милая сестрица Эмилия Феодоровна, меня крайне и крайне обрадовало: оно служит мне доказательством, что Вы таки не забываете меня, а жить в памяти таких редких в мире существ, каковы Вы, истинное счастье. Вам угодно, чтоб я Вам отвечал на моем родном языке. С удовольствием исполняю Ваше желание: я во многом переменялся, но и теперь на 47 году моей жизни я точно такой же страстный почитатель русского языка, каким Вы меня звали, когда мне было с небольшим 20 лет. Если же до сих пор я писал к Вам по-французски, это было потому, что не хотел упустить случая упражняться в нем в переписке с особою, которая этот язык знает так превосходно.

Деньги (250 рублей ассигнациями), которые Вы изволили переслать мне от имени сестер моих, я исправно получил; благодарю Вас за пересылку, а их за всемошествование, какое они не перестают оказывать мне и семейству моему. Вы журите меня, что не пишу к сестрице Julie; Вы совершенно правы; я кругом виноват и ничем не оправдываюсь, — но, не знаю почему, меня пугает это страшное расстояние: Акша и Палермо — это такой контраст, как зима и лето, ночь и день. Беру перо, хочу писать от души, а между тем несносные какие-то кончетти сами собою ложатся на бумагу. Но клянусь Вам богом, что я сестру люблю попрежнему всем сердцем, всею душою, — и она, право, не виновата, что нас разделяет целая почти половина земного шара ¹. Впрочем, я после предпоследнего Вашего ко мне письма к ней писал, да, верно, письмо не дошло до Вас. Даю Вам слово, что буду к ней писать в следующий раз: просто, без затей, без фраз и резонерства.

Прошедшая осень (но только не октябрь, а ноябрь) была для меня благосклонна: я кончил небольшой роман, который, быть может, показался бы Вам достойным некоторого внимания ².

За известия о членах милого семейства Зиновьевых ³ усерднейше Вас благодарю и прошу им всем сказать от меня нижайший поклон. Если увидите M-me Nagel ⁴, засвидетельствуйте и ей, подруге моей матери,

сердечное мое почтение. Я напрашиваюсь на подарок от нее: пусть она пришлет мне *Imitation de Jesus Christi* *, но только старенький экземпляр, ею самою читанный и перечитанный⁵. Жена и Миша мой целуют Ваши ручки.

Простите, добрейшая Эмилия Феодоровна; не забывайте меня!

В. К ю х е л ь б е к е р

¹ См. прим. 2 к письму № 17.

² Имеется в виду роман «Последний Колонна» (или «Итальянец»), законченный 3 декабря 1843 г. Роман этот издан по рукописи отдельной книгой в 1938 г.

³ См. прим. 8 к письму № 9 и прим. 7 к письму № 22.

⁴ М-т е N a g e l — очевидно, вдова Нагеля, в начале XIX в. занимавшего пост лифляндского и эстляндского гражданского губернатора.

⁵ См. прим. 7 к письму № 9.

43. В. А. КАЗАДАЕВУ

Баргузин. 1 октября 1844 г.

Милостивый государь,
Владимир Александрович,

вот уже неделю нахожусь в доме моего доброго брата¹. Вы, верно, примете участие в наслаждении, какое мне доставило свидание с ним. Здесь часто разговариваю с ним об Акше, и естественно, что Ваше имя часто на моем языке, что я хвастаю и хвалюсь перед ним знакомством с Вами, человеком, каких я и во время оно в Петербурге и Москве встречал не много. Кажется, что и мой Михайло счел бы счастьем с Вами сблизиться.

Путешествие мое из Верхнеудинска сюда было сопряжено с большими издержками и даже опасностями. Окружный начальник не решился мне выдать бланка²; я принужден был взять подорожную, платить за тройку и потом в Турке нанять лодку за 100 рублей. Двое суток нас носило под Лиственичным островом, заливало волнами, сорвало руль; насилу отстоялись на кошке. Вот что и заставляет меня промешкать здесь до мореставу³ и пуститься в дорогу в январе. Хоть во мне и мало проку, а потонуть все-таки не хочется да и деточек жаль. Вас же, мой добрый Владимир Александрович, усерднейше прошу убедить наши иркутские власти, чтоб они приказали властям верхнеудинским выдать мне бланк, а то я, право, приеду в Курган ровно ни с чем, что, особенно для первой поры, не очень удобно. Жена и дети поручают себя Вашей благосклонной памяти, а я не только в конце письма, но во всю жизнь с чувством искреннего уважения и преданности честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Вильг(ельм) К ю х е л ь б е к е р

Р. S. Вручителю этих строк, истинно честному и услужливому человеку, не откажите в Вашем покровительстве.

Владимир Александрович К а з а д а е в — в молодости офицер, участник русско-турецкой войны 1828 г.; в тридцатые годы — чиновник особых поручений при Министре внутренних дел, затем (до 1846 г.) — почт-директор Восточной Сибири; в пятидесятые годы — курский губернатор. По словам служившего при Казадаеве в 1847 г. мелкого чиновника, он «держал себя вполне как русский барин старых времен, с своею хорошею и дурною стороною; происходя от богатых родителей, с детства не привык стесняться и вырос на своей воле, связанный только внешними приличиями знатного барина» («Русский архив», 1904, № 12, стр. 554). Казадаев был не чужд литературе: он перевел в стихах комедию Мольера «Тартюф» («Русская смена», 1864, № 3, и от-

* Подражание Иисусу Христу (франц.).

дельно; 2-е изд. — 1867 г.), а в пятидесятые годы занимался стихотворным переложением арабских сказок из сборника «1001 ночь».

¹ 27 августа 1844 г. Кюхельбекер получил долгожданное разрешение на перевод из Акши в Западную Сибирь — в Курганский округ. 2 сентября он с семьей выехал из Акши и через Верхнеудинск отправился в Баргузин — навестить брата. При переправе через Байкал их застигла буря; в Баргузин они приехали около 23 сентября.

² Б л а н к — документ, относившийся к путевым расходам на казенный счет.

³ Д о м о р е с т а в у — то есть, до ледостава (Байкал, на языке местных жителей, назывался морем). «Через Байкал начинают ездить обыкновенно после нового года», — писал декабрист В. И. Штейнгель (под псевдонимом В. Обвинский) в своих «Замечаниях на статьи Энциклопедического лексикона» (сб. «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 111).

44. В. А. КАЗАДАЕВУ

⟨Баргузин. Октябрь — ноябрь 1844 г.⟩

Усерднейше прошу Владимира Александровича достать от Николая Ивановича Пушина¹ список с мистерии «Ижорский»: первых двух частей — с напечатанного экземпляра с моими поправками и третьей — с рукописи.

В. К ю х е л ь б е к е р

Датируется по связи со следующим письмом от 28 ноября 1844 г., в котором Кюхельбекер возвращается к вопросу о пересылке Казадаеву рукописи «Ижорский».

¹ О Н. И. Пущине и посланной с ним рукописи 3-й части «Ижорского» см. письмо № 40. Казадаев был связан с Н. И. Пущиным служебными отношениями; так например, в 1845 г. они вместе разъезжали по Западной Сибири.

45. В. А. КАЗАДАЕВУ

Баргузин. 28 ноября 1844 г.

Милостивый государь,
Владимир Александрович,

от всей души благодарю Вас за память Вашу и благосклонное ко мне расположение. Ширманн¹ мне говорил, что Вы не отказываетесь исполнить мою покорнейшую просьбу и хотите мне через Верхнеудинского окружного начальника выслать бланковую подорожную. Слова: *благодетель, благодеяние, покровитель, покровительство* и *tutti quanti* * несколько относятся к тем, которые мое глупое перо как-то не умеет писать, — хотя, поверьте, я, право, не неблагодарен. Между тем, как же назвать иначе, если не благодеянием, одолжение, которое Вы с столь благородною и радушною готовностью хотите оказать мне и которое сбережет мне около 600 рублей, для меня вовсе и вовсе не лишнее на первой поре в стороне новой и мне совершенно незнакомой? Если бы еще возможно было, чтоб казак или урядник, необходимый мой спутник, был заменен кем-нибудь из ваших подчиненных, — я бы насчет своего путешествия был совсем спокоен. Вы бы, без сомнения, его снабдили и от себя предписанием, и тогда бы я мог надеяться непременно прибыть в место моего жительства без перемены спутников и в самое скорейшее время. Просить об этом не смею, потому что, во-1-х, боюсь Вам надоесть своими докуками, а во-2-х, быть может, это дело несбыточное.

Что скажу Вам о моем житье-бытье баргузинском? — Несмотря, что я здесь с братом, человеком добрым и умным, я желал бы ехать — и приехать. Мне 48 лет; терять время и в 20-летнем возрасте большая глупость, а в моих летах и при моем ремесле это грех непростительный. Здесь же я решительно теряю время; здесь даже и читать трудно: у брата три маленьких крикуньи; у меня крикун и крикунья — и преголосистые... Итак, сами рассудите, — возможно ли тут заняться чем-нибудь путным, особенно, когда в доме нет уголка отдельного? Впрочем, нет худа без добра:

* и все остальное (итал.).

mon esprit se reposera et je pourrai avec une nouvelle élasticité reprendre mes occupations *. В голове моей толпятся кое-какие призраки и полуобразы, которые ждут досуга и тишины, чтобы одеться в живое слово; но с первого моего приезда в Курган едва ли удастся предаться влечению моей души, жаждущей творить, пока в ней еще не иссякла творческая сила... Между тем:

Быть может, — странное сравненье, —
А устрицам подобно вдохновенье:
Не откажусь от свежих никогда;
Но полежали, — не моя еда ².

Итак, все, быть может, кончится пустяками; впрочем, жаль бы было — для двух отрывков моего «Вечного жид» (Лютера и франц^узской революции) — мыслей бездна: mon poème est tout fait; il ne me reste que les vers **. Не приведется ли по-акшинскому просто выправлять уже написанное и дать разному старью ту последнюю окончательную форму, в которой я это старье передам времени, когда самого меня уже не будет?³ В таком случае мой «Ижорский», которого возвращением под кров родительский опять буду Вам же обязан, — для меня покажется истинным воделенным гостем. Извините мои помарки.

С глубочайшим почтением и душевною преданностью, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга

В. К ю х е л ь б е к е р

¹ Ш и р м а н н — лицо нам неизвестное; вероятно, кто-нибудь из баргузинских чиновников.

² Стихи Кюхельбекера из цикла «Гномы», конца 1830-х гг. (Кюхельбекер, т. I, стр. 192).

³ Указанные отрывки (о Лютере и французской революции) вошли в окончательный текст поэмы «Агасфер» («Вечный жид»), как он сложился в Акше, в 1840—1842 гг. (см. «Русская старина», 1878, № 3, стр. 442—456). Трудно сказать, вносил ли впоследствии Кюхельбекер еще какие-нибудь дополнительные поправки в этот текст.

В том же архиве сохранилась записка Кюхельбекера (к Казадаеву, повидимому, от января 1845 г. (на французском языке):

Милостивый государь,

чувствуя себя не совсем здоровым, осмеливаюсь просить Вас извинить меня, что я не могу иметь чести у Вас обедать. Но я вполне вознагражу себя, явившись к Вам перед отъездом в Курган, чтобы поблагодарить Вас за всю Вашу доброту и проститься с Вами.

Ваш покорнейший слуга

Вильгельм К ю х е л ь б е к е р.

Записка эта датируется на основании следующих соображений: Кюхельбекер уехал из Баргузина, очевидно, в начале января 1845 г. (см. письмо его к Казадаеву от 1 октября 1844 г. — № 43) и до 1 февраля пробыл в Иркутске, где и мог навещать Казадаева.

46. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

Перевод с французского.

Красноярск. 13 февраля 1845 г.

Сударыня,

я должен был бы направить письма всем моим дорогим иркутским товарищам¹, каждому в отдельности, но у меня не хватает времени, чтобы исполнить эту обязанность, столь же приятную, сколь священную. Завтра я уезжаю.

* моя голова отдохнет, и я смогу с большей гибкостью приняться за свои занятия (франц.).

** моя поэма уже готова; остаются лишь стихи (франц.).

Я убежден, что ни один из них не посетует на меня за то, что я избрал Вас, княгиня, чтобы принести им свои извинения: все, что заключено достойного и прекрасного в характере каждого из них, выражено сильнее и чище Вами, их ангелом-хранителем, их утешительницей.

Я познакомился с любезным семейством Василия Львовича ². Он все тот же. Я нашел в нем изменившейся лишь внешность. Его настроение, его искрящийся, как шампанское, ум, его прекрасное сердце все те же.

Спиридов ³ мало постарел. Митьков ⁴ очень глух, а мне кажется, что сильнее, чем на самом деле, и это создает повод для многих несколько комических сцен.

ДОМ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В РАБОЧЕМ ПОСЕЛКЕ СМОЛИНО (РАНЕЕ СЛОБОДА СМОЛИНСКАЯ, КУРГАНСКОГО УЕЗДА, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кюхельбекер поселился здесь в сентябре 1845 г. и жил до отъезда в Тобольск в феврале 1846 г.

Фотография А. П. Либерта, снята 14 ноября 1952 г.

Госпожа Давыдова ⁵ была бесконечно добра и любезна со мною и с моими.

Жена моя, преданная Вам сердцем и душою, начала новую жизнь после знакомства с Вами; я ее больше не узнаю. Вам, княгиня, я буду обязан своим семейным счастьем. Вчера и третьего дня она была нездорова, что задержало меня на несколько дней в Красноярске.

Михаил чувствует себя отменно; маленькая тоже ⁶, но в ущерб своей маменьке.

Сделайте милость, княгиня, распорядитесь списать для меня рассказ Теодора ⁷, тот, который известен Иосифу ⁸, и который кажется ему столь хорошо и столь простодушно написанным.

В качестве чего-то, что сможет заинтересовать Муханова ⁹, посылаю Вам стихи, совершенно забытые их автором. Казимирский ¹⁰ их воскресил. Они были созданы в Шлисельбурге в 1827 году ¹¹.

Прошу Вас обнять от нашего имени Вашего добрейшего и дорогого Михаила и сказать Нелиныке ¹², что я целую ее маленькую ручку.

Я напишу общее письмо нашему почтенному Сергею Григорьевичу¹³, Александру и Иосифу Поджио¹⁴. Остальные же получают письмо из Тобольска.

Умоляю Вас, княгиня, сохранить обо мне благосклонную память и имею честь быть Вашим покорнейшим и преданнейшим слугою

Вильгельм К ю х е л ь б е к е р

Мария Николаевна Волконская (1805—1863) — жена С. Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь; в кругу декабристов пользовалась большим влиянием. По приезде на место назначения, в Смоленскую слободу Курганского округа, 29 марта 1845 г., Кюхельбекер обратился к М. Н. Волконской со следующим стихотворением:

Людская речь — пустой и лицемерный звук,
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатые рук —
Вот переводчики избытка дум и чувства.
Но я минутный гость в доме моих друзей,
А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...
Клянуся ангелом, который
Святая, путеводная звезда
Всей нашей жизни: на восток, сюда,
К ней стану обращать трепещущие взоры
Среди житейских и сердечных бурь, —
И прояснится вдруг моя лазурь,
И дивное сойдет мне в перси утешенье,
И силу мне подаст и гордое терпенье.

¹ По дороге в Курганский округ, задержавшись почти на месяц в Иркутске, Кюхельбекер повидал некоторых из декабристов, поселенных в районе Иркутска и часто бывавших в самом городе (полулегально). В частности, он навестил С. Г. Волконского, жившего в с. Уриковском, в 18 верстах от Иркутска. Вдова Кюхельбекера много лет спустя вспоминала, что в Иркутске он, «несмотря на болезнь, как-то особенно был весел и более покоен; тут же он нашел и друзей своих и прежних знакомых, как например: князя Трубецкого, Волконского и других <...> эти друзья оказывали ему полное дружеское внимание. В кругу этих добрых друзей и знакомых ему не приходилось скучать: дельные беседы их почти каждый день тянулись иногда далеко за полночь <...>. С прискорбием оставил он своих иркутских друзей и знакомых» («Декабристы и их время», 1951, стр. 87—88).

² Василий Львович Давыдов (1792—1855) — видный член Южного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Красноярске.

³ Михаил Матвеевич Спиридов (1796—1854) — член Общества Соединенных Славян. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Красноярске (см. о нем в настоящем томе, стр. 717—720).

⁴ Михаил Фотиевич Митков (1791—1849) — член Северного общества. По истечении срока каторги, в 1837 г., был поселен в Красноярске.

⁵ Александра Ивановна Давыдова (урожд. Потапова) — жена В. Л. Давыдова, последовавшая за ним в Сибирь.

⁶ Дети Кюхельбекера: Михаил и Юстина.

⁷ Теодор — Федор Федорович Вадковский (1800—1844), один из активных участников декабристского движения, член Северного и Южного обществ, республиканец, соратник П. И. Пестеля. По истечении срока каторги, в 1840 г., был поселен в с. Оске Иркутского округа, где и умер от чахотки (8 января 1844 г.). Ф. Ф. Вадковский был щедро и разносторонне одаренным человеком — обладал серьезными математическими способностями, занимался музыкой, писал стихи. «Рассказ Теодора», о котором упоминает Кюхельбекер, может быть, очерк «Белая церковь» — о восстании Черниговского полка в январе 1826 г., составленный Ф. Ф. Вадковским на основании рассказов трех непосредственных участников восстания. Этот очерк был впервые опубликован Герценом в издании «Записки декабристов», вып. 2-3. Лондон, 1863.

Кюхельбекер был в свое время дружески связан с Вадковским. Узнав о его смерти, он записал в дневнике (26 марта 1844 г.): «Умер Вадковский, человек, с которым я когда-то жил душа в душу, — что же? Мне, право, кажется, будто я его никогда не знал; ум-то, правда, говорит: „Вот ты почему бы должен грустить, вот какую ты понес потерю — последний или, по крайней мере, один из последних, кто тебя любил,

покинул тебя навсегда" и пр. Но сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких, горьких слез, а сыплются только искры, суеверные приметы, напр<имер>, вроде той, что всем моим друзьям суждено было умереть в январе.

Очевидно, Вадковскому же имел в виду Кюхельбекер, когда в письме к племянникам от 31 декабря 1834 г. (№ 33 нашей публикации) вспоминал изречение своего «друга Théodore» (см. стр. 451). Возникает вопрос — когда же Кюхельбекер мог подружиться с Вадковским, жить с ним «душа в душу»? Познакомиться они могли еще в детстве: родители Вадковского принадлежали к ближайшему окружению Павла I и Марии Федоровны, по летам жили в Павловске и, несомненно, были знакомы со старшим поколением Кюхельбекеров и Глинок. В дальнейшем, в период 1812—1824 гг., Ф. Ф. Вадковский находился в Петербурге, сперва обучаясь в частных пансионах, а затем (с января 1822 по лето 1824 г.) состоя на военной службе, в Кавалергардском полку; Кюхельбекер за все это время провел в Петербурге более или менее оседло только три года — с июня 1817 по сентябрь 1820 г. Сведений о знакомстве Кюхельбекера с Вадковским до 14 декабря 1825 г. не имеется. Не исключено, что они могли сблизиться в 1827 г. в Шлиссельбургской крепости: Кюхельбекер находился здесь в заключении с 25 июля 1826 по 12 октября 1827 г., а Вадковский был доставлен сюда в апреле 1827 г. и содержался, очевидно, по ноябрь (5 января 1828 г. уже был доставлен в Нерчинские рудники), — однако не совсем ясно, каким образом могли общаться Кюхельбекер и Вадковский в условиях одиночного тюремного заключения.

⁸ Иосиф Викторович Поджио (1792—1848) — член Южного общества. По окончании срока заключения в Шлиссельбургской крепости, в 1834 г., был поселен в с. Усть-Кудинском Иркутского округа.

⁹ Петр Александрович Муханов (1799—1854) — член Союза Благоденствия и Северного общества. После каторги, освобожденный досрочно, был в 1832 г. поселен в Нижнеудинском округе, а в 1842 г. переведен в с. Усть-Кудинское Иркутского округа. П. А. Муханов занимался литературой — писал повести, очерки, исторические статьи, был тесно связан с литературными кругами, до 14 декабря сотрудничал в «Сыне отечества», «Московском телеграфе» и других изданиях (см. о нем ниже, стр. 712).

¹⁰ Яков Дмитриевич Казимирский — офицер, служивший в Сибири; одно время занимал должность плац-майора в Чите и Петровском заводе, где снискал уважение и даже приязнь многих декабристов, оказывая им разного рода услуги.

¹¹ Речь идет, несомненно, о замечательном стихотворении Кюхельбекера «Тень Рылеева». Это было первое стихотворение, сочиненное Кюхельбекером после декабрьских событий — в 1827 г., в каземате Шлиссельбургской крепости, где ему еще не давали писать (стихотворение было впоследствии записано автором по памяти).

¹² Дети Волконских: Михаил (1832—1907) и Елена (1835—1916).

¹³ Волконский.

¹⁴ См. письмо А. В. Поджио к Кюхельбекеру от 9 июля 1845 г. в настоящем томе, стр. 491—494.

47. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

<Курган.> 12 апреля 1845 г.

Любезнейший друг
Сергей Петрович,

вечно памятен будет для меня день, который провел я в Вашем доме ¹... Кажется, и теперь вижу быт, почти английский, Вашего семейства; особенно мне понравился Ваш утренний чай: все вместе; тартины, чай, кофе, телятина; радушие, семейное счастье, — je croyais être dans ma maison paternelle *. Потом меня воображение переносит в Вашу маленькую гостиную; мне кажется, я все еще сижу возле софы, где добрейшая княгиня Катерина Ивановна ² слушает мои стихи; кажется, я по сию пору вижу ее слезы... Ce n'est pas un triomphe **: тут не было места авторскому самолюбию — я видел прекрасную душу, отгадавшую мою душу. — Потом я в сотый раз в своих воспоминаниях посещаю гроб моего бедного Теодора ³.

Прошли и эти дни. Я теперь опять один, потому что, хотя здесь и есть наши ⁴, однако Вы согласитесь, что с ними нельзя мне так делиться мыслями и чувствами, как с иркутскими или с тобольскими моими друзьями ⁵. Тут, т. е. в Тобольске, прекрасные души: в главе их Наталья Дмитриевна ⁶, редкая женщина, qui fait le plus grand cas de Madame Votre

* мне казалось, что я в родительском доме (франц.).

** Это не победа (франц.).

épouse *; Пушкин⁷ и Свистунов⁸ — люди истинно почтенные, проникнутые непритворною, чистою набожностью; Михайло Александрович⁹ и по сю пору сохранил что-то рыцарское, — он меня очень обласкал и старался предупредить все мои желания. Фонвизинский дом мне и потому очень дорог, что я тут мог наговориться о Вас. Сделайте дружбу, любезнейший Сергей Петрович, обрадуйте меня скорее письмом; а между тем прошу сказать от меня поклоны Сутову¹⁰, Муханову¹¹, Александру Михайловичу¹² и Панову¹³. — Целую ручки Катерине Ивановне, а Вас прошу сохранить меня в доброй памяти.

Преданный Вам душою В. К ю х е л ь б е к е р

Р. С. Жена Вам свидетельствует свое почтение, и все мы трое, т. е. она, я и Миша, кланяемся Вашим милым детям и нашей Анненьке¹⁴.

¹ Сергей Петрович Т р у б е ц к о й (1790—1860) по истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в с. Оке Иркутского округа. Здесь и посетил его Кюхельбекер в январе 1845 г., по дороге в Западную Сибирь. Сохранилось письмо Трубецкого к Кюхельбекеру, посланное накануне отъезда последнего из Иркутска. Из этого письма, в частности, выясняется, что Кюхельбекеру было поручено доставить обширную корреспонденцию декабристам, поселенным в местах, через которые он должен был проехать. Упомянутый в письме Трубецкого А л е к с а н д р В и к т о р о в и ч — декабрист Поджио. Приводим текст этого неопубликованного письма:

31 января <1845 г.>

Посылаю Вам, добрый мой Вильгельм Карлович, целый пук писем; они разделены в конвертах по городам: в Красноярск, Ялutorовск и Курган. Еще есть одно письмо в Омск, от живущей у нас женщины. В Ялutorовск следует и сверток, который я у Вас оставил в клетнике. Посылаю еще сверток для прочтения Вам, который передайте Александру Викторовичу, он возвратит мне в субботу. Не знаю, успеете ли Вы все прочесть, но, полагаю, что сегодня еще не выедете. Во всяком случае, я Вас более не увижу, и потому заочно крепко Вас обнимаю. Желая, чтоб Вы всегда были довольны Вашим положением и спокойны духом. Дросиду Иванову я прошу от жены моей и меня принять поклон и желания ей всяких благ. Деточек обнимите за нас; да растут они Вам на радость и утешат Вас в старости. Простите, пожимаю Вам руку.

Ваш Т р у б е ц к о й

(ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, лл. 36—37).

В сентябре 1846 г., еще не зная о смерти Кюхельбекера, С. П. Трубецкой писал А. Ф. фон дер Бриггену из Омска: «Известия твои о Вильг(ельме) Кюх(ельбекере) подтверждаются письмами из Тобольска. Он, кажется, не жалеет на сем свете; и я полагаю, что его убивает поэтическая страсть его. Если б он имел частицу прозы своего брата, то был бы здоровее. Поэты с горячими чувствами долго не живут. Долго жили Гёте, Вольтер, люди холодные» («Литературный вестник», 1903, № 6, стр. 128).

² Екатерина Ивановна Т р у б е ц к а я (ум. в 1854 г.) — жена С. П. Трубецкого, последовавшая за ним в Сибирь.

³ См. прим. 7 к письму № 46. Ф. Ф. Вадковский умер и был похоронен в Оёке.

⁴ В Кургане в это время находились на поселении декабристы — Н. В. Басаргин, А. Ф. Бригген, И. С. Повало-Швейковский, Д. А. Щепин-Ростовский, Ф. М. Башмаков.

⁵ В Тобольске декабристскую колонию составляли — М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, братья Н. С. и П. С. Бобрищевы-Пушкины, П. Н. Свистунов, С. М. Семенов. Кюхельбекер по пути в Курган останавливался в Тобольске.

⁶ Наталья Дмитриевна Ф о н в и з и н а (1805—1869) — жена М. А. Фонвизина, в 1828 г. приехавшая к мужу в Сибирь; ей были свойственны религиозно-мистические настроения; в последний год жизни Кюхельбекера дружески сблизилась с ним и присутствовала при его кончине («Декабристы и их время», 1951, стр. 88).

⁷ Павел Сергеевич Б о б р и щ е в - П у ш к и н (1802—1865) — член Южного общества. По истечении срока каторги был поселен в Красноярске, а в 1840 г. переведен в Тобольск для надзора за душевнобольным братом (также декабристом). Писал стихи и басни (см. о нем в настоящем томе, стр. 741—742).

⁸ Петр Николаевич С в и с т у н о в (1803—1889) — член Северного и Южного обществ. По истечении срока каторги жил на поселении в Иркутском округе, с 1838 г. — в Кургане, с конца 1841 г. — в Тобольске, где состоял на государственной службе в губернских учреждениях. Дом Свистунова служил центром культурной жизни в Тобольске. Свистунов присутствовал при кончине Кюхельбекера и описал его последние

* которая чрезвычайно ценит Вашу супругу (франц.).

часы в не дошедшем до нас письме к Ю. К. Глинке от 16 августа 1846 г. (см. «Русская старина», 1875, № 7, стр. 354). См. ниже письмо Кюхельбекера к Свиштунову (№ 48).
⁹ Михаил Александрович Ф о н з и н (1788—1854) — член Союза Благоденствия и Северного общества. По истечении срока каторги находился на поселении

Состоящий в должности
 Обер-прокурора Государственной
 Палаты, Кюхельбекера.
 Обер-прокурора Государственной
 Палаты, Кюхельбекера.
 Его величество изволил читать.
 4 сен. 1846.
 С. А. Дубельт
 Объявляю сие сие
 подлинное довести о сие
 до Высочайшего повеления
 Его Величества. —
 Генерал-фельдмаршал Г. И. Дубельт
 3го сентября 1846 года.

«ВСЕПОДДАНИЕЙШИЙ ДОКЛАД» ШЕФА ЖАНДАРМОВ
 А. Ф. ОРЛОВА ОТ 3 СЕНТЯБРЯ 1846 г. О СМЕРТИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА
 Сбоку помета рукой Дубельта: «Его величество изволил читать. 4 сен. 1846»
 Центральный исторический архив, Москва

в Енисейске, Красноярске и Тобольске (см. письма его к Кюхельбекеру в настоящем томе, стр. 494—496).

¹⁰ Александр Николаевич Су т г о ф (1801—1872) — член Северного общества. После каторги был поселен в Иркутском округе, в 1848 г. переведен рядовым на Кавказ.

¹¹ См. прим. 9 к письму № 46.

¹² Александр Михайлович М у р а в ъ е в (1802—1853) — член Северного общества. По истечении срока каторги был поселен вместе с братом Никитой Михайловичем в с. Уриковском Иркутского округа. После смерти брата, в августе 1844 г., был

определен на службу в Тобольское губернское правление, однако прибыл в Тобольск только 17 июля 1845 г. (см. А. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, стр. 220).

¹³ Николай Алексеевич Панов (1803—1850) — член Северного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Иркутском округе.

¹⁴ Внебрачная дочь М. К. Кюхельбекера. Она воспитывалась в семье Трубецких. (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 87).

48. П. Н. СВИСТУНОВУ

Перевод с французского.

⟨Курган.⟩ 3 мая 1845 г.

Милый друг! Спасибо Вам за Ваше любезное письмо. Мои дела обстоят неважно: губернатор мне отказал. Я вынужден был написать к графу Орлову с просьбой разрешить мне жить в Кургане¹. Жена моя плакала вчера, как малое дитя. Миша, воображивший, что мне придется ехать в Смолино одному, сначала подтягивал матери, в особенности же, когда я собрался к исправнику; он был убежден, что я уйду совсем, и цеплялся за меня, крича во все горло: «И я с тобой!». Любит меня бедный малыш!

Посылаю письмоцо Бриггена². Ему очень хочется прочитать «Port Royal» Сент-Бева³. Перевод «Комментариев» к Цезарю меня занимает: он довольно точен и добросовестно выполнен⁴. Иван Семенович* плох: он сделал завещание, составленное Басаргиным и переписанное мной. Первого мая он исповедывался и причастился. Когда я написал Вам, что не знаю его, то это значило, что я с ним не говорил, что я не беседовал с ним; он так слаб, что разговаривать не может, но я исправно навещаю его каждые два дня⁵.

Я хотел написать нашей дорогой Наталье Дмитриевне, но я слишком взволнован и чувствую, что недостойн говорить с нею⁶. Оставим до другого раза. Наилучшие пожелания Михайло Александровичу⁷, Пушкину⁸, Анненкову⁹ и Степану Михайловичу¹⁰.

Поручаю себя памяти Вашей супруги и наших дам. Обнимаю Вас.

Преданный Вам Вильгельм Кюхельбекер

О П. Н. Свистунове см. прим. 8 к письму № 47.

¹ По распоряжению высших властей Кюхельбекер должен был поселиться в слободе Смолинской, в трех верстах от Кургана. По прибытии на место (22 марта 1845 г.) он самовольно обосновался в Кургане (собственно в 1½ верстах от города, за Тоболом) и сразу же стал хлопотать в губернских инстанциях о разрешении остаться здесь. Хлопоты его были безуспешны: 2 мая 1845 г. его известили, что тобольский губернатор запрещает ему оставаться в Кургане (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 300). На следующий день Кюхельбекер обратился с ходатайством (мотивируя свою просьбу плохим состоянием здоровья и необходимостью постоянно пользоваться врачебной помощью в Кургане) к шефу жандармов и начальнику III Отделения А. Ф. Орлову (см. «Русская старина», 1902, № 4, стр. 110) и к своему старинному приятелю В. Ф. Одоевскому, который мог помочь ему благодаря своим служебным и светским связям (см. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год». СПб., 1896, прилож., стр. 69). «Неужто откажут?» — записал Кюхельбекер в дневнике 3 мая 1845 г. В Петербурге ответили отказом, и Кюхельбекер вынужден был приступить к строительству дома в Смолинской слободе (на деньги, присланные В. А. Глинкой). Переехал он в собственный дом только 21 сентября 1845 г., уже совершенно больным («Дневник Кюхельбекера», стр. 305).

² Александр Федорович Бригген (1792—1859) — член Союза Благоденствия. По истечении срока каторги был поселен в Пельме Тобольской губернии, в 1836 г. переведен в Курган, где с 1838 г. служил в Окружном суде.

³ «Port-Royal» — курс историко-литературных лекций Сент-Бева, изданных в 1840—1860 гг. В письме Кюхельбекера речь идет о первых двух томах.

⁴ Имеется в виду перевод, которым был занят А. Ф. Бригген. В дневнике Кюхельбекера под 15 мая 1845 г. записано: «Фон дер Бригген прочел мне 4 и 5<-ю> главы своего „Цесаря“; пятая очень занимательна и в высокой степени оживлена драматическим интересом».

* Имена и отчества в этом письме все по-русски.

⁵ Иван Семенович Повало-Швейковский (около 1790—1845) — член Южного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Кургане. П. Н. Свистунов в неизданном письме к Кюхельбекеру от 22 апреля 1845 г. (ответом на которое и является публикуемое письмо Кюхельбекера) просил его навещать больного Повало-Швейковского: «Вы пишете, что не знакомы с Иваном Семеновичем. Почему вы не попросите Николая Васильевича <Басаргина> Вас к нему ввести? Велика беда, ежели он Вас примет в постели! Я желал бы, чтобы Вы с ним познакомились. Вы могли бы принести ему моральное облегчение...» (ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 78. Перевод с французского). И. С. Повало-Швейковский умер через неделю после письма Кюхельбекера — 10 мая 1845 г., на руках у последнего.

⁶ Фонвизина (см. прим. 6 к письму № 47).

⁷ Фонвизин (см. прим. 9 к письму № 47).

⁸ П. С. Бобринцев-Пушкин (см. прим. 7 к письму № 47).

⁹ Иван Александрович Анненков (1802—1878) — член Южного общества. По истечении срока каторги был поселен в Иркутском округе; в 1837 г. переведен в Тобольскую губернию; с 1841 г. состоял на службе в Тобольском губернском правлении.

¹⁰ Степан Михайлович Семенов (1789—1852) — член Северного общества. После заключения в крепости был отправлен на службу в Западную Сибирь.

49. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

<Смолинская слобода.> 11 октября 1845 г.

Мой друг Наташа. Третьего дня вечером и совершенно нечаянно я узнал о кончине Эмилии Федоровны. Чем она была для вас, чем для меня, вы знаете... Как на меня действовала эта весть, ты разгадаешь из стихов, которые я *был в состоянии* написать на другой день... вот, мой милый друг, до чего я дожил! Узнаю о смерти — чьей? — и — и — пишу стихи! Но, повидимому, то, что называю своим дарованием, живучее во мне сердца и чувства. Je ne peux me rendre, me faire meilleur, que je ne le suis *. Итак, пусть хоть дар поэта заменит ее священной памяти слезы чистые и бесценные, которые даются детской, младенческой только скорби. — Никогда еще стиходей не переписывал собственных стихов с таким неуважением к самому себе, с таким отвращением к стихам. Я мог бы их вам и не пересылать, je routrais même dire: je suis sensé d'ignorer la mort, — routrais en parler?..** Но меня что-то так и толкает говорить о том, что вас так искренно и живо печалит, а что в моей груди находит только резонерный, стихотворческий отголосок. Право, я наскучил самому себе! Но и в стихах по кр<айней> мере видно, как бы я *желал* о ней скорбеть; только откуда родиться этой скорби в душе, которая вся в мозолях и рубцах от прежних ран? Довольно; прочти стихи — и пожалей, буде можешь, несколько и обо мне; сам я о себе не жалею. J'ai le sentiment de vouloir me soufflete ***. Прощай! Обнимаю тебя и сестриц твоих.

В. К.

Это последнее собственноручное письмо слепнувшего Кюхельбекера.

Слух о смерти Э. Ф. Брейткопф (см. о ней прим. 4 к письму № 4), дошедший до Кюхельбекера, оказался ложным. В дневнике под 9 октября Кюхельбекер записал: «Пишут, будто бы скончалась Э. Ф. Брейткопф. Еще один ангел возвратился в свою отчизну небесную!». Стихотворение, которым Кюхельбекер откликнулся на это известие — «И ты на небо воспарило...» (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 205) приложено к публикуемому письму.

50. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

Тобольск. 11 мая 1846 г.

Милый друг Наташа!

Благодарю тебя, что вспомнила меня в светлое христово воскресенье. Все, что ты пишешь о вашем посещении последнего темного жилища моей бедной матери, глубоко меня тронуло. Давно бы и я просился к ней, но

* Не могу изображать себя лучше, чем я есть (франц.).

** я мог бы даже сказать: я склонен забыть о смерти; к чему говорить о ней?.. (франц.).

*** Кажется, надавал бы себе пощечин (франц.).

что будет с моими детьми, что будет с моей женой? Чем долее живу на свете, тем горшнее собираю плоды человекопознания — и в какое время! Довольно, казалось бы, физических страданий — нет, должны к ним присовокупляться самые живые сердечные. Слегка упомяну тебе о некоторых: жил в Кургане со мной под одним кровом молодой человек, товарищ Н. П. Р.¹; он был у меня как сын родной, и между тем каждое мое слово передавал особе, не любившей меня; а когда я стал собираться из Кургана, совершил свой подвиг словами: пусть бы уж он по пути на меня сердился, а жаль, что я не украл его дневников (в которых, впрочем, нет ничего такого, чего бы нельзя было прочесть вслух целому миру). А <о> *здеших* разочаровани<ях> ты можешь судить по следующим стихам:

Не разлучайтесь с любовью животворной,
С святою верою, надеждой неземной,
И да не встретитесь с любовью притворной,
Ни с суетной надеждою-мечтой,
Ни с верой мертвою, надменной и холодной,
Подобной той смоковнице бесплодной,
Которую сухую проклинал Спас...

Их трудно отличить подчас
От дивных дочерей Софии... Искупитель
И тут единственный наш друг руководитель;
А он вещает ясно нам:
«Узнайте их по их делам»².

Признаюсь откровенно, что последний удар для меня был несказанно тяжел, потому что тут пострадало благоговейное почти уважение к тем, которые, я полагал, будут наставниками и руководителями моими на пути спасения. Впрочем, нашлись и тут очень исключительные исключения <!>. Обманываться до доски гроба — верно, уж удел мой, но оставим. Слава богу и то, что в самаритянах Б. и П.³, из которых первый в переписке с вашей маменькой, я нашел совсем другое.

Теперь уж вы, верно, в Закупе. Непомерная цена хлеба в Смоленске истинно приводит в ужас. Бедные, бедные крестьяне! да и бедная моя Устинья Карловна! Воображаю ее беспокойство, хлопоты и горе. Хочу еще писать Саме особенно — и потому оканчиваю это письмо. Твоя кума⁴ шлет тебе преусердный поклон. Я целую тебя, а крестница⁵, кроме Устиньи Карловны, никого из вас знать не хочет; то и дело, что твердит: Устинья Карловна мне сестричка. Третьего дня, не знаю с какого уж повода, она вдруг няньке и брату сказала: подите вы прочь, я не к вам иду, а к своему Николаю Павловичу. Крикунья она препорядочная. Но меня слушается и, кажется, любит; но матери трудно с нею сладить.

М. Кюхельбекер вместо отца

И он же целует Ваши ручки.

Письмо написано рукой сына Кюхельбекера — Михаила.

¹ Н. П. Р. — повидимому, Рихтер, сибирский знакомый Кюхельбекера, горный инженер, к которому Кюхельбекер 25 января 1846 г. обратился со стихотворением «Мой бедный Рихтер, я тебя обидел...», (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 209).

² Эти строки — окончание стихотворения «Вот, слава богу, я опять спокоен...», обращенного к декабристу Н. В. Басаргину и датированного 13 апреля 1846 г. (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 215 — с незначительными разночтениями).

³ Б. — может быть, Н. В. Басаргин, которого Кюхельбекер называет в упомянутом стихотворении «ангел божий»; П. — вероятно, П. С. Бобрищев-Пушкин.

⁴ Жена Кюхельбекера.

⁵ Дочь Кюхельбекера — Юстина, заочной крестной матерью которой была Нат. Григ. Глинка.